

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СТАНДАРТИЗАЦИИ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Научное издание**

Шухободский Александр Борисович

**Статус памятника истории и культуры
(попытка проникнуть в сакральное пространство нашего
наследия)**

Санкт-Петербург

АНО «НИИ СМД»

2013 г.

УДК 130.2 (470)

ББК87

Ш 98

Утверждено на заседании Ученого совета
Автономной некоммерческой организации
«Научно исследовательский институт Стандартизации музейной деятельности»

Рецензенты:

доктор философских наук, *профессор Б.Г. Соколов*,
кандидат культурологии *Ю.В. Иванова*

Редактор

Кузнецова Ю.С.

Художник

Быков А.М.

Шухободский А.Б.

Ш 98

Статус памятника истории и культуры (попытка проникнуть в сакральное пространство нашего наследия)/А.Б. Шухободский. - СПб.: АНО НИИ «СМД», 2013 - стр. 169.

ISBN 978-5-904849-06-1

«Статус памятника истории и культуры (попытка проникнуть в сакральное пространство нашего наследия)» представляет собой опыт исследования онтических и культурноонтических оснований феноменов «памятник истории и культуры» и «объект археологического наследия». Автором предлагается ряд определений понятий и терминов, используемых в области сохранения культурного наследия, носящий сущностный, а не перечислительный характер.

Монография ориентирована как на профессионалов: философов, культурологов, краеведов, специалистов в области «охраны памятников истории и культуры», музееведов, археологов, историков, правоведов и пр., так и на широкий круг читателей, интересующихся тематикой данной книги.

© Шухободский А. Б. 2013
© АНО НИИ «СМД». 2013

Я смотрю на себя, как на ребенка, который, играя на морском берегу, нашел несколько камешков поглаже и раковин попестрее, чем удавалось другим, в то время как неизмеримый океан истины расстилался перед моим взором неисследованным.

Исаак Ньютон¹

ВСТУПЛЕНИЕ

Ни одна работа не может не начинаться «вступлением» или «введением». Для того, чтоб эта книга стала скучной для читающего, во вступлении надо ему рассказать, что будет написано дальше до самого конца, а потом начать рассказывать тоже самое, но долго и нудно. Данным пороком не страдают детективы, так как в противном случае их толщина сократилась бы до трёх-четырёх страниц и авторам, которым и так-то не здорово живётся, осталось бы только «положить зубы на полку». Интересная сама по себе эта фраза, явно относящаяся к зубным протезам...

Но, впрочем, надобно вернуться к тому, о чём собственно хотелось сказать. Данная работа, как и любое исследование последних лет, носит исключительно тягостный характер сравнений, перечислений, заключений и т.д. Однако, автор всё же постарается сделать эту книгу хоть сколько-нибудь читабельной.

Итак, попробуем начать: «Всемерная обеспокоенность состоянием и положением, в связи с тем, что...» - как-то стандартно и суховато.

Или: «В свете последних решений, принятых Правительством и лично Президентом...» - что-то напоминает из недавно не забытого.

Поэтому автор лишь констатирует, что некоторое знание предмета позволило ему взглянуть в рамках данной книги на хорошо известные всем вещи несколько по-другому. И это не есть достоинство или недостаток, а просто так получилось.

Итак, субъекты и объекты. Субъектом, является, конечно, индивид или группа индивидов, а объектом - феномен «памятника истории и культуры» как особый род недвижимой «культурной ценности». А кроме этого, есть ещё и предмет исследования, и это - роль «памятника истории и культуры» в формировании мировоззрения на основе определения его статуса в современном культурном пространстве. Стало уже интересно, почти как в сто двадцать пятой серии «мыльной оперы», особенно учитывая, что это только начало повествования.

Но на самом деле речь идет о серьезных вещах, точнее, кажущихся серьезными. Ибо не всё то, что кажется, или является перед взором ученого, есть предмет научного анализа. Красный объект для читателя, он красен и для автора (вот только он алый, или багровый, или багряный, или вишневый или...). Это и есть одна из условностей, настолько классических и непонятных,

¹Цитируется в переводе по Toohey Sue. Isaac Newton & the Ocean of Truth. [Электронный ресурс] URL: <http://www.skyscript.co.uk/newton.html> (дата обращения 26.11.2012). (Сэр Исаак Ньютон (Sir Isaac Newton, 25.12.1642 (04.01.1643) – 20.03.1727 (31.03.1727) - английский физик, математик и астроном, один из создателей классической физики).

что при всей простоте и очевидности мы знаем о сознании, которое так близко, известно и понятно, не больше чем о Сириусе², а может быть и меньше.

И важно то, что проще говорить о серьезном, чем о том, что нам кажется смешным, каким представляется вроде бы то, что, скажем, написал в «Горе от ума» Грибоедов, хотя у него там всё намного серьезнее было, чем в «Ревизоре» у Гоголя. И всё мыслится просто как какой-нибудь шпангоут, и если бы ещё знать, что это такое, куда его надо приложить, или приделать.

И речь идёт только о «памятнике истории и культуры», а вовсе не просто о «памятнике», понятии намного более широком и привычном в контексте русской культурной традиции. И сразу вспоминаются зелёно-грязно-серые обложки «Литературных памятников» или красно-коричневые обложки «Памятников исторической мысли»... Или там, где мы стоим и плачем, молясь не богам, а своим предкам и даже не предкам, а отцу или матери или самое страшное своим детям...

И получается, что не всё так просто вокруг «памятников» и наследия и наследования. И как бы ни был скучен путь, даже если один путник пройдёт хотя бы его половину, надо вручить ему награду за долготерпение, или хотя бы вспомнить о пути, пройденном «человеком с большой головой, уезжающим в туман на быке»³.

И пусть читатель простит автора за то, что он, где смог, дал справку об авторах эпиграфов, многие из которых широко известны, а многие никому неизвестны...

Всё это немного добавляет занудства, но автор пытался написать современную книгу о частичке познания, а не ещё одну часть гениальных Гаргантюа⁴, или Швейка⁵, ни в коей мере не умаляя того, что все мы по-прежнему плывем на «Корабле дураков»⁶, а вовсе не на «Золотой Лани»⁷...

²Сириус находится в созвездии Большого Пса. Это одна из ближайших к нашей системе звёзд и самая яркая, которую можно наблюдать с Земли. Сириус представляет собой двойную звезду, вторая была предсказана в 1844 г., обнаружена 1862 г., и в 1915 г. было установлено, что Сириус Б это белый карлик. Две звезды вращаются вокруг общего центра масс на расстоянии примерно в 20 астрономических единиц с периодом оборота, близким к 50 годам. Загадка Сириуса заключается в том, что малочисленное африканское племя догонов в своей мифологии, насчитывающей более 700 лет, считают звезду Сириус тройной. Главную или Сириус-А догоны называют Сиги толо. Второстепенные носят названия: По толо и Эммейа толо. По толо — это Сириус-В или белый карлик. А вот Эммейа толо современной астрономии неизвестна.

³Его звали Конфуций. (Конфуций (кит. 孔子 Кун-Цзы, реже кит. 孔夫子 Кун Фу-Цзы, латинизировано как *Confucius*; тж. Цю Цю и Чжун Ни 仲尼, ок. 551 до н. э., Цюйфу — 479 до н. э.) - древний мыслитель и философ Китая, основатель конфуцианства. Настоящее имя — Кун Цю (孔丘 Kǒng Qiū), в западной литературе часто именуется Кун-цзы, Кун Фу-Цзы («учитель Кун») или просто Цзы — «Учитель»). Только не надо путать с Лао Цзы. (Лао-цзы (Старый Младенец, Мудрый Старец; кит. упр. 老子, пиньинь: *Lǎo Zi*, VI век до н. э.), древнекитайский философ VI—V вв. до н. э., один из основателей учения даосизма.)

⁴«Гаргантюа и Пантагрюэль» (фр. *La vie très horrible du grand Gargantua, père de Pantagruel*) — сатирический роман французского писателя XVI в. Франсуа Рабле, который высмеивает многие человеческие пороки, не щадит современные автору государство и церковь.

⁵Бравый солдат Швейк — сатирический персонаж, придуманный чешским писателем Ярославом Гашеком; главный герой романа «Похождения бравого солдата Швейка».

⁶«Корабль дураков» (впервые напечатан в Базеле в 1494 г.) - сатирическое произведение Себастьяна Бранта (Sebastian Brant; 1458 — 10.05.1521 Страсбург) — немецкого сатирика, прозаика, поэта, юриста, «доктора обоих прав». (Брант был ученым юристом и имел степень доктора гражданского (имперского) и канонического (церковного) права).

Дальше текст будет скучным, ибо школярство не является радостью, а есть лишь промежуток между знанием и обедом, как говаривал барон дю Валлон де Брасье де Пьерфон – в простонародье более известный, как Портос⁸...

И всё же начнём эту скучную книгу. «О, суета сует и всяческая суета...»⁹

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПАМЯТНИКЕ

«In the beginning God created the heaven and the earth. And the earth was without form, and void; and darkness was upon the face of the deep. And the Spirit of God moved upon the face of the waters. And God said, Let there be light: and there was light»

Genesis1:1-3¹⁰

Приступая к исследованию феномена «памятник истории и культуры», современное понимание которого стало формироваться лишь во второй половине XX в., необходимо отметить тот факт, что и по сей день, его научный анализ оказывается невозможным в рамках одной научной дисциплины. В то же время философское осмысление данного явления требует всестороннего рассмотрения трансформации рецепции феномена «памятник истории и культуры». Это возможно на основе исследования этимологии русской традиции формирования понятия «памятник» и эволюции зарубежной терминологии, связанной с данным феноменом. Кроме того, необходим анализ тождественности феноменов «объект культурного наследия» и «памятник истории и культуры».

Такая возможность предоставляется путем определения роли данных феноменов в современном культурном пространстве, определяемом как постмодерн. Это в свою очередь требует определения феномена «культурная ценность» и выявления того, каким образом данный феномен соотносится с «памятником истории и культуры». Учитывая то, что все традиционно используемые определения феномена «памятник истории и культуры» носят перечислительный характер, предпринимается попытка на основе ценностного подхода дать его наиболее общее определение, позволяющее выделить данный феномен из ряда других видов культурного наследия. Поставленные задачи, несмотря на всю их сложность, представляются вполне разрешимыми в рамках

⁷Золотая лань (Golden Hind) — небольшой английский галеон, который между 1577 и 1580 гг. совершил второе в истории Земли кругосветное плавание. Капитаном судна был сэр Френсис Дрейк английский мореплаватель, корсар, а затем вице-адмирал её величества королевы Елизаветы I.

⁸Портос (фр. Porthos, он же барон дю Валлон де Брасье де Пьерфон, фр. baron du Vallon de Bracieux de Pierrefonds, личное имя неизвестно) — один из четырех мушкетёров, вымышленный персонаж романа Александра Дюма «Три мушкетёра», а также «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя».

⁹Vanitas vanitatum, et omnia vanitas – (латынь) суета сует и всяческая суета – Библия. Ветхий завет. Книга Экклесиаста глава 1:2.

¹⁰King James Bible (Cambridge edition). Genesis 1:1-3. [Электронный ресурс] URL: <http://bible.cc/genesis/1-1.htm>. (дата обращения 25.11.2012). Русский текст: Библия - М.: Российское Библейское Общество, 2008. «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.» – Глава 1. Бытие 1-3. (Уже здесь мы видим различие в понимании одного и того же. Для одних народов «Генезис» для других «Бытие». В этом и кроется основа «коллективной» идентичности разных культур).

данного исследования путем междисциплинарного обобщения научного знания.

Понятие памятника

Память - функция эмоций
Януш Леон Вишневский¹¹

Не разучись отличать
надгробия от памятников
Станислав Ежи Лец¹²

Представляется необходимым рассмотреть вопросы этимологии, как самого понятия «памятник», так и понятия «памятник истории и культуры». В связи с тем, что феномены, соотносимые с этими понятиями, являются элементами системы сохранения, наследования и традирования, далее надлежит исследовать отдельные подходы к определению их места в современной культуре, в частности, концепции «наследия прошлого в настоящем», «исторической культуры», «исторического сознания» и «культурной памяти». Кроме того, предметом анализа является и само понятие «память», так как в русской традиции оно смыслообразующее в обоих понятиях, связанных с «памятниками». Учитывая то, что «памятники истории и культуры» являются «культурными ценностями», необходимо изучить и понятие «ценность».

Прежде, чем приступить к рассмотрению понятия «памятник», необходимо определить его место в современном культурном пространстве. Так как трактовок понятия «культура» бесчисленное множество, целесообразно остановиться лишь на тех, которые нужны автору данного исследования для понимания феномена «памятник истории и культуры».

Развернутое определение культуры было дано одним из основоположников науки о культурном наследии Н.К. Рерихом. «Культура есть истинное просветленное познание. Культура есть научное и вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества. Культура есть красота во всем ее творческом величии. Культура есть точное знание вне предрассудков и суеверий. Культура есть утверждение добра во всей его действительности. Культура есть песнь мирного труда в его бесконечном совершенствовании. Культура есть переоценка ценностей для нахождения истинных сокровищ народа. Культура утверждается в сердце народа и создает стремление к строительству. Культура воспринимает все открытия и улучшения жизни, ибо она живет во всем мыслящем и сознательном. Культура защищает

¹¹Вишневский Я.Л. Одиночество в сети. - С.99. [Электронный ресурс] URL: http://www.modernlib.ru/books/vishnevskiy_yanush/odinochestvo_v_seti/ (дата обращения 27.11.2012). (Януш Леон Вишневский (Janusz Leon Wisniewski; р.1954) - популярный современный польский писатель).

¹²Лец С.Е. Непричесанные мысли. - С.12 [Электронный ресурс] URL: http://www.modernlib.ru/books/lec_stanislaw/neprichesannye_misli/ (дата обращения 27.11.2012). (Станислав Ежи Лец (Stanisław Jerzy Lec) (6 марта 1909, Лемберг— 7 мая 1966, Варшава) — выдающийся польский сатирик, поэт, афорист XX в. Лемберг - официальное название (нем.) города Львов в Украине в 1772—1918 гг.).

историческое достоинство народа»¹³. Такое образное и эмоциональное определение культуры носит расширенный характер. Значительно менее эмоциональное, но емкое понятие культуры было сформулировано З. Фрейдом: «Человеческая культура – под этим я разумею всё то, чем человеческая жизнь возвышается над своими животными условиями и чем она отличается от жизни животных, причем я пренебрегаю различием между культурой и цивилизацией¹⁴, - эта человеческая культура, как известно, показывает наблюдателю две стороны. С одной стороны, она охватывает все приобретенные людьми знания и умения, дающие им возможность овладеть силами природы и получить от неё материальные блага для удовлетворения человеческих потребностей; с другой стороны, в неё входят все те установления, которые необходимы для упорядочения отношений людей между собой, а особенно для распределения достижимых материальных благ»¹⁵. Кратко можно сформулировать, что культура является сферой присутствия человека, то есть реального конституирования как реального выстраивания культурного пространства человеческого присутствия. Или, другими словами, культура – это сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания.

Одним из сущностных свойств культуры является сбережение и сохранение, которое реализуется через механизмы традирования (трансляции традиций). В свою очередь, эти механизмы передачи традиции образуют смысл и суть культурного наследия. При этом культурное наследие, репрезентируя несколько ролей прошлого в исторической культуре современности¹⁶, представляет собой, по сути, сохранение воспроизводства той или иной культурной традиции. То есть культурное наследие представляет собой сложную социокультурную систему, несущую в себе информацию. Любая культурная традиция не только воспроизводится, но и имеет некоторый «дрейф». При этом основу составляет повтор и неизменность оптимальных форм экзистирования, в то время как изменения являются приспособлением к изменяющемуся контексту существования. Автору близко понимание Т.Г. Мироновой, заключающееся в том, что «подходы к процессу сохранения культурного и природного наследия зависят, прежде всего, от того, что вкладывается в данное понятие в тот или иной исторический период. В связи с этим, первоначально интерес к недвижимым «памятникам» проявился в виде так называемой «тоски по прошлому», вызванной утратой старой субстанции, стремлением к сохранению традиций или же интереса к необычному, редкостному. Вплоть до недавнего времени выдающееся культурное достижение данного общества определялось как «памятник». Следовательно,

¹³Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. - М.: МЦР, 1999. - С.24.

¹⁴«Будущее одной иллюзии» З. Фрейд написал в 1927 г. Здесь, по-видимому, он противопоставляет свое понимание пониманию предложенному О. Шпенглером в его работе «Закат Европы», изданной в 1918 г. и имевший огромный резонанс в культурном и философском пространстве того времени.

¹⁵Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я»: пер. с нем.: Будущее одной иллюзии. – СПб.: Изд. Группа «Азбука-классика», 2009. – С. 112-113.

¹⁶Подробнее о развитии концепции наследия см. Samuel Raphael. Theaters of Memory. Vol. 1: Past and Present in Contemporary Culture. Part III – London: Verso, 1994. – 493 pp.

смысловой основой подобного подхода являлось «сохранение памяти, которая объективировалась в предметах, созданных ранее, и чем старше был предмет, тем большую ценность он приобретал в глазах открывших его потомков. Однако подобное отношение к фактам культуры приводило к тому, что «объект» вырывался из своей среды, задуманной для него ранее, из времени, отражением которого он был. Теряя пространственно-временную связь с окружающим миром, «памятник» становился «формой без содержания». Искажение сущности, вложенной в тот или иной предмет, односторонняя оценка его роли и места в социальной жизни приводили в ряде случаев к общественному забвению «памятника», а иногда и к гибели»¹⁷.

Для понимания феномена «памятник истории и культуры» необходимо затронуть вопрос о «наследии прошлого в настоящем». Существует ряд попыток решения данного вопроса. В частности, в начальный период это были идеи того, что смысл прошлого в будущем постижим на основе критики внутренних структур и идеологий, на которых основано современное восприятие прошлого. Такой подход может быть обнаружен в работах Ролана Барта¹⁸; в критическом анализе современных идеологий, используемых для представления прошлого (Марк Леоне, Паркер Поттер, Пол Шакекел)¹⁹; в товаризации прошлого в современных практиках сохранения наследия (Майкл Шэнкс, Кристофер Тилей)²⁰ и др.

Второй известный подход к концепции прошлого в настоящем изложен в работах Дэвида Ловентала²¹. Он заключается в том, что прошлое в современном окружении может исследоваться как незнакомая страна. То есть мы воспринимаем прошлое как путешествие в страну, в которой мы ещё не были.

Третий подход основан на том, каким образом прошлое фокусируется в настоящем на роли наследия в постиндустриальном мире (Кевин Уолш, Питер Фаулер, Грегори Эшворт, Питер Ларкхэм)²². В основном он рассматривает, какое влияние прошлое и археология оказывают на индустрию отдыха (Хенри Клири, Джон Карман)²³. Этот подход не затрагивает вопросы культурных смыслов, тем не менее, затрагивается политика в области экономики, связанной

¹⁷Миронова Т.Г. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества. - С. 74.

¹⁸Барт Р. Мифологии - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. - 312 с.

¹⁹Leone Mark, Potter Parker and Shackel Paul. Toward a Critical Archaeology (with comments and reply)// Current Anthropology 28, 1987. – pp. 283-302.

²⁰Shanks Michael and Tilley Christopher. Re-Constructing Archaeology. Chapters 1 and 4. – London: Routledge, 1992. – 70 pp.

²¹Lowenthal David. The Past is a Foreign Country. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 516 pp.

²²Walsh Kevin. The Post-Modern Threat to the Past. In: I.Bapty and T.Yates (eds) Archaeology after Structuralism: Post-structuralism and the Practice of Archaeology. - London: Routledge, 1990. - pp. 278-293; Walsh, Kevin. The Representation of the Past. Museums and Heritage in the Post-Modern World. - London: Routledge, - 1992. – 204 pp.; Fowler Peter. The Past in Contemporary Society: Then, Now. - London: Routledge, 1992. – 192 pp.; Ashworth, Gregory J. and Peter J. Larkham (eds). Building a New Heritage: Tourism, Culture and Identity in the New Europe. - London and New York: Routledge, 1994. – 228 pp.

²³Cleery Henry (ed) Archaeological Heritage Management in the Modern World. One World Archaeology. Vol. 9. – London: Unwin Hyman, 1989. – 332 pp.; Carman John. Beating the Bounds: Archaeological Heritage Management as Archaeology, Archaeology as Social Science. Archaeological Review from Cambridge 10:2 – Cambridge, 1991. – pp. 175-184.

с эксплуатацией культурного наследия (Кристиан Кристиансен)²⁴. Особое внимание при этом уделяется тому, каким образом туристы воспринимают прошлое именно той культуры, которую они в настоящий момент обозревают (Дин МакКеннелл, Дэвид Хорн, Джон Урри, Карен Ида Петерсон)²⁵. В последнее время в рамках этого подхода возникли дискуссии по вопросам понимания прошлого культурными меньшинствами, и о сущности конфликтов, которые оно порождает с доминирующей культурой (Роберт Лейтон)²⁶.

Ряд исследований, утверждает, что тематика феномена «наследие» появилась не в XIX в., а существовала всегда, в том числе и в доисторический период, так как каждое общество имело связь со своим прошлым, даже когда не возводило это в ранг научной рефлексии (Дэвид Харвей, Корнелиус Холторф)²⁷.

Можно выделить два основных подхода к проблеме интерпретации «наследия прошлого в настоящем». Первый подход является эпистемологическим (Ульрих Вейт, Жак Ле Гофф, Дэвид Кларк, Стюарт Пигготт)²⁸. В его основу положено признание фундаментальной дифференциации прошлого и настоящего, причем в настоящем индивид стремится делать заключение о прошлом, только если оно может быть проверено или установлено какими-либо свидетельствами. В отношении доисторического периода может быть использован метод этнографических аналогий, которые так же должны быть подтверждены другими свидетельствами. Однако этот метод практически не позволяет производить суждения о доисторическом периоде и древнейшей истории, так как любые идеи о том, что думали люди в то время, будут всего лишь умозрительными построениями. Второй подход заключается в том, что прошлое и настоящее имеют прочную связь между собой (Элис Коли-Кунц, Джордж Херберт Мид, Ян Ходдер, Корнелиус Холторф)²⁹, и они основаны на интерпретациях и

²⁴Kristiansen Kristian «The Strength of the Past and its Great Might»; an Essay on the Use of the Past. *Journal of European Archaeology* 1. – Cruithne Press, 1993. – pp. 3-32.

²⁵MacCannell, Dean. Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings. *American Journal of Sociology* 79 (3), 1973 - pp. 589-603; Horne David. *The Great Museum. The Re-Presentation of History*. – London and Sydney, Pluto, 1984. – 265 pp.; Urry John. *The Tourist Gaze: leisure and travel in contemporary societies*. – Newbury Park CA and London: Sage Publications, 1990. – 176 pp.; Shanks, Michael. *Experiencing the Past. On the Character of Archaeology*. - London: Routledge, 1992. – 231 pp.; Peterson, Karen Ida. *The Heritage Resource as Seen by the Tourist: The Heritage Connection [1990]*. In: J.v.Harszel (ed.) *Tourism: An Exploration. Third Edition*. - Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1994. - pp. 242-249.

²⁶Layton Robert (ed.) *Conflict in the Archaeology of Living Tradition*. – London and New York: Routledge, 2005. – 243 pp.

²⁷Harvey David. *Heritage Pasts and Heritage Presents: temporality, meaning and the scope of heritage studies*. *International Journal of Heritage Studies* 7, 2001. – pp. 319-338.; Holtorf Cornelius. (2000-2008) *Monumental Past: The Life-histories of Megalithic Monuments in Mecklenburg-Borpommern (Germany)*. Electronic monograph. University of Toronto: Centre for Instructional Technology Development. [Электронный ресурс] URL: <http://hdl.handle.net/1807/245> (дата обращения: 30.05.2011).

²⁸См. Clark David. *Analytical Archaeology*. – London: Methuen & Co, 1968. – 684 pp.; Goff Jacques Le. *Past/Present (1977-1981)*. In: J.L. Goff, *Hystory and Memory*. – New York: Columbia University Press, 1992. – pp. 1-19; Piggott Stuart. *Approach to Archaeology (1959)*. – Harmondsworth: Penguin, 1966; Veit Ulrich. *Kollektivbestattung im nord- und westeuropäischen Neolithikum*. *Bonner Jahrbucher* 193, 1993 – S. 40.

²⁹ См. Hodder Ian. *Theory and Practice in Archaeology*. – London and New York: Routledge, 1992. – pp. 176-179; Holtorf Cornelius. (2000-2008) *Monumental Past*; Kohli-Kunz Alice. *Erinnern und Vergessen. Das Gegenwartigsein des Vergangenen als Grundproblem historischer Wissenschaft. Erfahrung und Denken, Vol. 40*. – Berlin: Duncker &

наделении смысла прошлому. В данной концепции прошлое не существует нигде, кроме как в «культурной памяти» сообщества и через интерпретационные механизмы, вмонтированные в контекст современности. То есть прошлое, которое существует в данном обществе, релевантно этому обществу, в противном случае данное общество имело бы другое прошлое.

С проблематикой культурного наследия связан феномен «исторического сознания» («historical consciousness»). В 1949 г. Карл Ясперс заявил, что доисторический период не является историей, так как в нём отсутствуют исторические события, письменные свидетельства и понятие о корнях своего происхождения³⁰. Эта же позиция была поддержана Йозефом Фогтом. Последний, в частности, утверждал, что доисторический период является детством человечества, и только когда люди научились писать, они покинули состояние наивности и постигли более высокую форму «исторического сознания»³¹.

Сходным образом полагая, что история появляется сначала в Древней Месопотамии и Египте, и позже в античной Греции, последователи Ясперса (Стефан Тумлин, Джун Гудфилд, Джек Гуди, Клаус Мюллер) считают, что в доисторическом обществе, также как и у современных народов, не имеющих письменности, люди жили только в настоящем и не задумывались о прошлом³². Время для них имело либо циклический характер, либо представлялось как обратное продолжение настоящего. И, таким образом, не удивительно, что Джон ван Сетерс отождествлял историю исключительно с историей письменности³³.

Другого мнения придерживается Хорст Кишнер, который утверждает, что не следует переоценивать значение письменности, и доисторический период является частью истории³⁴, а не предысторией. Рюдигер Шот³⁵ также полагает, что «историческое сознание» должно быть отделено от письменности. Херман Мюллер-Карпе под «историческим сознанием» понимает осознание социумом своей историчности, своей идентичности относительно других соседствующих общностей, и определение им своих целей на будущее, вытекающих из этого в настоящий момент, в частности, конструирование систем защиты своего

Humbolt, 1973. – 117 S.; Mead George H. The Nature of the Past. In: J. Coss (ed.) Essays in Honor of John Dewey. – New York: Henry Holt & Co, 1929. – pp. 235-242.

³⁰ Ясперс К. Истоки истории и её цель: пер с немецкого. – М.: Республика, 1994. – 360 с. (Мыслители XX в.).

³¹ Vogt Joseph. Geschichte und Vorgeschichte. Historisches Jahrbuch 62/69, 1949. – S. 7.

³² Toulmin Stephen and Goodfield June. The Discovery of Time. – London: Hutchinson, 1965. – p.23; Butterfield Herbert. The Origin of History. – London: Methuen, 1981. – pp. 17-22; Goody Jack. Time: Social Organization. In D.L. Sills (ed.) International Encyclopedia of Social Sciences 16. – New York: Macmillan, 1991 – pp. 39-40; Muller Klaus. Prahistorisches Geschichtsbewusstsein. Versuch einer ethnologischen Strukturbestimmung. In: J. Rusen, M. Gottlob, and A. Mittag (eds). Die Vielfalt der Kulturen (Erinnerung, Geschichte, Identität 4). – Frankfurt: Suhrkamp, 1998. – S. 269-295.

³³ Seters John van. In Search of History. Historiography in the ancient world and the origins of Biblical history. – New Haven and London: Yale University Press, 1983. – pp. 6-9.

³⁴ Kirchner Horst. Vorgeschichte als Geschichte. Die Welt als Geschichte 11, 1951 – S. 84.

³⁵ Schott Rudiger. Das Geshichtshewusstsein schriftloser Volker. Archiv für Begriffsgeschichte 12, 1968. – S. 166-167

сообщества³⁶. Очевидно, что такое понимание уже существовало и намного ранее возникновения письменности.

Отечественный исследователь М.А. Барг имеет схожее мнение по данному вопросу. В его интерпретации «историческое сознание – это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, мост, ведущий человека из прошлого в грядущее»³⁷.

Согласно такому подходу, «историческое сознание» предполагает осознание индивидом того, что он является частью социума, имеющего явно выраженные традиции (Ян Ассман)³⁸. Такое понимание, в определенной мере, было присуще людям уже на самых ранних стадиях развития человечества, о чем свидетельствуют раскопки поселений, начиная с периода неолита³⁹. Однако, в последнее время трактовка «исторического сознания» только в форме сохранения традиций широко критикуется.

Считается, что понятие «историческое сознание» значительно шире. По мнению Йорна Рузена, «историческое сознание» близко по смыслу к выдвинутой им концепции «исторической культуры» и включает всё, что переносит предшествующий опыт на повседневную жизнь в настоящем⁴⁰.

Хорст Киршнер обратил внимание на различие между «историческим сознанием», которое характерно для некоторых сообществ, начиная с XVIII в., и «чувством истории», которое существовало всегда⁴¹. По его мнению, любая традиция основывается на донаучном понимании того, что было ранее. В частности, сельское хозяйство и военная деятельность требовали долговременного планирования на будущее, а, следовательно, и восприятия длительных периодов прошлого. Такую же роль в сохранении длительной памяти играли культовые места и сооружения (Хорст Киршнер, Ричард Брэдли)⁴². Но Киршнер считал, что для «чувства истории» характерно полное непонимание хронологии событий, и, таким образом, он воспринимал данное явление отлично от «наследия прошлого в настоящем». Исследование Пола Тэйкона⁴³ ранних наскальных рисунков Австралии показало, что даже примитивные народы имели чувство времени, причём как будущего, так и прошлого. К аналогичному мнению о том, что все доисторические общества направляли свою деятельность в настоящем, основываясь на генеалогии или

³⁶Müller-Karpe Herman. Zu Frühformen des Geschichtlichkeitsbewusstseins. In: H. Müller-Karpe (ed.) Archäologie und Geschichtlichkeitsbewusstseins. Kolloquien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 3. – München: Beck, 1982. – S. 5-11.

³⁷Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии//Вопросы истории № 12, 1982. – С. 66.

³⁸Assmann Jan. Stein und Zeit. Das “monumentale” Gedächtnis der altägyptischen Kultur. In: J. Assmann and T. Holscher (eds) Kultur und Gedächtnis. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1988. – S. 103.

³⁹Müller-Karpe Herman. Zu Frühformen des Geschichtlichkeitsbewusstseins. – S. 8.

⁴⁰Rusen Jorn. Was ist Geschichtsbewusstsein? Theoretische Überlegungen und heuristische Hinweise (1991). In: J. Rusen. Historische Orientierung. – Köln: Bohlau, 1994. – S. 3-24.

⁴¹Kirchner Horst. Über das Verhältnis des schriftlosen frühgeschichtlichen Menschen zu seiner Geschichte. Sociologus N.F. 4, 1954 – S. 9-22.

⁴²Kirchner Horst. Über das Verhältnis des schriftlosen frühgeschichtlichen Menschen zu seiner Geschichte. – S. 10-11; Bradley Richard. Ritual, Time and History. World Archaeology. 23 (2), 1991 – pp. 209-219.

⁴³Tacon Paul S.C. Socialising Landscapes: the Long-term Implications of Signs, Symbols and Marks on the Land. Archaeology in Oceania 29, 1994 – pp. 126.

мифологии прошлого, пришёл ряд исследователей (Крис Госден, Гэри Локк, Тор Артелиус, Фрэнсис Прайор)⁴⁴, изучавших бронзовый и железный века.

Корнелиус Холторф, Пол Гарвуд, Эужен Неуступны, Клавс Рандсборг пришли к почти одинаковому выводу, что древние объекты, начиная с момента их создания, и всё их длительное существование в доисторический и исторический периоды и вплоть до современности, получали новые смыслы и играли разные роли в обществе, так как представляли из себя видимое присутствие истории, заключив в себя культ предков⁴⁵. Этот вывод особенно важен для понимания феномена «памятник истории и культуры».

Учитывая противоречивость указанных терминов, Йорн Рузен и Корнелиус Холторф применяют понятие, которое включает все культурные аспекты прошлого – «историческая культура» («history culture»)⁴⁶. Согласно Рузену⁴⁷, «историческая культура» - это каждое практически эффективное проявление «исторического сознания» в жизни общества. При этом указывается, что она охватывает не только сознание, но и другие формы «исторических воспоминаний» («historical recollections»). То есть «историческая культура» охватывает всё, что из прошлого происходит в повседневности. Она включает: места наследия, музейные экспозиции, школьные уроки, туристские брошюры, политические речи, исторические романы, документальные телефильмы, некоторые из объявлений, научные лекции, народные сказки и сказания, экскурсии к старинным памятникам и другим памятным местам и др.

Для «исторической культуры» не существует глубокого деления между памятью и историей, прошлое и настоящее объединены, и точные датировки не имеют большого смысла (Дэвид Ловенталь)⁴⁸. «Историческая культура» контекстуальна относительно настоящего, а не прошлого. При этом постоянно растёт влияние чисто рыночных механизмов эксплуатации наследия, что приводит не к возвышению и росту культурного развития общества, а к его утилитарному использованию, зачастую с избыточной нагрузкой, приводящей к непоправимым разрушительным последствиям.

Несмотря на то, что современные транспортные и информационные возможности дают всё более широкий доступ к культурному, этническому и конфессиональному многообразию цивилизации в ситуации постмодерна, происходит не диалог культур, а замещение одних тенденций на другие. В

⁴⁴См. Gosden Chris and Lock Gary. Prehistorick histories. World Archaeology 30, 1998 – pp. 2-12; Artelius Tore. The Framework of Pagan Identity. «Time» in the Southern Scandinavian Late Iron Age. In: H. Karlsson (ed.) It's about Time. The Concept of Time in Archaeology. – Goteborg: Bricoleur Press, 2000. – pp. 1-27; Pryor Francis. Seahenge. New Discoveries in Prehistoric Britain. – London: Harper Collins, 2001. – 337 pp.

⁴⁵См. Holtorf Cornelius. Monumental Past; Garwood Paul. Ritual Tradition and the Reconstitution of Society. In: P. Garwood, D. Jennings, R. Skeates and J. Toms (eds) Sacred and Profane. Proceedings of a Conference on Archaeology. Ritual and Religion, Oxford 1989. Oxford University Committee for Archaeology Monograph 32. – Oxford: Institute of Archaeology. – p.17; Neustupny Evzen. Otherness in Prehistoric Times. In: L. Larsen and B. Stjernquist (eds) The World-View of Prehistoric Man. Rjnferser 40. – Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1998. – p. 69; Randsborg Klavs. Impressions of the Past. Early Material History in Scandinavia. Acta Archaeologica 70, 1999 – p. 186.

⁴⁶Holtorf Cornelius. Monumental Past; Rusen Jorn. Was ist Geschichtsbewusstsein? – S. 5.

⁴⁷Rusen Jorn. Was ist Geschichtsbewusstsein? – S. 5-7.

⁴⁸Lowenthal David. The Past is a Foreign Country. – pp. 219, 223.

России происходит замещение национального подхода к феномену «памятник истории и культуры» на новоевропейский. В результате этого утрачиваются как традиционное самобытное искусство, так и её воспитательная функция. На первый план выходит коммерциализация под предлогом использования культурного наследия как физического исторического ресурса, то есть как одного из видов материального имущества в ущерб его сакральности.

В данной работе рассматривается одна из форм традиционирования, приобретающая в последнее время всё большее значение в обществе. Это «памятник истории и культуры», который в ситуации постмодерна всё более формализуется социальными институтами как «объект культурного наследия». В общем смысле «культурное наследие» одного этноса включает в себя: формы и механизмы индивидуального и культурно-исторического сознания, модели существования индивида, механизмы памяти, социальные институты, этикет, обычаи, традиции, способы обустройства и выстраивания быта в среде обитания, религиозные практики, производство и другие технологии, памятники искусства, хозяйственные ценности, усвоение опыта других культур.

Основополагающую роль для целей настоящего исследования играет не сам всесторонний анализ феномена «памятник истории и культуры», а прояснение той тенденции, в результате которой один феномен заменяется другим, не полностью ему тождественным.

Для того, чтобы акцентировать внимание на духовности русской традиции в восприятии «памятника», можно привести цитату из сочинений русского мыслителя Н.Ф. Федорова, что «памятник» явился первоосновой всего искусства: «...востание (вертикальное положение) живущего и воскрешение в виде памятника умершего есть акт естественный для чувствующего и разумного существа. Востанием и обращением к небу живущего (понесшего утрату) и восстановлением в виде памятника умершего началось искусство. Молитва - вот начало искусства. Молитва и молитвенное (вертикальное) положение были первым актом искусства; это теоантропоургическое искусство, которое состоит в создании Богом человека чрез самого человека. Человек - не произведение только природы, но и дело или создание искусства»⁴⁹. «Когда же вертикальное положение превратилось в сторожевое, тогда родилось искусство антропоургическое, т. е. уже светское, военное, которое, делая человека с одной стороны устрашающим, а с другой - чувственно-привлекательным, старалось однако придать себе священное значение. Придавать себе устрашающий или привлекающий вид - это выражение светского искусства. Современные всемирные выставки и являются таким выражением, ибо извне они должны быть арсеналом, а внутри - магазином прихотей в ответ на половые стремления»⁵⁰. «В акте востания (в вертикальном положении) живущего и в акте создания подобия в виде памятника умершему (в теоантропоургическом

⁴⁹Федоров Н.Ф. Как началось искусство, чем оно стало и чем должно оно быть? Сочинения в 4-четырёх книгах. Кн. 2., - М, Прогресс, 1995. - С. 228. (Написание приводится именно Н.Ф. Федорова, так как он использовал его для подчеркивания придаваемого словам смысла).

⁵⁰Там же. С. 229.

искусстве) человек возвышался, поднимался над природою; производя же из себя устрашающее или чувственно-привлекательное (антропоургическое искусство), человек падал»⁵¹.

Отметим, что в данной книге анализируются не все «памятники», а конкретная группа - «памятники истории и культуры», которая включает в себя большое количество объектов, как являющихся рукотворными, так и возникших в результате прямого воздействия человека на природные образования. Эволюция понятия, в настоящее время тематизированного как «памятник истории и культуры», происходила в течение почти трехвекового периода времени, при этом постоянно изменялся круг объектов, к которому оно применялось⁵². При этом большая часть исследований, связанных с данной проблематикой, относились преимущественно к археологии, юриспруденции и искусствоведению.

Вопросы онтологического осмысления феномена «памятник истории и культуры» лишь частично затрагивались в предшествующих работах по данной тематике⁵³. Несмотря на сложный характер предмета изучения, основное внимание исследователи уделяли вопросам, близким к трем направлениям деятельности по сохранению культурного наследия: «охране памятников», памятниковедению и краеведению⁵⁴.

В результате научных дискуссий было сделано два наиболее важных со смысловой точки зрения вывода. Первый связан с осознанием того, что «памятниками истории и культуры» являются только недвижимые объекты⁵⁵, хотя в ряде случаев они могут включать предметы декоративно-прикладного искусства или скульптуры, исторически и художественно неотделимые от конкретного недвижимого «памятника». Второй - это признание того, что «памятники» являются «культурными ценностями». Именно это обуславливает то, что феномен «памятник» попадает в круг проблем, рассматриваемых в рамках рефлексивной философии, феноменологии и герменевтики, с одной стороны, и аксиологии, с другой. В данном случае под герменевтикой понимается не столько толкование текстов, сколько интерпретация и постижение смысла таких многогранных объектов, как «памятники», обладающие символической значимостью.

Достаточно мало исследованными остаются вопросы этимологии понятия «памятник», а также различий в формировании сходных понятий в рамках разных культурных и языковых традиций. Данная проблема играет

⁵¹Федоров Н.Ф. Как началось искусство, чем оно стало и чем должно оно быть? С. 229.

⁵²Кулемзин А.М. Правильное определение предмета памятникоохранительной деятельности – начало ее успеха.// Клио. – СПб, 1998. – С. 134-137.

⁵³Кулемзин А.М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. - Кемерово, Изд-во обл. ИУУ, 2001. – 329 с.

⁵⁴См., например: Боярский П.В. Введение в памятниковедение. – 249 с.; Васин Б.Н., Кудимов И.С., Мушников А.А., Яцкин Д.М. Современные методы управления объектами культурного наследия // Справочник руководителя учреждения культуры. 2005. №5. С.13-20; Кулемзин А.М. История охраны памятников в РСФСР: Учебное пособие. – Красноярск, Красноярский университет, 1992. – 106 с.; Полякова М.А. Роль мемориальных памятников культуры в изучении культуры края.// Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культурного наследия РСФСР.// Труды НИИ культуры. – М., 1980, - Вып. 93. – С. 5-13.

⁵⁵Подробнее признак недвижимости будет рассмотрен в 3-ей главе.

существенную роль на современном этапе развития цивилизации и в условиях глобализации мировой культуры приобретает всё большее значение. С точки зрения автора данного исследования, постепенная подмена понятия «памятник истории и культуры» в российской культуре понятием «объект культурного наследия» ведет не только к эрозии понимания самого феномена, но в перспективе и к его полной деструкции, так как сначала происходит подмена одного понятия другим, не тождественным первому, а затем - подмена самого феномена.

В то же время ряд исследователей, к примеру, Т.Г. Миронова, высказывают иную точку зрения: «Дефиниция «памятник», прежде всего, ориентируется на сохранение памяти, воспоминания; он выключен из активной хозяйственной деятельности; наследие же - это то, что передали нам предки, но передали не просто на сохранение, но для интерпретации и приумножения»⁵⁶. По мнению же В.Л. Базанова «памятники истории и культуры выступают в нескольких ипостасях: как элемент историко-культурного наследия, как историческая и культурная ценность и как носитель культурной традиции и новаторства»⁵⁷.

В связи с отсутствием универсального определения феномена «памятник истории и культуры», в последнее десятилетие активизировалась дискуссия по вопросам использования связанной с ним терминологии. Высокая активность этой дискуссии была спровоцирована длительным отсутствием актуализированной правовой базы в рассматриваемой области. Действие «застывшей» во времени и пространстве устаревшей нормативной базы всегда замедляет научные исследования, так как на более или менее продолжительный период жизни общества формализует представления о том или ином феномене, и тем самым создает мнимую видимость решенности проблемы. Это позволяет утверждать, что законодательно установленные несовершенные определения феноменов становятся своего рода догматами, которые на достаточно длительное время перестают подвергаться серьезной рефлексии даже в рамках научных исследований.

Другим немаловажным фактором придания новых импульсов к изучению как терминологии, относящейся к феномену «памятник истории и культуры», так и уточнению состава в него входящих объектов, явились ратификации Российской Федерацией ряда международных конвенций, включая Конвенцию ЮНЕСКО 1972 г.⁵⁸ Факт ратификации конвенций вызвал необходимость гармонизации их понятийного аппарата с ранее используемым в России, а

⁵⁶Миронова Т.Г. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества. - С. 77.

⁵⁷Базанов В.Л. Проблемы сохранения историко-культурного наследия в условиях обновления общества (на примере материальных памятников истории и культуры РФ). - С.8

⁵⁸Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия//Париж, 16 ноября 1972 года. – Париж, ЮНЕСКО, 1972. – 14 с.

именно с терминологией Закона СССР об охране памятников⁵⁹ и аналогичного Закона РСФСР об охране памятников⁶⁰.

Дискуссия по указанным вопросам носила всероссийский характер, но наиболее последовательное рассмотрение она получила в работах С.Н. Молчанова⁶¹. В частности, он отмечал, что «термин «недвижимые культурные ценности», несомненно, является наиболее универсальным, включая в себя и наиболее значимую, наиболее ценную их часть – недвижимое культурное наследие (достояние) народов РФ. Поскольку культурное наследие (достояние) представляет из себя особый случай культурных ценностей, то и категориальную проблематику недвижимого культурного наследия (достояния) необходимо рассматривать в более широком контексте - в контексте проблематики недвижимых культурных ценностей»⁶². Из приведенной выше цитаты следует, что имеет место явная тенденция ухода от использования понятия «памятник истории и культуры» и замена его на более широкое, но другое понятие - «недвижимое культурное наследие (достояние)». Подробнее о нюансах перевода и неоднозначности понятий, используемых в международных конвенциях, будет сказано ниже.

Для осознания частного проявления феномена «недвижимый памятник истории и культуры» принципиально важным представляется рассмотрение генезиса понятия «памятник» и отличие использования этого термина в российской культурной традиции от использования его в европейской культуре. Анализ основан на семантической трактовке феномена в английском и в романских языках, характеризующих западную цивилизацию, а также в русском языке, как представителе славянской традиции. При этом целью исследования является не противопоставление различных культурных образований, а выявление тех общностей и специфических акцентов, которые присущи формированию современного понимания феномена «памятник истории и культуры».

Перед тем, как перейти к анализу современных определений феномена «памятник», необходимо рассмотреть его этимологию в различных языках и выявить тождественность или отсутствие тождественности используемых понятий. При этом чрезвычайно важно опираться на понимание того, что такого рода анализ основывается на правильности перевода, который в большой степени является субъективным. Поль Рикёр отмечал: «Проблемы

⁵⁹Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29 октября 1976 года №4692-IX // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. №44. ст. 628. (Утратил силу.)

⁶⁰Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры»//Свод законов РСФСР. Т. 3. – М, Советская Россия, 1983. – С. 498 – 526.

⁶¹Молчанов С.Н. Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие (достояние)» в международном праве (информационно-аналитический обзор). - С.20-27; Его же. К вопросу об использовании в законодательстве понятий «культурное наследие» и «культурное достояние»// Юрист. – М., 1999. № 3. – С. 7-11; Его же. Современные термины и понятия охраны, реставрации и использования недвижимых памятников истории и культуры// Научно-информационный сборник «Материальная база сферы культуры», Вып. 3, ЗГБ Инфокультура, М., 2000, с. 44-49.

⁶²Молчанов С.Н. Об определении понятий «недвижимые культурные ценности» и «недвижимое культурное наследие (достояние)» в правовых актах ЮНЕСКО // Сборник текстов докладов Второй межрегиональной научно-практической конференции «ИРИТОП – 2000». ГУОП г. Москвы. – М., 2000, – С. 15.

философского перевода связаны с проблемами перевода текстов с одного языка на другой в целом. Прежде всего, в различных языках эквивалентные слова никогда не являются абсолютно тождественными: не совпадают семантические поля, отличаются синонимические группы, не соответствуют контексты. Задача переводчика — воссоздание текста, эквивалентного оригиналу на другом языке в условиях невозможности полной идентичности этих текстов. Основная проблема перевода — стремление к эквивалентности при отсутствии идентичности. Философский перевод, сопровождающийся рядом специфических проблем, еще больше усложняет работу переводчика. В философии слова несут колоссальную смысловую нагрузку. Философские термины обладают особыми исторически развивающимися значениями»⁶³. Поскольку многие слова, используемые в различных философских течениях, употребляются и в обычной речи, то в научном обиходе они приобретают специфическое значение.

В отдельных случаях только одно из значений многозначных слов имеет отношение к философии, при этом их смысл и в различных языках, и у различных авторов может не быть однозначным. И в этой связи необходимо согласиться с выводом Поля Рикёра, что «проблема заключается не столько в эквивалентности терминов в определенных контекстах, сколько в представляемой этим словом ретроспективе исторической эволюции смысла»⁶⁴.

Исследование этимологии слова «памятник» в русском языке и аналогичных слов в европейских языках позволяет отчетливо понять расхождение в традиции и соответственно в осмыслении феномена в различных культурах.

В рамках языковых структур могут иметь место следующие различные типы понятийных аппаратов:

- иерархическая структура понятий, когда основное понятие включает в себя все остальные понятия, которые по своей сути не являются его прямыми аналогами, а лишь представляют отдельные группы понятий внутри основного понятия;

- дополняющие понятия, когда каждое понятие частично выходит за рамки основного понятия;

- абсолютно тождественные понятия – полные синонимы;

- отсутствие единого понятия, когда языковая структура настолько не развита, что не содержит основного понятия, и существует лишь группа терминов, описывающих феномен.

Определения «памятников» в значительной степени относятся к последнему типу, нося чаще всего описательно-перечислительный характер. Определения, принятые в зарубежной и русской культурах, приводятся в последующих двух разделах.

⁶³Рикёр П. Память, история, забвение: пер. с франц. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. - С. 10. (Французская философия XX века).

⁶⁴Там же.

Здесь же целесообразно рассмотреть этимологию изучаемого понятия и некоторых связанных с ним терминов.

Насколько велико значение корня в русском слове «памятник» видно из того, что в своем словаре Владимир Даль не отводит ему отдельной статьи, а упоминает в статье «Память»⁶⁵. Для целостного восприятия вопроса приводим текст наиболее значимых пунктов статьи в современной транслитерации: «ПАМЯТЬ ж. (*мнить, мнети*) способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, помнить сознание о былом. *Память, относительно прошлого, то же, что заключение, догадка и воображение, относительно будущего. Ясновидение будущего противоположно памяти былого.* Память внешняя, безотчетное знание наизусть затверженного; память слов, цифр, имен и событий; *память внутренняя*, разумное понимание научной связи узнанного, усвоение себе навсегда духовных и нравственных истин. *Память к языкам. Память местности. Лишиться памяти*, сознания, чувств, быть в обмороке, или же || утратить память болезненно. *Отбить кому память*, притупить дурным обращением. *Память острая, тупая, ясная либо смутная. За мою память или на моей памяти этого не было*, сколько живу. *Держи на памяти*, помни, не забывай. *На памяти вертится*, не могу вспомнить. *Дай Бог память*, говор. припоминая что. || Памятованье или воспоминанье, память в действии, в деле... *Это мне будет память*, буду поминать. *Для памяти записываю*, чтобы помнить; или мн. *Этот человек долго будет на людских памятях!* будут помнить его... || Памятная записка, что-либо записанное для памяти, чтобы не забыть, не запятовать... || Стар. письменное отношение, деловое сообщение, предписание, записка... || Стар. духовная запись, завещанье... || Церковная служба, в честь святых, а также || в поминовение усопших. *Память Св. Равноапостольного Владимира 15-го июля. Память по отце, по брате*, годовщина, день смерти и исполнение обряда поминовения... *Была, сказывают, и правда на свете, да не за нашу память. У него девичья (женская) память (короткая)... Быть тебе (или ему) семь веков на людских памятях... До отцовских памятей* (давно). *И старикам не в память. По старой памяти, что по грамоте...* *Памятца* ж. памяток м. синодик, тетрадь, куда вписываются имена усопших, поминаемых на проскомидии, панихидах. || *Памятца*, стар. память, в знач. духовной записи. *Памятка* ж. урок, наука, пример; случай, который не скоро забудешь, который заставляет думать, помнить о себе или остерегаться... *Памятух* м. *памятуха* об. *Памятчик* м. — *чица* ж. старожил, выдавший много, помнящий события, местную старину. *Памятный*, к памяти, в разн. знач. относящ. *Памятное дело*, незабытое, незабвенное. *Памятная книжка*, для памяти. *Памятные росписи*, синодики... *Памяткий*, у кого хорошая память; кто долго помнит. *Памятность* ж. свойство или качество по прилаг. *Памятливый человек*, все твердо помнящий, с хорошою памятью; внимательный... — *вость* ж. свойство, способность долго и ясно помнить. *Памятник* м. все, что сделано для облегчения памяти, для того, чтобы помнить

⁶⁵ Даль В.И. Толковый словарь Живаго Великорусского языка. Ч. 3., П. - М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1865 - С. 9-10.

или поминать дело, не забыть чего. *Памятник законов*, книга, выписки, припоминающие узаконенья. *Памятник земледельца, овцевода, коновода, кузнеца*, книга, содержщ. главные правила сих промыслов. || Сооруженье зодчества или ваяния в честь и память события, лица. *Памятник Петру Великому. Памятник тысячелетия Руси. Надгробный, намогильный памятник, надгробье, голбец.* || Остатки прошлого; устроенное, созданное кем-либо или напоминающее его. *Эта монета памятник начала первого века. Он оставил по себе один памятник: развалины недостроенного дома. Военные поселения наши памятник Аракчеева. Памятовать или памятствовать; южн. зап. памятать* что, держать в (на) памяти, помнить, не забывать, знать; часто поминать, завсегда думать о чем... *Вспамятовать.* вспомнить. *Запамятовать,* забыть. *Допамятуй до срока, да напамятуй мне. Опамятуйся,* опомнись. *Отпамятовали,* отпраздновали чью память. *Я тебе это попамятую,* отомщу. *Припамятуй, это было!* —ся, безличн. помниться... *Памятимися,* стар. мне помнится, кажется, сдается... *Памятованье* ср. незабвенье, помин, удержанье чего в памяти. *Памятуха* ж. *памятуха* м. мн. *пск. твер.* память, сознанье. *Отбить памятухи,* одуреть, ошалеть. *Памятозлобство,* —злобие, злопамятство, памятованье зла, обиды; мстительность. —*злюбивый,* —*злюбный,* кто помнит зло и рад мстить до века, не прощая обид. *Иже памятозлобствует, беззаконен. Памятописание,* — *писные книги,* записки событий. *Памятописец* м. бытописец, летописец, современный историк».

Показательно, что уже в середине XIX в. существовало разделение понятия «памятник» на движимые (книги, монеты, предметы культуры и т.д.) и недвижимые (места, остатки прошлого, надгробья, монументы и т.д.) памятники. При этом сам признак неимовимости ещё не осознан, а лишь проявляется при перечислении значений слова.

Среди различных прилагательных, образованных от слова «память», Даль не приводит значений слова «памятный», упоминая лишь, что оно употребляется в разных смыслах, что отражает его второстепенный характер в тот период. Позднее это прилагательное становится одним из основных. В словаре паронимов приводятся два значения прилагательного «памятный»: «1. Хорошо сохранившейся в памяти, незабываемый...2. Служащий для заповинания, наповинания, памяти о чем-, ком-либо...»⁶⁶. В отношении «памятников истории и культуры» используется, в частности, понятия «памятного места и памятного предмета»⁶⁷. Для дальнейшего анализа рассмотрим еще два термина, происходящие из иностранных языков, и в настоящее время часто используемые при описании «памятников истории и культуры»: «мемориал» и «монумент». Слово «мемориал» относительно

⁶⁶Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Словарь паронимов современного русского языка. – М., Русский язык, 1994. - С-324.

⁶⁷См.: Статья 3. Закон РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. №26. ст.2519; Статья 5. Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29 октября 1976 года; Статья 6. Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры». - Необходимо отметить, что понятие памятного предмета в отношении «памятников истории и культуры» перестало использоваться только с принятием Закона об ОКН.

памятников в русском языке используется сравнительно недавно и не может иметь глубинные исторические корни. Так в словаре В.И. Даля «МЕМОРИЯ ж. франц. малоупотр. записка, выписка, выдержка, особенно из журнала, представляемая на утверждение. *Меморандум* м. дипломатическая нота, памятная записка, письмо, о взгляде на известное дело. *Мемориал* м. купеческая, общая книга, о купле и продаже. *Мемуары* м. мн. житейские записки; события, описанные очевидцем, современником; || записки ученых обществ»⁶⁸. И даже в значительно более позднем Малом энциклопедическом словаре «Мемориал, *лат.*, название хронолог. бухгалтерской книги для ежедневной записи всех операций тотчас по совершении их»⁶⁹. Только в первой четверти XX в. начинается широкое использование термина «мемориальный» в связи с «памятниками истории и культуры». В частности используются следующие значения: «мемориальный [лат. *memorialis*] - памятный, в память о ком-л. или о чем-л.; м-ое сооружение – памятник; м-ая доска – доска с надписью в память о достопримечательном событии или выдающемся человеке».⁷⁰ Лишь во второй половине того же столетия слово «мемориал», в смысле «памятник», появляется в специализированной литературе: «МЕМОРИАЛ — произведение архитектуры, изобразительного и декоративного искусства, создаваемое в память о значительных событиях и лицах. Архитектурными формами мемориала могут быть памятник, монумент, пирамида, мавзолей, гробница, надгробие, усыпальница, триумфальная арка, триумфальные ворота, триумфальная колонна, обелиск или кенотаф»⁷¹. В отличие от «мемориала», слово «монумент» для обозначения «памятника» имело широкое использование среди образованных слоев Российского общества ещё в XIX в. Однако, оно тождественно слову «памятник истории и культуры» только в определенном ограниченном круге значений. В.И. Даль таким образом трактует это слово - «МОНУМЕНТ м. памятник. — *тный*, к нему относящийся. *Монументальный*, славный, знаменитый, пребывающий в виде памятника. *Монументищик*, делающий надгробные памятники, торгующий ими»⁷², то есть Даль не дает уточнения к какому виду «памятника» относится слово «монумент». Несколько позже мы находим это уточнение в словаре Ушакова: «МОНУМЕНТ, а, м. [латин. *monumentum*] (книжн. торж.) Памятник (в 1 и 2 знач.)» и далее «ПАМЯТНИК, а, м. 1. Архитектурное или скульптурное сооружение в память или в честь какого-н. лица или события. *П. Пушкину в Москве*. 2. Сооружение на могиле в память умершего. 3. Остаток материальной культуры далекого прошлого. *Археологические памятники. П. скифской культуры*. 4. Произведение древней письменности. *Литературный п. П. русского письма и языка*. || Произведение устной словесности. *П. народного творчества*. 5. *перен.* То, что поддерживает, заставляет хранить воспоминание

⁶⁸ Даль В.И. Толковый словарь Живаго Великорусского языка. Ч. 2., И-О. - С. 915.

⁶⁹ Малый энциклопедический словарь. Т. II, Изд. II. - СПб., Издание Брокгауз-Ефронь, 1909. - С. 536.

⁷⁰ Словарь иностранных слов. Изд. 6.- М.: Советская энциклопедия, 1964. - С. 397.

⁷¹ Аполлон: изобразительное и декоративное искусство, архитектура. Терминологический словарь. / Российская академия художеств. НИИ теории и истории изобразительных искусств. - М., Эллис Лак, 1997. - С. 437; Азизян И.А.. Мемориал: функция, концепция, композиция // Декоративное искусство СССР. - 1972. - № 3. - С. 10-13.

⁷² Даль В.И. Толковый словарь Живаго Великорусского языка. Ч. 2., И-О. - С. 940.

о ком-чем-н., памятный след чьей-н. деятельности. *Дворец Советов в Москве — величественный п. гению человечества Ленину*⁷³. В настоящее время в специальной литературе используется в основном понятие «монументальное искусство»⁷⁴, как один из видов искусства, воплощенного в «памятниках истории и культуры» или неразрывно связанного с ними. Использование принятого в законодательстве Российской Федерации с 2002 г. термина «объект культурного наследия»⁷⁵ будет рассмотрено далее.

На этом этапе можно констатировать следующее:

1) Прослеживается неразрывная связь в русском языке между понятием «памятник» и понятием «память»;

2) «Памятник» является наиболее общим понятием, схватывающим рассматриваемый феномен. Другие слова, отождествляемые с ним, являются более поздними образованиями в российской словесности, имеют корни, как правило, в латинском языке и характеризуют лишь отдельные группы предметов, входящих в понятие «памятник».

В отличие от сравнительно недавнего начала осмысления феномена «памятник», исследованию феномена «память» уделялось большое внимание с древних времён. Для целей настоящей работы достаточно вкратце сформулировать основные постулаты проблематики, наиболее существенные для понимания феномена «памятник истории и культуры».

Серьезные попытки рассмотрения феномена «память» относятся ещё к античности, причем поражает глубина и широта анализа данного вопроса в произведениях Платона⁷⁶ и Аристотеля⁷⁷. Рассматривая связь понятий «память» и «памятник истории и культуры», необходимо сравнивать греческие слова — «*mnēmē*» и «*anamnēsis*». Первое обозначает «воспоминание, рождающееся пассивно», второе — «воспоминание как объект поиска, называемого воспоминанием, припоминанием». Как подчеркивает Поль Рикёр, «такое раздвоение на когнитивный и прагматический подходы оказывает большое влияние на претензию памяти быть верной прошлому: эта претензия определяет истинностный статус памяти, который в дальнейшем надо будет сопоставить с истинностным статусом истории»⁷⁸. Аристотель утверждал: «память не есть ни ощущение, ни постижение, но - приобретенное свойство или состояние чего-то из них по прошествии времени. О настоящем же в момент настоящего нельзя помнить, как уже было сказано, но настоящее постигается

⁷³Толковый словарь русского языка.// Под ред. Д.Н. Ушакова.// Том II. – М., Астрель, Аст, 2000 – С.258.; Толковый словарь русского языка.// Под ред. Д.Н. Ушакова.// Том III. – М., Астрель, Аст, 2000 – С.28.

⁷⁴См.: Статья 3. Закон РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; Статья 5. Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29 октября 1976 года; Статья 6. Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

⁷⁵Закон РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»;

⁷⁶См. Платон. Федон.//Сочинения в трех томах.// Т.2. – М.: Мысль, 1970, С. 11-94; Его же. Федр.Т.2. – С. 157-223; Его же. Теэтет. Т.2. – С. 223-319; Его же. Филеб. Т.3. Ч. 1. – М.: Мысль, 1971, С. 9-88.

⁷⁷См. Аристотель. Вторая аналитика.//Сочинения в четырех томах.// Т. 2. – М.: Мысль, 1978, С. 255-346; Его же. Топика. Т. 2. – С. 347-532.

⁷⁸Рикёр П. Память, история, забвение. С. 25.

ощущением, будущее - предвидением, а прошедшее - памятью. Значит, любая память - вместе со временем»⁷⁹. Исследуя феномен «памятник истории и культуры», нельзя забывать, что ещё древние говорили о возможных искажениях при припоминании, чему посвящены апории, рассматривающие оттиски или отпечатки.

У Блаженного Августина память, с одной стороны, предстает основополагающим элементом того, что несет в человеческой душе печать божества, первичной умственной способностью, отражающей божественную Троицу⁸⁰, с другой стороны, в развитие античного подхода к памяти, он считал, что память является сугубо индивидуальной⁸¹. Иными словами, невозможно переместить воспоминания из памяти одного человека в память другого. Таким образом, память - это в любом случае память о прошлом, а прошлое - это прошлое моих впечатлений или мое прошлое. «Блаженный Августин говорил о том, что нет настоящего, прошлого самих по себе, но есть настоящее прошлого, проживаемое как воспоминание, настоящее будущего, проживаемого как предвидение грядущего, и настоящее настоящего. В отношении памяти речь идёт о более «замысловатой» структуре, в которой, кроме схваченных Блаженным Августином времен, присутствует и прошлое будущего, будущее прошлого, прошлое настоящего и т.д.»⁸².

Необходимо отметить, что в отличие от памяти, феномен «памятник истории и культуры» является не каким-либо конкретным воспоминанием, а символом и выражает коллективное памятование об историческом прошлом. Вторым важнейшим признаком памяти, исследованным Августином, является забвение, и это явление становится определяющим на долгие годы средневековья. Блаженный Августин писал: «Но что такое забывчивость, как не утеря памяти? Каким же образом могу я вспомнить то, при наличии чего я вообще не могу помнить? Но если мы удерживаем в памяти то, о чем вспоминаем, то, не помни мы, что такое забывчивость, мы никак не могли бы, услышав это слово, понять его смысл; о забывчивости, следовательно, помнит память: наличие ее необходимо, чтобы не забывать, и в то же время при наличии ее, мы забываем. Не следует ли из этого, что не сама забывчивость присутствует в памяти, когда мы о ней вспоминаем, а только ее образ, ибо, присутствуй она сама, она заставила бы нас не вспомнить, а забыть»⁸³. В этом смысле «памятник истории и культуры» опять же является формой «коллективного» напоминания в противовес индивидуальному забвению.

При рассмотрении проблемы памяти через призму её соотношения с «памятником истории и культуры» значительный интерес представляет подход Фомы Аквинского, который, развивая учение Альберта Великого, соединил идеи Марка Туллия Цицерона⁸⁴ и Аристотеля о так называемой «исходной

⁷⁹ Аристотель. О памяти и припоминании // Вопросы философии, № 7, - М.: Наука, 2004. - С. 161.

⁸⁰ См. Августин Аврелий. О троице: пятнадцать книг против ариан. - Краснодар: Глагол, 2004. - 416 с.

⁸¹ См. Августин Аврелий. Исповедь. - М.: Республика, 1992. - С. 8-224.

⁸² Соколов Б.Г. Онтология культурного наследия: Музей в эпоху постмодерна. Часть 1. - СПб.: СПбГУ, ВВМ, 2010. - С. 82.

⁸³ Августин Аврелий. Исповедь. X, XVI, 24, - С. 139.

⁸⁴ Имеется в виду «Rhetorica ad Herennium» Марка Туллия Цицерона.

точке». «Для припоминания необходимо принять что-либо за исходную точку, откуда можно было бы начать двигаться к ней. По этой причине некоторые, как известно, выбирают места, где что-то было сказано, сделано или помыслено, и используют это место в качестве исходной точки припоминания, поскольку достижение этого места подобно исходной точке всех тех вещей, которые в нем возникли»⁸⁵. Таким образом, было сформировано представление о том, что сейчас тематизируется как «памятник истории и культуры», которое просуществовало вплоть до второй половины XIX в.

Существенное изменение представлений о памяти и её соотношения с историей произвёл Вильгельм Дильтей. Он показал «несостоятельность учения о мертвом воспроизведении образов и выяснил, что один и тот же образ воспоминания так же мало, при новых условиях, может найти доступ в душу, как один и тот же лист возвратиться на следующий год на дерево»⁸⁶.

Таким образом, идеальный субъект становится конкретным, наделенным полем, личной историей и существующим в определенный промежуток времени и в реальных географических условиях. Память перестает быть статичным хранилищем прошлого, и приходит понимание того, что память - это ретроактивный процесс. Определенный вклад в понимание феномена памяти внес Ф. Ницше⁸⁷, осуществив переориентацию с воспоминания на забвение.

Наконец, необходимо отметить, что в новейшее время всё больше философов говорят о феномене «коллективной памяти». Исследователи подчеркивают, что хотя под понятием «память» подразумевается некая хранимая индивидом информация, в конечном счете, память и забвение есть групповые феномены. Морис Хальбвакс⁸⁸ одним из первых мыслителей указал на то, что не существует памяти, способной удержать прошлое как таковое, и что от прошлого остается только то, что общество в ту или иную эпоху способно воссоздать в рамках настоящего и, таким образом, прошлое является продуктом культурного прошлого.

Основываясь на этих посылах, российская исследовательница Г.В. Лебедева дала следующее определение «культурной памяти»: «... это структура удержания прошлого в настоящем, направленная на конструирование социокультурного пространства и времени, смысл которой определяется различием воспоминания и забвения»⁸⁹.

⁸⁵ Aquinas St. Thomas. Commentaries on Aristotle's On Sense and What Is Sensed and On Memory and Recollection.//Translated with introductions and notes by Kevin White and Edward M. Macierowski. - Washington, D.C., The Catholic University of America Press, 2005. – P. 177.

⁸⁶ Дильтей В. Описательная психология: пер. с нем.// В. Дильтей. - СПб.: "Алетейя", 1996. - С.66.

⁸⁷ См. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни.// О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во внеэтичном смысле. – М.: Харвест, 2003. – С. 3 – 118.

⁸⁸ См. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина.- М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.

⁸⁹ Лебедева Г. В. Память и забвение как феномены культуры: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Уральский государственный университет им А.М. Горького. - Екатеринбург, 2006.– С. 58.

Из приведенного краткого анализа филологических и философских источников от древности до современности очевидно, сколь глубока связь и взаимопроникновение феноменов «память» и «памятник истории и культуры».

Констативной является связь между памятью и историей. В своих работах Морис Хальбвакс⁹⁰ противопоставлял историю и память как два разных способа рассмотрения прошлого. То есть научное (историческое) исследование эпистемологически важнее, чем бытовое восприятие, проявляющееся в фольклоре или других проявлениях памяти. Понимая историю как науку для избранных, а «коллективную память» как достояние всего сообщества, он полагал, что история появлялась тогда, когда прекращала действовать социальная память и непрерывность традиции прерывалась. По мнению Хальбвакса, история нацелена на универсальность и объективность, в то время как «коллективная память» адекватна только для недавнего прошлого и только для членов конкретного сообщества. Он, также как и Пол Томпсон⁹¹, считал, что возможно очистить память о прошлом от социальных наслоений в памяти индивидуумов и таким образом получить действительную историю. Разными феноменами признавал память и историю и Пьер Нора⁹², но, в отличие от Хальбвакса, он полагал, что память является истинной, так как рождена живым обществом, а история – искусственной, так как является реконструкцией того, что больше не существует, всегда проблематичной и неполной⁹³. Различие между историей и памятью устанавливает и Поль Рикёр⁹⁴.

Однако, в последнее время было предложено значительно более мягкое сочетание понятий история и память (Джон Нерон, Дэвид Телен, Питер Бёрк, Рафаэль Самуэль, Элис Коли-Кунц)⁹⁵. Так, Йорн Рузен⁹⁶ считает, что понятия история и память параллельны друг другу, и оба в равной степени являются выражением исторической культуры. В свою очередь, Патрик Гэри придерживается того мнения, что в случае, если труды современных историков оказываются критическими, рациональными и аналитическими, это означает, что они являются наилучшим инструментом для влияния на современную нам «коллективную память»⁹⁷. Исследователи последних лет (Элис Коли-Кунц, Дэвид Миддлтон, Дерек Эдвардс, Джеймс Фентресс, Крис Викхэм, Дэвид

⁹⁰Halbwachs Maurice. *The Collective Memory* (posthumous/prior to 1940). – New York and London: Harper and Row, 1980. – pp. 50-87.

⁹¹Thompson Paul. *The Voice of the Past. Oral History*. Second edition. – Oxford: Oxford University Press, 1988. – pp. 110-117, 150.

⁹²Nora Pierre. *Between Memory and History: Les Lieux de Memoire* (1984). *Representations* 26, Spring 1989. – p. 8.

⁹³Nora Pierre. *Between Memory and History*. p. 14.

⁹⁴Рикёр П. *Память, история, забвение*. С. 433-454.

⁹⁵См. Nerone John, *Professional History and Social Memory*. *Communication* 11, 1989. – pp. 89-104; Thelen David. *Memory and American History*. *The Journal of American History* 75, 1989. – pp. 1117-1129; Burke Peter. *History as Social Memory*. In T. Butler (ed.) *Memory: history, culture and the mind*. – Oxford: Blackwell, 1989. – pp. 97-113; Samuel Raphael. *Theatres of Memory*, vol. 1: *Past and Present in Contemporary Culture*. – London: Verso, 1994. – 493 pp.; Kohli-Kunz Alice. *Erinnern und Vergessen*. – 117 S.

⁹⁶Rusen Jorn. *Was ist Geschichtsbewusstsein?* – S. 3-24.

⁹⁷Geary Patrick. *Phantoms of Remembrance. Memory and Oblivion at the end of the first millennium*. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – p. 12.

Бакхёрст и др.)⁹⁸ считают, что «коллективная память» не просто находится под влиянием социального контекста настоящего, а конструируется им.

Различие между индивидуальной и «культурной памятью» не является сущностным. «Памятники истории и культуры», среди которых вырастает человек, являются воспоминаниями о его детстве и они приводят к тому, что люди создают прошлое через активное его воспоминание в социальном контексте своего существования. Это позволяет определять людям индивидуальную и «коллективную идентичность» (Алан Рэдли, Тжеббе ван Тижен)⁹⁹.

Автору данной книги ближе всего понимание истории как одного из специфических видов социальной и «культурной памяти» («коллективной памяти» в эру науки). Эта позиция высказывается также рядом исследователей (Ян Ассман, Лутц Ниетхаммер, Джулиан Томас, Корнелиус Холторф)¹⁰⁰. Концепция «культурной памяти» («cultural memory», «kulturelle Gedächtnis») была предложена Яном Ассманом.¹⁰¹ Он полагал, что «культурная память» есть внешнее пространство человеческой памяти¹⁰², включающее два разных феномена: «культуру памяти» («memory culture», «Erinnerungskultur») и «обращение к прошлому» («reference to the past», «Vergangenheitsbezug»), которые могут совпадать по смыслу, а могут не совпадать. Под «культурой памяти» Ян Ассман понимал то, что общество обеспечивает непрерывность культуры путем передачи (сохранения) «коллективного знания» от одного поколения к другому, делая возможным для последующих поколений реконструкцию своей «культурной идентичности». «Обращение к прошлому» дает уверенность членам сообщества в их «коллективной идентичности» и даёт им знание об их коллективном единстве и отличиях от других, как во времени, так и в пространстве, то есть рождает «историческое сознание», создавая прошлое, разделенное совместно¹⁰³.

Корнелиус Холторф¹⁰⁴ использует термин «культурная память» исключительно для обозначения «коллективного понимания» или

⁹⁸См. Kohli-Kunz Alice. *Erinnern und Vergessen*. – S. 31-54; Middleton David and Edwards Derek (eds). *Collective Remembering*. – London: Sage, 1990. – 230 pp.; Fentress James and Chris Wickham. *Social Memory*. – Oxford: Blackwell, 1992. – 229 pp.; Bakhurst David. *Social Memory in Soviet Thought*. In: D. Middleton and D. Edwards (eds). *Collective Remembering*. – London: Sage, 1990. – pp. 219.

⁹⁹См. Radley Alan. *Artefacts, Memory and a Sense of the Past*. In: D. Middleton and D. Edwards (eds). *Collective Remembering*. – London: Sage, 1990. – pp. 46-59; Tijen Tjebbe van. *The Arts of Oneself. Twenty-six short tales on personal memorabilia*. In: Akiko Tobu: *Memorabilia*. – Tokyo. Studio Parabolica, Inc., 2004. – 120 pp.

¹⁰⁰См. Ассман Я. *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*: пер. с нем. - М.: Языки славянской культуры, 2004 – 368 с.; Niethammer Lutz. *Die postmoderne Herausforderung: Geschichte als Gedächtnis im Zeitalter der Wissenschaft*. In W. Kuttler, J. Rusen and E. Schulin (eds) *Geschichtsdiskurs, vol. 1: Grundlagen und Methoden der Historiographiegeschichte*. – Frankfurt/M.: Fischer, 1993. – S. 45; Thomas Julian. *Time, Culture and Identity. An Interpretive Archaeology*. – London: Routledge, 1996. – 63; Holtorf Cornelius. *Monumental Past*.

¹⁰¹См. Ассман Я. *Культурная память*. - С. 28-30; Assmann Jan. *Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität*. In: J Assmann and T. Holsher (eds). *Kultur und Gedächtnis*. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1988. – S. 9-19; Assmann Jan/ Stein und Zeit. *Das "monumentale" Gedächtnis der altägyptischen Kultur*. In: J Assmann and T. Holsher (eds). *Kultur und Gedächtnis*. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1988. – S. 87-114.

¹⁰²Ассман Я. *Культурная память*. - С. 23-24.

¹⁰³Ассман Я. *Культурная память*. С. 32-38; Assmann Jan. *Ägypten. Eine Sinnegeschichte*. - München: Hanser, 1996. – S. 26-31.

¹⁰⁴Holtorf Cornelius. *Monumental Past*.

конструирования отдаленного прошлого, каким они являются в конкретном социальном и историческом контексте. Такой вид памяти проявляется в «исторической культуре» (Ян Ассман, Поль Коннертон)¹⁰⁵, включая церемонии и ритуалы по памятным дням, проводимые на территории «памятников истории и культуры», которые в данном случае исполняют функцию «маркеров времени» («timemarks») и «памятных мест» («sites of memory»)¹⁰⁶.

По мнению многих исследователей (Роберт Борофски, Гердиен Джонкер, Лутц Ниетхаммер, Джонатан Фридман, Корнелиус Холфорт, Майкл Шенкс, Джон Элзнер)¹⁰⁷, «культурная память» не даёт точного описания исторических событий и не обязательно является носителем сохранения непрерывности культурной традиции, она служит тому, чтобы делать суждения о прошлом полными смысла в культурном контексте настоящего. Таким образом «культурная память», по мнению перечисленных выше исследователей, не является архивом информации о прошлом, а является продуктом активного конструирования прошлого в зависимости от психического состояния индивидуумов и социальных условий в настоящее время. То есть общественным интересом пользуются не сами события, а консенсус по поводу предположений и предвзятых мнений, который имеет место между историком и социумом, в котором он живет. Это чрезвычайно типично в отношении археологии. Индивидуум познает «коллективную память» через социализацию, но и сам может выдвинуть свою версию истории, которая в будущем может тоже стать «коллективной памятью».

Смысловые изменения восприятия «памятников истории и культуры» во времени могут быть рассмотрены исходя из теории «исторического отклика» («reception history»)¹⁰⁸. Согласно Гарольду Маркузе, «исторический отклик» - это «история значений, которые были приписаны историческим событиям. Он отслеживает различные пути, которыми участники, наблюдатели, историки и другие ретроспективные интерпретаторы пытались придать смысл событиям как тогда, когда они произошли, так и во всё время с тех пор, сделать эти события имеющими смысл для настоящего, в котором они жили и живут»¹⁰⁹.

¹⁰⁵См. Ассман Я. Культурная память. - С. 62-67; Connerton Paul. How Societies Remember. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 121 pp.

¹⁰⁶Понятие «памятное место» не тождественно понятию «достопримечательное место».

¹⁰⁷См. Borofsky Robert. Making History. Pukkapukan and Anthropological Construction of Knowledge. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – p. 144; Elsner John. From the Pyramids to Pausanias and Piglet: Monuments, Travel and Writing. In: S. Goldhill and R. Osborne (eds). Art and Text in Ancient Greek Culture. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – p. 226; Friedman Jonathan. The Past in the Future: History and the Politics of Identity. American Anthropologist 94 (4), 1992. – pp. 853-856; Holtorf Cornelius. Monumental Past; Jonker Gerdien. The Topography of Remembrance. The Dead, Tradition and Collective Memory in Mesopotamia. – Leiden: Brill, 1995. – pp. 30, 175-180; Niethammer Lutz. Die postmoderne Herausforderung: Geschichte als Gedächtnis im Zeitalter der Wissenschaft. In W. Kuttler, J. Rusen and E. Schulin (eds) Geschichtsdiskurs, vol. 1: Grundlagen und Methoden der Historiographiegeschichte. – Frankfurt/M.: Fischer, 1993. – S. 45; Shanks Michael. Classical Archaeology of Greece. Experiences of the discipline. – London: Routledge, 1996. – p. 180.

¹⁰⁸«Теория отклика» («reception theory») появилась как часть теории литературы. Её сущность заключается в том, что смысл текста определяется читателем, а не автором текста. Аналогичная теория может применяться к памятникам, где более уместно употреблять не термин «читатель», а понятие «реципиент».

¹⁰⁹Перевод автора по: Marcuse Harold, Reception History: Definition and Quotations. - University of California, Santa Barbara, Department of History. [Электронный ресурс] URL: <http://www.history.ucsb.edu/faculty/marcuse/receptionhist.htm> (дата обращения 30.05.2011).

Корнелиус Холторф, исследуя применение теории «исторического отклика» к «памятникам археологии», выделил отдельные типы реципиентов:

1. Предполагаемый реципиент: предположение создателя (builder) о реальном реципиенте,
2. Предназначенный (intended) реципиент: предположение создателя о подразумеваемом (implicit) реципиенте,
3. Определенный (explicit) реципиент: реципиент, к которому обращен конкретный «памятник»,
4. Подразумеваемый реципиент: реципиент, определенный характером «памятника»,
5. Идеальный реципиент: наиболее компетентный реципиент для данного «памятника»,
6. Реальный реципиент (например, мы сами, когда посещаем «памятник»),
7. Архереципиент: архетипическая абстракция из ряда реальных реципиентов¹¹⁰.

Такое выделение типов реципиентов, по мнению автора данной работы, справедливо не только для «объектов археологического наследия», но и для «памятников истории и культуры».

«Памятники истории и культуры» во временном континууме интерпретируются в свете различных изменяющихся ценностей и значений, которые мы должны пытаться понять, а не объяснять их с точки зрения современного бытия. В рамках развития такого понимания истории Ассман ввёл понятие «мнемоистории» («mnemohistory»)¹¹¹, которая является «историей отклика», примененная к истории, и констатировал, что «мнемоистория» исследует историю «культурной памяти».

Учитывая то, что «памятник» является специфической формой «культурной ценности», представляется необходимым рассмотреть содержание родового термина «культурные ценности». Принимая во внимание, как указано выше, что само понятие «культура» имеет множество толкований и определений, отметим, что культура в рамках данной книги понимается как «неразрывное единство двух взаимосвязанных и взаимозависимых начал – создаваемого людьми предметного богатства мира и формируемых человеческих способностей, навыков, знаний и потребностей людей...»¹¹².

В определении культуры, по мнению автора данного исследования, необходимо выделить аксиологический аспект ее существования. Бытие культуры выступает как единый процесс, который, как правило, разделяют на две сферы: материальную и духовную. Под материальной культурой понимается не столько создание предметного мира людей, сколько воплощение разнообразных человеческих потребностей, позволяющих людям

¹¹⁰Перевод автора по тексту: Holtorf Cornelius. Monumental Past.

¹¹¹Assmann Jan. Moses the Egyptian. The Memory of Egypt in Western Monotheism. – Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1997. – pp. 9, 14, 15.

¹¹²Сергеев А.П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. - Л., Издательство ЛГУ, 1990. - С. 13.

адаптироваться к биологическим и социальным условиям жизни. В свою очередь, материальная культура подразделяется на производственно-технологическую культуру, представляющую собой вещественные результаты материального производства и способы технологической деятельности общественного человека, а также воспроизводство человеческого рода, включающего в себя всю сферу интимных отношений между мужчиной и женщиной. Сфера духовной культуры включает в себя все области духовного производства (искусство, философию, науку, религию и пр.), а также социально-политические процессы, происходящие в обществе (властные структуры управления, правовые, нравственные и моральные нормы, стили лидерства, богатство языка и многое другое). Иными словами, культура охватывает все достижения человечества в области как материального, так и духовного производства.

Для осознания феномена культуры важно понимать, что она существует не как хранилище материальных и духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями, а как процесс интенсивного творческого их использования.

Вопросы, связанные с понятием «ценность» - предмет «заботы» аксиологии¹¹³, при этом «проблема ценностей» как отдельная онтологическая проблема появляется лишь в науке новейшего времени. Как писал М. Хайдеггер, «сразу же после появления ценностной заговорили о «культурных ценностях» средневековья и о «духовных ценностях» античности, хотя ни в средневековье не было ничего подобного «культуре», ни в античности - ничего подобного «духу» и «культуре». «Дух» и «культура», как желательные и испытанные виды человеческого поведения, существуют только с Нового времени, а «ценности», как фиксированные мерилы этого поведения - только с новейшего времени»¹¹⁴.

Для целей настоящего исследования в современной аксиологии представляет наибольший интерес ряд концепций и вопросов. Так, ценности переносятся либо в область вневременную (Макс Шелер)¹¹⁵, либо в трансцендентный, запредельный мир (Герман Коген, Вильгельм Виндельбанд, Генрих Риккерт)¹¹⁶. Они рассматриваются в качестве инварианта различных видов человеческой деятельности: ценность есть абстракция, реально существуют лишь нормы или правила деятельности. Релятивистские концепции ценностей в противовес концепциям абсолютных ценностей ограничивают их

¹¹³См. Перов Ю.В. К вопросу о «метафизических» предпосылках философии ценностей // Историчность и историческая реальность. Серия «Мыслители» Выпуск 2. - СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. - С.117-131; Иконникова Г.И. Аксиология и философия права: методологические основания // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. №2. - С.193-204.

¹¹⁴Хайдеггер М. Время и бытие//Статьи и выступления. - М.: Республика, 1993. - С. 72.

¹¹⁵Шелер М. Избранные произведения /Пер. с нем.; - М.: Гнозис, 1994. - 490 с.

¹¹⁶Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. — М.: Академический Проект, 2012. —618 с.; Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2 т. Том 2. От Канта до Ницше.М.: Терра-Канон-Пресс-Ц, 2000.512с.; Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. — М.: Республика, 1998. — С. 43-128. (Мыслители XX века).

действие отдельной областью культуры¹¹⁷. Согласно утилитаристским концепциям ценностей признаётся, что ценно только то, что полезно либо большинству, либо части человечества, либо отдельному индивиду¹¹⁸.

Таким образом, были сформулированы абсолютно разные концепции и классификации ценностей. Одно их перечисление и анализ являются предметом целого исследования. Здесь представляется уместным привести основные тезисы неокантианской теории Г. Риккерта¹¹⁹, близкой к тематике данной работы. История, по Риккерт, возможна как наука в силу того, что наряду с природой существует культура как особый объект или особая сфера опыта. Для того, чтобы отличить культурные процессы от явлений природы, Риккерт вводит понятие «ценность», которое является для него базовым понятием. В предложенной им «открытой» системе ценностей как учении о мирозерцании Риккерт поставил задачу обнаружения сверхисторического в историческом, осуществления ценностей в процессе достижения «благ». Согласно Риккерт, ценности образуют совершенно самостоятельную сферу и не относятся ни к области объектов, ни к области субъектов. Только обращаясь к историческим формам воплощения благ, можно создать «открытую» систему ценностей, предполагающую постоянную корректировку содержания отдельных ценностей так, как они понимаются человеком и человечеством. Система ценностей требует использования понятия оценки, то есть значимости ценностей для субъекта. Позиция Риккерта заключается в том, что существуют три области осуществления (свершения) ценностей. Это область благ будущего, благ настоящего и «благ вечности». Первые две области принадлежат истории, третья – находится за её пределами. В отношении к ценности все блага делятся на «блага созерцания», когда всё окружающее рассматривается вне социальных отношений, и «блага действительности» или активности. Опираясь на эти два принципа, Риккерт вычленяет шесть сфер (логику, эстетику, мистику, этику, эротику, религию) и соответствующие им типы ценностей (истину, красоту, надличностную святость, нравственность, счастье, личную святость). Однако, теория Риккерта не даёт конкретного определения феномена «ценность». И вопрос о не перечислительном понимании феномена остаётся открытым.

В связи с этим было бы логично рассмотреть несколько современных определений феномена «ценность», наиболее близких к предмету данного исследования – «культурной ценности». Так, ценность рассматривается как предмет, имеющий пользу и способный удовлетворить ту или иную потребность человека, как идеал, как норма, как значимость чего-либо для

¹¹⁷См. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры / Г.П. Выжлецов. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. - 152 с.; Плотников С.А. Релятивистские и абсолютные ценности в светской педагогике // Социальная работа и сестринское дело в системе здравоохранения: проблемы профессиональной деятельности и инновации в подготовке кадров: Сборник статей и тезисов докладов участников второй Межрегиональной научно-практической конференции 17-19 ноября 2009 г. / Уральская государственная медицинская академия /Под ред. К.В.Кузьмина. - Екатеринбург, 2009. – С. 56-65.

¹¹⁸См. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства: пер. с англ. / И. Бентам. — М.: РОССПЭН, 1998. — 415 с. — (История полит. мысли); Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н.С. Розов. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1998.- 292с.

¹¹⁹Г. Риккерт. О системе ценностей.//Науки о природе и науки о культуре. – М., Республика, 1998. – С.374-387.

человека или социальной группы¹²⁰. Ю.В. Перов дает следующее определение: «Ценности... - это то, что считается ценностью кем-то, оценивается как ценное, исходя из некоего принятого ценностного масштаба, и не универсальным трансцендентальным субъектом, а исторически существующими в определенное время и в определенном месте людьми»¹²¹.

Исследователи, которые рассматривают ценности в правовом поле, утверждают, что ценность - это предмет, субъективно осмысленный с точки зрения интересов человека¹²². Расширенная трактовка такого подхода, в частности, вытекает из осмысления понятия «ценность» немецким правоведом Л. Эннексерусом, который предложил различать объективную и субъективную ценность. «Объективной является такая ценность, которую предмет имеет для каждого человека с учетом времени и места. Субъективная ценность – это ценность, которую имеет предмет именно для данного лица. Предмет, ценный для одного индивида, может не представлять никакой ценности для другого»¹²³.

Кроме приведенной выше классификации Г. Риккерта, существует множество других классификаций ценностей. Можно упомянуть гегелевское деление ценностей на духовные и экономические. Рассматривая диалектику абсолютного духа и движения свободного духа в индивиде, под духовной ценностью Гегель понимает прекрасное как ценность, которую воспринимают все¹²⁴. Гегель высказывался относительно экономических ценностей: «Поскольку вещи имеют ценность, мы рассматриваем их как товары. Их значимость состоит в ценности, и только в ценности, не в специфических качествах»¹²⁵.

Одной из наиболее удачных является классификация ценностей, известного отечественного культуролога Б.С. Ерасова¹²⁶. Он выделяет следующие группы ценностей: витальные, социальные, политические, моральные, религиозные и эстетические. Для целей нашего исследования представляется важной также классификация В.П. Тугаринова, согласно которой ценности подразделяются на ценности жизни (данные человеку природой) и ценности культуры (созданные самим человеком)¹²⁷.

Перечисленные классификации приближают нас к пониманию многогранности феномена ценность, однако, не дают его определения приближающего нас к выделению «культурной ценности» из всего множества ценностей. Наиболее ёмким и общим представляется определение

¹²⁰См.: Рузавин Г.И. Логика и аргументация// Учебное пособие для вузов. - М., Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. - С.335.

¹²¹Перов Ю.В. К вопросу о «метафизических» предпосылках философии ценностей // Историчность и историческая реальность. - С.124.

¹²²См.: Неновски Н. Право и ценности. // Пер. с болг. М.: Прогресс, 1987. - С.176.

¹²³Эннексерус Л. Курс германского гражданского права. Т.1 Полугом 2.- М.: Иностранная литература, 1950.- С. 68.

¹²⁴См. Гегель Г.В.Ф. Философия духа.//Энциклопедия философских наук.//В трех томах. Т. 3. - М.: Мысль, 1977. – 472 с.

¹²⁵Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990. - С.404.

¹²⁶См. Ерасов Б.С. Социальная культурология: Учебник для студентов высших учебных заведений. - Издание 3-е, доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.

¹²⁷См. Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. -Л.: Издательство ЛГУ, 1968. – 124 с..

В.А. Шестакова: «Ценность – есть определенная объективная объектность, находящаяся в обладании конкретного субъекта права (человека или группы людей)¹²⁸». Это определение, по мнению автора данной работы, следует дополнить словами «... и представляющая для него (неё) значение».

Подводя итог первому разделу, отметим, что «памятники истории и культуры» являются теми своеобразными «реперами»¹²⁹, на основе которых люди создают прошлое через активное его воспоминание в социальном контексте своего нынешнего существования.

В российской традиции понятийный аппарат сохранения и сбережения связан с понятием «память» и именно это понятие формирует представление о феномене «памятник истории и культуры». Очевидно, что никаких однозначных определений «ценности» не существует, также как и не определено, что включается в это понятие, которое, как и понятие «памятник истории и культуры», существенно изменяется в процессе развития культуры и цивилизации. Ясно и то, что ценности культуры не тождественны «культурным ценностям» в трактовке, связанной с «памятниками истории и культуры», так как они включают в себя элементы всех видов ценностей независимо от их классификаций.

Феномены «памятник», «наследие», «ценность» и «имущество» в европейской культурной традиции

Памятник лишь усиливает оставленную человеком память.

Георгий Александров¹³⁰

Стараться оставить после себя больше знаний и счастья, чем их было раньше, улучшать и умножать полученное нами наследство - вот над чем мы должны трудиться.

Дени Дидро¹³¹

Мы обязаны передавать жизненные ценности из поколения в поколение. Истинные ценности - это наш озоновый щит.

Кент Б. Эймс¹³²

Некоторые ценности приобретаются вместе с общей культурой, но я думаю, что самым важным

¹²⁸Шестаков В.А. Формирование понятия «культурные ценности» // Studia culturae. Выпуск 11: Опыты интерпретации культурного наследия в горизонте постмодерна.- СПб, 2008. - С. 87.

¹²⁹Репер (франц. repère — метка, знак, исходная точка) в геодезии, знак, закрепляющий точку земной поверхности, высота которой относительно исходной уровенной поверхности определена путём нивелирования.

¹³⁰Афоризмы. Памятники. [Электронный ресурс] URL: <http://metaforism.ru/theme/pamyatniki/> (дата обращения 01.12.2012). (Георгий Александров - автор огромного количества афоризмов, сохраняющий «инкогнито»).

¹³¹Сводная энциклопедия афоризмов [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/aphorism/1159/Дени> (дата обращения 30.11.2012). (Дени Дидро (Denis Diderot; 05.10.1713, Лангр – 31.07.1784, Париж, Франция) - писатель, философ-просветитель и драматург, основавший первую в мире «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел»).

¹³²Libreria. Афоризмы. [Электронный ресурс] URL: <http://libreria.ru/aphorismes/85781.html> (дата обращения 30.11.2012). (Кент Б. Эймс (Kent Amos, род. 21.05.1944, графство Кент, Округ Колумбия, США) – крупный специалист в области образования «трудных» детей).

ценностям мы учимся тогда, когда заглядываем в
глубины своей собственной души.

Макс Клеланд¹³³

Чем ты обладаешь, то обладает и тобой.

Петроний¹³⁴

Исходя из того, что язык всегда отражает текущий культурный контекст, в рамках данного исследования представляется необходимым рассмотреть формирование понятийного аппарата, связанного с наследованием и наследием в западноевропейской культурной традиции. А также провести семантический анализ формирования определений данного феномена в международной практике, и продемонстрировать, каким образом появился сам термин «культурные ценности» в российской практике сохранения и «охраны памятников истории и культуры» и термин «культурное наследие» в международной системе традирования культуры. Рассмотрение неточностей официального перевода на русский язык английских и французских терминов показывает, что они отражают в значительной степени отличия в рецепции «памятников истории и культуры» в разные периоды времени, в разных странах и в различных культурных ситуациях.

Первое в мире упоминание о памятниках старины как о недвижимых «памятниках истории и культуры», содержится в законе Государственного совета Швеции от 28 ноября 1666 г.¹³⁵ А уже к концу XVIII в. – первой половине XIX в. эти вопросы рассматривались в правовых актах многих европейских стран, включая Данию, Францию, Бельгию, Пруссию и Саксонию¹³⁶. Несколько позже, в конце XIX в., данная проблематика получила всестороннее рассмотрение в Великобритании¹³⁷ и США¹³⁸.

Изначально в процессе формирования терминологии и определении изучаемого понятия во всех странах принимали участие государственные чиновники и церковные иерархи, составлявшие различные циркуляры, указы и другие правовые акты. Достоянием научного сообщества эти вопросы стали сравнительно недавно. Периодически, по мере накопления знания, научная дискуссия переходит в нормотворчество, а затем снова становится предметом

¹³³Коллекция афоризмов. [Электронный ресурс] URL : <http://www.collection-aforizmov.ru/aforizmi-cat594.html> (дата обращения 01.12.2012). (Макс Клеланд (Max Cleland, настоящее имя Джозеф Клеланд (Joseph Cleland), род. 24.08.1942, Атланта, Джорджия, США) - Бывший сенатор-демократ США, ветеран и герой вьетнамской войны).

¹³⁴Петроний Арбитр. [Электронный ресурс] URL: http://ru.wikiquote.7val.com/wiki/Петроний_Арбитр (дата обращения 01.12.2012). (Петроний Арбитр, Гай (год рождения неизвестен, принужден Нероном к самоубийству в 66 г. н. э.) — писатель, чиновник на высоких должностях, представитель высшего общества, как придворный Нерона — «арбитр изящества»).

¹³⁵Оттенсон А. Памятники культуры во все времена были объектом охраны государства.// Советское право – Таллинн, 1985. - № 3. – С.197.

¹³⁶Жуков Ю.Н. Роль права в охране культурно-исторического наследия в первый год Советской власти.//Советское государство и право. – М., 1983. - № 11. – С.117.

¹³⁷Домрин А.Н. Охрана памятников истории и культуры в Великобритании.//Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах.//Сборник научных трудов.// РАН. ИНИОН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М., 2005. – С. 121.

¹³⁸Домрин А.Н. Законодательство США об охране памятников национального значения.//Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах.//Сборник научных трудов.// РАН. ИНИОН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М., 2005. - С. 27.

исследования. Современные процессы глобализации привели к тому, что и в данной сфере, начиная с XX в., происходит усиление роли наднациональных организаций и существуют как национальные, так и интернациональные термины и определения. При этом появляется всё больше вопросов, касающихся «памятников истории и культуры», которые носят международный характер.

Если в российской традиции описываемый феномен исторически был связан с понятиями «памятник» и «память», то в западной традиции наблюдаются другие ситуации. Изначально «памятник» понимался как «монумент», а затем – как «культурное имущество (собственность)», «культурное наследие» и «культурная ценность».

Для английского языка характерно использование следующей терминологии: «память» - «memory» (в смысле в память о чем-либо, может быть использовано это слово)¹³⁹; «воспоминание» - «recollection»; «напоминание» - «reminder»; «памятник»: в общем смысле – «monument» и «memorial»; в смысле надгробный камень – «tomb», «tombstone»; в виде статуи – «statue»; литературный (письменный) – «literary monument»; «памятник старины» - «relics of the past» и «old relics and monuments»; «ставить памятник» - «erect a monument to»; «памятная доска» - «memorial plate», «memorial plaque»¹⁴⁰. Соответственно во французском: «mémorial», «souvenir», «commemoration»; - ; «напоминание» - «rappeil»; «памятник»: в общем смысле – «monument», а «memorial» используется как «мемориал» и только в четвертом значении как «памятник»; ; «памятник погибшим» - «monument aux morts»; в виде статуи – «statue»; литературные (письменные) – «monuments litteraires»; «древности» - «antiquités»; «ставить памятник» - «eriger un monument»; «памятная доска» - «plaque commémorative»¹⁴¹. Под английским термином «monument» понимается: «1. (кому-то, чему-то) здание, колонна и т.д., построенная для сохранения памяти человека или события: *Эта статуя является монументом одному из наших величайших государственных деятелей.* | (в переносном смысле) *Эти пустые офисные здания являются монументами плохого планирования.* – сравните с MEMORIAL. 2. очень старое здание или место, которое считается необходимо сохранить из-за его красоты или исторической значимости: *Руины замка являются старинным монументом; существует предписание об охране их...*»¹⁴². Или в более широком смысле «монумент» это «предмет (в особенности строение) в память

¹³⁹Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – М.: «Русский язык», 2000. – С. 611.

¹⁴⁰Русско-английский словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1969. – С.399-400.

¹⁴¹Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – М.: «Русский язык», 1997. – С. 53, 217, 679, 707, 907, 1031.

¹⁴²Перевод автора по тексту Longman A.W. Dictionary of English Language and Culture. – Harlow, Essex, England, Longman, 1998 – p. 880. Текст оригинала: «monument ... 1.[(to)] a building, pillar etc built to preserve the memory of a person or event: *This statue is a monument to one of our greatest statesmen.* | (fig.) *Those empty office buildings are a monument to bad planning.* – compare MEMORIAL. 2. a very old building or place, considered worth preserving for its historic interest or beauty: *The ruins of the castle are an ancient monument; there is a preservation order on them...*».

о человеке или событии и т.д.; строение исторической значимости»¹⁴³. А под английским термином «memorial», происходящим от слова память, понимается – «(кому-то, чему-то) что-то, в особенности каменный МОНУМЕНТ, в память о человеке, событии и т.д.: мемориал о войне (в память о погибших солдатах) | мемориальная скульптура | Церковная служба - это мемориал тем, кто был убит на войне»¹⁴⁴. Аналогично французский термин “monument” означает: «творение архитектуры или скульптуры, предназначенное для передачи последующим поколениям воспоминаний о каком-либо лице или каком-нибудь событии. || Общественное здание, значительное по величине или великолепию: Парфенон самый красивый **монумент** Афин. || (в переносном смысле) Все произведения искусства, предназначенные для передачи будущим поколениям: Творения Гомера - самые красивые **монументы** Античности. • Погребальный **монумент** – сооружение, возвышающееся над могилой. || Исторический **монумент** – здание или предмет движимого имущества, принадлежащий какому-либо государственному органу или частному лицу, который из-за художественного или исторического интереса подвержен специальному юридическому режиму вследствие административной классификации, проводимой для обеспечения его сохранности. || **Общественный монумент** – творение архитектуры или скульптуры, принадлежащее государству, департаменту или коммуне»¹⁴⁵. Во французском языке слово «memorial» означает: «дипломатический документ»; «произведение, в котором упоминаются памятные факты» и лишь в последнем значении «памятный монумент»¹⁴⁶. Жирным шрифтом выделены слова, которые, конечно, должны быть переведены словом «памятник», так как слово «монумент» в данных контекстах в русском языке не используется.

Но корневое понятие «память» в английской и французской языковых традициях не соотносится с понятием «памятник» в его основном смысле как в русской традиции. Оно имеет отношение лишь к отдельным (специфическим) видам «памятников истории и культуры». Естественно, что их восприятие субъектом, воспитанным в каждой конкретной культурной среде, происходит несколько различным образом.

¹⁴³The Oxford Minidictionary. Third Edition. – Oxford, Clarendon Press, 1991. – p. 331. Текст оригинала: «monument thing (esp. a structure) commemorating a person or event etc.; structure of historical importance».

¹⁴⁴Перевод автора по тексту Longman A.W. Dictionary of English Language and Culture. – p. 850. Текст оригинала: «memorial [(to)] something. Especially stone monument, in memory of a person, event etc: a war memorial (in memory of dead soldiers) | a memorial sculpture | The church service is a memorial to those killed in the war».

¹⁴⁵Перевод автора по тексту Petit Larousse illustre 1974. – Paris, Librairie Larousse, 1974. – p. 669. Текст оригинала: «monument ... Ouvrage d'architecture ou de sculpture destine a transmettre a la posterite le souvenir d'un personnage ou d'un evenement. || Edifice public considerable par sa masse ou sa magnificence: le Parthenon est la plus beau monument d'Athenes. || Fig. Toute oeuvre d'art digne de passer a la posterite: les oeuvres d'Homere sont le plus beau monument de l'Antiquite. • Monument funeraire, construction elevee sur une sepulture. || Monument historique, edifice ou objet mobilier appartenant a une collectivite publique ou a un particulier, qui, du fait de son interet historique ou artistique, est soumis a un regime juridique special, a la suite d'un classement administrative effectue en vue d'en assurer la conservation. || Monument public, ouvrage d'architecture ou de sculpture appartenant a l'Etat, a un department ou a une commune».

¹⁴⁶Перевод автора по тексту Petit Larousse illustre 1974. – p. 639. Текст оригинала: «memorial ... Monument commémoratif».

В западной традиции использовалось множество терминов для обозначения «памятник истории и культуры». Типичным примером являются США, где только в рамках Национальной службы парков «памятник» может получить следующие статусы: «national historical park», «national monument», «national military park», «national memorial park», «national battlefield», «national battlefield park», «national battlefield site», «national historic site», «national memorial», «national cemetery», «national parkway»¹⁴⁷. При этом, к примеру, Арлингтонское национальное кладбище не относится ни к одному из вышеперечисленных статусов «памятника», так как подлежит юрисдикции Министерства обороны. Аналогичная ситуация складывается относительно объектов, принадлежащих другим министерствам и ведомствам.

В связи с таким разнообразием используемой терминологии, важным этапом в определении феномена «памятник истории и культуры» явилось принятие в Гааге 14 мая 1954 г. «Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» (далее - Гаагская конвенция)¹⁴⁸. В ней были определены объекты, объединенные англоязычным понятием «cultural property»¹⁴⁹, а также французским термином «biens culturels»¹⁵⁰, то есть «культурное имущество (собственность)». Однако в русском официальном тексте Гаагской конвенции эти термины переведены ошибочно как «культурные ценности»¹⁵¹, так как для обозначения понятия ценность в английском языке используется слово «value», во французском обычно «valeur» и эти термины использованы не были.

Для сравнения можно привести официальные тексты Статьи 1 указанной конвенции на английском и русском языках, выделив курсивом нетождественные понятия: «For the purposes of the present Convention, the term «*cultural property*» shall cover, irrespective of origin or ownership: (a) movable or immovable *property* of great importance to the cultural heritage of every people, such as monuments of architecture, art or history, whether religious or secular; archaeological sites; groups of buildings which, as a whole, are of historical or artistic interest; works of art; manuscripts, books and other objects of artistic, historical or archaeological interest; as well as scientific collections and important collections of books or archives or of reproductions of the *property* defined above; (b) buildings whose main and effective purpose is to preserve or exhibit the movable *cultural property* defined in sub-paragraph (a) such as museums, large libraries and depositories of archives, and refuges intended to shelter, in the event of armed conflict, the movable *cultural property* defined in subparagraph (a); (c) centres containing a large amount of *cultural property* as defined in subparagraphs (a) and (b), to be known as “centres containing *monuments*”» . «Согласно настоящей Конвенции, *культурными ценностями* считаются независимо от их

¹⁴⁷Information Please Almanac. Atlas and Yearbook 1964. – New York City, Simon and Schuster, 1963. – p. 578-580.

¹⁴⁸Гаагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. - М, Госюриздат, 1957. – 46 с.

¹⁴⁹The Hague Convention of 1954, Paris, UNESCO, 1993. - С. 33.

¹⁵⁰Réexamen de la Convention pour la protection des biens culturels en cas de conflit armé (Convention de La Haye de 1954), Paris, UNESCO, 1993. – С. 15.

¹⁵¹Гаагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. – С. 3.

происхождения и владельца: а) *ценности*, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций *ценностей*, указанных выше; б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых *культурных ценностей*, указанных в пункте «а», такие как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых *культурных ценностей*, указанных в пункте «а»; в) центры, в которых имеется значительное количество *культурных ценностей*, указанных в пунктах «а» и «б», так называемые центры сосредоточения *культурных ценностей*».

Необходимо обратить внимание, что даже слово «monuments» переведено в этом документе как «культурные ценности». Здесь необходимо отметить, что в Гаагской конвенции говорится о «культурном имуществе» и соответственно не производится разделения на движимое и недвижимое имущество.

Традиция такого перевода была продолжена в текстах Конвенции ЮНЕСКО 1970 г.¹⁵², где термин «cultural property» вновь был переведен как «культурные ценности». На самом деле, несмотря на то, что правильный перевод термина на русский язык «культурное имущество», этот документ послужил дальнейшему уточнению в описании феномена «памятник истории и культуры».¹⁵³ Статья 1 Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. гласит: «For the purposes of this Convention, the term «cultural property» means property which, on religious or secular grounds, is specifically designated by each State as being of importance for archaeology, prehistory, history, literature, art or science and which belongs to the following categories: (a) Rare collections and specimens of fauna, flora, minerals and anatomy, and objects of paleontological interest; (b) property relating to history, including the history of science and technology and military and social history, to the life of national leaders, thinkers, scientists and artist and to events of national importance; (c) products of archaeological excavations (including regular and clandestine) or of archaeological discoveries; (d) elements of artistic or historical monuments or archaeological sites which have been dismembered; (e) antiquities more than one hundred years old, such as inscriptions, coins and engraved seals; (f) objects of ethnological interest; (g) property of artistic interest, such as: (i) pictures, paintings and drawings produced entirely by hand on any support and in any material (excluding industrial designs and manufactured articles decorated by hand); (ii)

¹⁵²Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 года // Международные нормативные акты ЮНЕСКО.// Конвенции, соглашения, протоколы, рекомендации, декларации. – М.: Логос, 1993. – С. 259.

¹⁵³Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property 1970. - Paris, UNESCO, 14 November 1970. - С. 2.

original works of statuary art and sculpture in any material; (iii) original engravings, prints and lithographs; (iv) original artistic assemblages and montages in any material; (h) rare manuscripts and incunabula, old books, documents and publications of special interest (historical, artistic, scientific, literary, etc.) singly or in collections; (i) postage, revenue and similar stamps, singly or in collections; (j) archives, including sound, photographic and cinematographic archives; (k) articles of furniture more than one hundred years old and old musical instruments». Или в переводе автора данного исследования: «Для целей настоящей Конвенции термин «культурное имущество» означает имущество религиозного или светского характера, которое рассматривается каждым государством как представляющее значение для археологии, предыстории, истории, литературы, искусства или науки, и которое относится к следующим категориям: а) редкие коллекции и образцы флоры, фауны, минералогии, анатомии и предметы, представляющие интерес для палеонтологии; б) имущество относящееся к истории, включая историю науки и техники, военную и социальную историю, к жизни национальных деятелей, мыслителей, ученых и артистов и событиям национального значения; в) результаты археологических раскопок, включая официальные и нелегальные, или археологических находок; г) составные части расчлененных художественных и исторических памятников или археологических объектов; д) старинные предметы более чем 100-летней давности, такие как надписи, монеты и выгравированные печати; е) предметы представляющие интерес для этнологии; ж) имущество,(!) представляющее художественный интерес, такое как: и) полотна, картины и рисунки целиком ручной работы на любой основе и из любых материалов (за исключением чертежей и промышленных изделий, украшенных от руки); ii) оригинальные произведения скульптурного искусства и скульптуры из любых материалов; iii) оригинальные гравюры, эстампы и литографии; iv) оригинальные художественные подборки и монтажи из любых материалов; h) редкие рукописи и инкунабулы, старинные книги, документы и издания, представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный, литературный и т.д.), по отдельности или в коллекциях; i) почтовые марки, гербовые и аналогичные марки, по отдельности или в коллекциях; j) архивы, включая фоно-, фото- и киноархивы; k) предметы мебели более чем 100-летней давности и старинные музыкальные инструменты».

Следует отметить, что ряд документов международных организаций также использует терминологию, русский перевод которой имеет те же пороки. Так, в «Рекомендации ЮНЕСКО о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ» (1968 г.)¹⁵⁴ (далее – Рекомендации ЮНЕСКО 1968 г.)

¹⁵⁴Рекомендация о защите культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ.// ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Пятнадцатая сессия. Париж, 1968. – Париж, ЮНЕСКО, 1969. – С. 159-167.

присутствует термин «cultural property»¹⁵⁵, то есть на русском языке - «культурное достояние». Под этим термином в Пункте 1 Статьи 1 Рекомендаций ЮНЕСКО 1968 г. «понимаются: а. недвижимые объекты, как-то местности археологического, исторического или научного значения, сооружения или другие объекты, представляющие историческую, научную, художественную или архитектурную ценность, как религиозные, так и светские, включая архитектурные традиционные ансамбли, исторические кварталы в городах или сельских населенных пунктах и этнологические сооружения предыдущих культур, все еще находящиеся в хорошем состоянии. Это относится к таким недвижимым объектам, как развалины, сохранившиеся на поверхности земли, а также археологические или исторические остатки, обнаруженные в земле; термин «культурные ценности» распространяется также на непосредственно окружающую их обстановку; б. движимые ценности, имеющие культурное значение, включая ценности, находящиеся в недвижимых объектах или извлеченные из них, а также движимые ценности, скрытые в земле, которые могут быть обнаружены в местах, имеющих археологическое или историческое значение, или в других местах»¹⁵⁶. Таким образом, впервые на международном правовом уровне закрепляется, что «памятник» «неотделим и неразрывно связан с окружающей обстановкой». При этом в Пункте 2 той же статьи впервые говорится о том, что термин «памятник истории и культуры» «относится не только к выявленным и зарегистрированным архитектурным, археологическим и историческим местностям и сооружениям, но и к незарегистрированным остаткам прошлого, а также к современным местностям и сооружениям, имеющим художественное значение»¹⁵⁷. Такое понимание вопроса чрезвычайно важно для определения статуса «памятника», поскольку выходит за рамки формально-юридического и приобретает философский культурно-исторический характер, который до сих пор не имеет официального признания в России.

Необходимо отметить, что английский¹⁵⁸ и французский¹⁵⁹ тексты (то есть тексты двух оригиналов) Рекомендации ЮНЕСКО 1968 г. имеют существенные

¹⁵⁵Recommendation concerning the Preservation of Cultural Property Endangered by Public or Private works. Paris 19 November 1968.//UNESCO.Records of General Conference. Fifteenth Session. Volume 1. Resolutions. Paris, 1968. – Paris, UNESCO, 1969. – С. 139-145.

¹⁵⁶Рекомендация о защите культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ, 1969. – С. 160.

¹⁵⁷Там же.

¹⁵⁸Recommendation concerning the Preservation of Cultural Property Endangered by Public or Private works.1968. – С. 140. Текст оригинала: «For the purpose of this recommendation, the term «cultural property» applies to: (a) Immovables, such as archaeological and historic or scientific sites, structures or other features of historic, scientific, artistic or architectural value, whether religious or secular, including -groups of traditional structures, historic quarters in urban or rural built-up areas and the ethnological structures of previous cultures still extant in valid form. It applies to such immovables constituting ruins existing above the earth as well as to archaeological or historic remains found within the earth. The term cultural property also includes the setting of such property; (b) Movable property of cultural importance including that existing in or recovered from immovable property and that concealed in the earth, which - may be found' in archaeological or historical sites or elsewhere. 2. The term `cultural property' includes not only the established and scheduled architectural, archaeological and historic sites and structure, but also the unscheduled or unclassified vestiges of the past as well as artistically or historically important recent sites and structures».

отличия друг от друга в их русском переводе. Так, в английском тексте слово «apply to» переведено как «понимаются», хотя на самом деле означает «применяются к», то есть имеет совсем другой смысл, а во французском тексте слово «designe» верно переведено как «обозначает», что синонимично русскому официальному переводу. В приведенном тексте, слово «местности» неверно переведено на русский вместо слова «место». Выделенные курсивом слова «ценности» в текстах именуется «имуществом», а не выделенные именуется «ценностями» или «представляющими интерес». Конец второго пункта правильнее перевести так: «а также к современным зданиям и местам, имеющим большое историческое или художественное значение».

Дальнейшее развитие терминология, касающаяся «памятников истории и культуры», получила в двух рекомендациях ЮНЕСКО 1976 г., принятых на Девятнадцатой сессии Генеральной конференции в Найроби. Вновь, (?) используя для обозначения «культурного имущества» в русском переводе с английского языка термин «культурные ценности», «Рекомендация о международном обмене культурными ценностями» (далее – Рекомендации об обмене) закрепила то, что «культурные ценности являются основными элементами цивилизации и культуры народов»¹⁶⁰. При этом в Рекомендации об обмене под «культурным имуществом», без деления на движимое и недвижимое, «подразумеваются предметы, которые являются выражением или свидетельством человеческого творчества или же эволюции природы и которые, по мнению компетентных органов отдельных государств, представляют или могут представлять собой историческую, художественную, научную или техническую ценность¹⁶¹ или интерес, включая предметы следующих категорий: (а) образцы зоологии, ботаники, геологии; (б) археологические предметы; (с) предметы и документация, представляющая этнологический интерес; (d) произведения изобразительного и прикладных видов искусства; (е) литературные, музыкальные, фотографические и кинематографические произведения; (f) архивы и документы»¹⁶². Кроме того, была вновь развита мысль о всемирном характере всего «культурного имущества» как части общего культурного наследия человечества, в связи с чем, каждое государство должно нести определенную ответственность за его сохранение не только перед гражданами своей страны, но и перед международным сообществом в целом. Однако, включение в состав «культурного имущества» нерукотворных предметов носит дискуссионный характер и либо должно выделяться в особую категорию по аналогии с

¹⁵⁹Recommandation concernant la preservation des biens cultureless mis en peril par les travaux publics ou prives. Paris 19 November 1968.//UNESCO. Actes de la Conference generale. Quinzieme session. Volume 1. Resolutions. Paris 1968. – Paris, UNESCO, 1969. – С. 147-156.

¹⁶⁰Рекомендация о международном обмене культурными ценностями.// ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Девятнадцатая сессия Найроби, 26 октября – 30 ноября 1976 г.// Том 1. Резолюции. – Париж, ЮНЕСКО, 1977. – С. 133.

¹⁶¹В данном случае «ценность» обозначается как «value». См. Recommendation concerning the International Exchange of Cultural Property.// Nairobi, 26 November 1976.//UNESCO. Records of the General Conference. Nineteenth Session Nairobi, 26 October to 30 November 1976. Volume 1. Resolutions. Annex 1. – Paris, UNESCO, 1977. – С. 17.

¹⁶²Рекомендация о международном обмене культурными ценностями, 1977. – С. 134.

«наследием», либо рассматриваться в рамках рукотворных коллекций. Также в документе не выделена категория недвижимости, что необходимо сделать в целях обоснованного урегулирования перемещения предметов археологии, прикладного и монументального искусства. В целом, из-за множества перечисленных неясностей и спорных, в дальнейшем отвергнутых положений, можно охарактеризовать этот документ как некоторый шаг назад в понимании термина «культурное имущество».

Вторая Рекомендация ЮНЕСКО, опубликованная в том же году, «Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей» (далее – «Рекомендация о сохранении») дает определение целой категории «памятников истории и культуры»: «Под «историческими или традиционными ансамблями» подразумеваются любые совокупности зданий, сооружений и открытых пространств, включая места археологических и палеонтологических раскопок, составляющие людские поселения в городской или сельской местности, целостность и ценность которых признаны с археологической, архитектурной, предысторической, исторической, эстетической или социально-культурной точек зрения. Среди этих весьма разнообразных ансамблей можно, в частности, выделить доисторические места, исторические города, старинные городские кварталы, деревни и небольшие селения, а также однородные монументальные ансамбли, имея при этом в виду, что эти последние, как правило, должны тщательно сохраняться во всей своей целостности»¹⁶³.

В развитие Рекомендации ЮНЕСКО 1968 г., «Рекомендация о сохранении» дает определение понятия «окружение» ансамбля. «Под «окружением» подразумевается естественная или созданная руками человека окружающая среда, которая влияет на статичное или динамическое восприятие этих ансамблей или непосредственно связана с ними в пространстве или в социальном, экономическом или культурном отношении»¹⁶⁴. В данной «Рекомендация о сохранении» впервые было сформулировано положение о том, что исторические или традиционные ансамбли и их окружение должны рассматриваться «как составляющие всеобщее невозместимое наследие»¹⁶⁵, а также о том, что каждый «следовало бы рассматривать в совокупности как единое целое, равновесие и особый характер которого зависят от синтеза составляющих его элементов и которое включает деятельность людей, а также здания, структуру пространства и окружающей зоны. Поэтому все достойные внимания элементы, включая деятельность человека, какой бы скромной она ни была, имеют по отношению к целому значение, которое необходимо учитывать»¹⁶⁶. Таким образом, было введено в международный правовой оборот (хотя и на примере отдельной категории «памятника» - ансамбля) положение о неделимости «памятника истории и культуры» и понимание

¹⁶³Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей.// ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Девятнадцатая сессия Найроби, 26 октября – 30 ноября 1976 г.// Том 1. Резолюции. – Париж, ЮНЕСКО, 1977. – С. 138.

¹⁶⁴Там же.

¹⁶⁵Там же.

¹⁶⁶Там же.

взаимодействия и взаимопроникновения человеческой деятельности в окружающую среду и «памятник». То есть «памятник» перестал быть чем-то застывшим во времени, и стал активным элементом изменяющейся действительности. Можно добавить, что в Рекомендации о сохранении опять используются новые термины. Так, в английском тексте вводится понятие «historic and architectural (including vernacular) areas»¹⁶⁷, которое более правильно перевести не как «исторические или традиционные ансамбли», а как «исторические и архитектурные (включая национальные) зоны». В то же время русский перевод полностью соответствует оригиналу на французском языке¹⁶⁸. Это отражает тот факт, что тексты оригиналов конвенций на французском и английском языках не являются идентичными, хотя в документах ЮНЕСКО декларируется обратное.

Иным, нежели в русском переводе, является в оригиналах акцент, сделанный относительно определения термина «деятельность людей». Правильный перевод и английского, и французского текстов имеет другой смысл, а именно «...которое включает деятельность людей, в такой же точно степени, как и здания, структура пространства и окружение»¹⁶⁹. Необходимо отметить, что по неясным причинам в русском переводе там, где приводится термин «окружение», должно быть словосочетание «окружающая среда» и наоборот. Также термин «всеобщее невозместимое наследие», на самом деле, по мнению автора данного исследования, должен переводиться как «всемирное невозместимое наследие»¹⁷⁰.

«Рекомендация ЮНЕСКО о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей» от 11.12.1962¹⁷¹ определяют данные объекты как «пейзажи и виды естественных, городских и сельских местностей, созданные как природой, так и трудом человека, представляющие культурный или эстетический интерес или же являющиеся примерами характерной естественной среды»¹⁷². Позднее в семидесятые годы XX столетия в российской терминологии слово «местности» заменяется на словосочетание «достопримечательные места», в зарубежной же продолжает использоваться термин «sites». Другими словами, к «памятникам истории и культуры» относятся не только рукотворные, но и природные «памятники». Среди пейзажей и местностей данная Рекомендация выделяет «обширные пейзажи», выделяемые в «особые зоны», «небольшие территории»,

¹⁶⁷Recommendation concerning the Safeguarding and Contemporary role of Historic Areas.// Nairobi, 26 November 1976.//UNESCO. Records of the General Conference. Nineteenth Session Nairobi, 26 October to 30 November 1976. Volume 1. Resolutions. Annex 1. – Paris, UNESCO, 1977. – С. 21.

¹⁶⁸См. Recommendation concernant la sauvegarde des ensembles historiques ou traditionnels et leur role dans la vie contemporaine.// Nairobi, 26 November 1976.//UNESCO. Acts de la Conference generale. Dix-neuvieme session Nairobi, 26 octobre - 30 Novembre 1976. Volume 1. Resolutions. Annex 1. – Paris, UNESCO, 1977. – С. 21-29.

¹⁶⁹Recommendation concerning the Safeguarding and Contemporary role of Historic Areas. 1976. - С. 21. Текст оригинала: «Every historic area and its surroundings should be considered in their totality as a coherent whole whose balance and specific nature depend on the fusion of the parts of which it is composed and which include human activities as much as the buildings, the spatial organization and the surroundings».

¹⁷⁰Там же. - С. 21. Текст оригинала: «Historic areas and their surroundings should be regarded as forming an irreplaceable universal heritage».

¹⁷¹Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей.// ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Двенадцатая сессия, Париж, 1962 г.// Резолюции. – Париж, ЮНЕСКО, 1963. – С. 143-146.

¹⁷²Там же. - С. 143.

обособляемые в «отдельные местности», и, что особенно важно, выделяются «естественные заповедники» и «национальные парки»¹⁷³. Важное значение имеет особое указание Рекомендации на то, что меры по сохранению культурного и природного наследия должны распространяться на всю территорию государства, а не на отдельные пейзажи и местности¹⁷⁴.

Перевод термина «имущество (достояние)» как «ценность» в русскоязычных официальных документах неоднократно отмечался российскими исследователями как ошибочный¹⁷⁵, но никогда не рассматривался вопрос глубокого смыслового различия этих понятий, скорее всего исходя из их некой синонимичности. Отдельные авторы даже предлагали ввести в российскую терминологию понятие «культурная собственность»¹⁷⁶. Эта тема является дискуссионной в основном среди правоведов. Сторонники введения в правовую культуру этого понятия подчеркивают, что законодательное закрепление уже имеет, например, такой правовой институт, как «интеллектуальная собственность» (ст.128 «Гражданский кодекс Российской Федерации». Часть 1 от 30.11.1994 № 51-ФЗ¹⁷⁷). При этом обращает на себя внимание то, что термин «собственность» в большей степени мог бы подойти для обозначения материальной составляющей культурных ценностей, так как именно они в силу их материальной сущности могут являться полноценными объектами права собственности¹⁷⁸.

Необходимо отметить, что эта дискуссия в большой степени связана с тем, что все объекты, перечисленные в Гаагской конвенции, причислены к «культурному имуществу», являются материальными объектами и представляют собой как движимые, так и недвижимые предметы, как действительные «памятники истории и культуры», так и те, которые, могут не являться таковыми. Можно убедиться, что «центры сосредоточения памятников» во многих случаях могут быть сами по себе «культурными ценностями», но не «памятниками истории и культуры». Так, например, новое здание Российского Государственного Исторического Архива в Санкт-Петербурге (СПб, Заневский пр. д. 36), или Реставрационно-хранительский центр Государственного Эрмитажа «Старая Деревня» (Санкт-Петербург, Заусадебная улица, д. 37А), или новое здание Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова – Щедрина (СПб, Московский пр. д. 105) в настоящее время не могут являться «памятниками истории и культуры» вне зависимости от их

¹⁷³Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей. 1963. - С. 145.

¹⁷⁴Там же. - С. 143.

¹⁷⁵См. Александрова М.А. Гражданско-правовой режим культурных ценностей в российской федерации – С. 27-28; Молчанов С.Н. Об определении понятий «недвижимые культурные ценности» и «недвижимое культурное наследие (достояние)» в правовых актах ЮНЕСКО – С. 16.

¹⁷⁶См. Галенская Л. Н. Музы и право. Правовые вопросы международного сотрудничества в области культуры. – Л., Издательство Ленинградского университета, 1987. - 220 с

¹⁷⁷Гражданский Кодекс РФ. Часть 1 от 30.11.1994. № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 1994. № 32. ст. 3301.

¹⁷⁸Александрова М.А. Гражданско-правовой режим культурных ценностей в российской федерации, 2007. – С. 28.

уникальности, так как не соответствуют этому понятию по срокам давности их возведения¹⁷⁹.

В Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. к «культурному имуществу» отнесено всё движимое имущество культурно-исторического происхождения в целом. При этом важно отметить, что во всех рассматриваемых в данном исследовании международных документах особо указывается на то, что приводимые в них термины не универсальны и имеют своё особое значение для каждого из документов отдельно. Тем не менее, каждый новый документ дает постепенно всё более глубокое понимание феномена, и, благодаря этому, формируется топология и терминология, присущая только ему.

Как уже отмечалось, российской традиции ближе понимание «памятника истории и культуры» как «культурной ценности», которое хоть и было введено в оборот по ошибке, но имеет глубокий онтологический смысл. В международной практике наиболее близкое к термину «культурная ценность» понятие появляется в «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» (далее - Конвенция ЮНЕСКО 1972 г.)¹⁸⁰. Этот документ использует терминологию существенно отличную от ранее принятой в системе ЮНЕСКО. Вместо понятия «культурное имущество» вводятся термины соответственно на английском языке «cultural heritage», на французском языке «patrimoine culturel», переводимые на русский язык как «культурное наследие». Эта Конвенция вводит также и понятие «культурного и природного наследия выдающейся всемирной ценности» (причем определение этого термина в документе отсутствует). В русской официальной версии текста это понятие фигурирует как «памятник выдающегося универсального культурного и природного значения» или как «выдающаяся универсальная ценность». Неточность перевода возникла из-за того, что английское и испанское прилагательное «universal», как и французское «universelle», имеют два значения: «универсальный» и «всемирный», в то время как в русском языке термин «универсальный» в смысле «всемирный» не используется. Для подтверждения этого тезиса в двух фрагментах оригинального текста Конвенции Юнеско 1972 г. на английском и русском языках выделим курсивом соответствующие части текста: (Преамбула) «...Considering that it is essential for this purpose to adopt new provisions in the form of a convention establishing an effective system of collective protection of *the cultural and natural heritage of outstanding universal value*, organized on a permanent basis and in accordance with modern scientific methods...» и «...принимая во внимание, что с этой целью необходимо принимать новые договорные положения, устанавливающие эффективную систему коллективной охраны *памятников выдающегося универсального, культурного и природного значения*, организованную на постоянной основе в соответствии с современными научными методами...».

¹⁷⁹Пункт 7. Статья 17. Закон РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. №26. ст.2519. Дискуссия по этому вопросу будет продолжена в третьей главе.

¹⁸⁰Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // Париж, 16 ноября 1972 года. – Париж: ЮНЕСКО, 1972. – 14 с.

(Статья 11 пункт 2) «...under the title of "World Heritage List" a list of properties forming part of *the cultural heritage and natural heritage*, as defined in Articles 1 and 2 of this Convention, which it considers as having *outstanding universal value* in terms of such criteria as it shall have established...» и «...под названием «Список всемирного наследия», список *ценностей культурного и природного наследия*, как они определены в статьях 1 и 2 настоящей Конвенции, которые, по его мнению, имеют *выдающуюся универсальную ценность* в соответствии с установленными ими критериями...».

В Конвенции ЮНЕСКО 1972 г. было дано определение понятия «культурное наследие». Под «культурным наследием» понимаются: «памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства и науки;

ансамбли¹⁸¹: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии»¹⁸². Естественно, в этом документе для обозначения термина «памятник» используется слово «monument». И во всех текстах на английском и французском используется термин «места́», а прилагательное «достопримечательные» отсутствует.

Как и ранее, это определение отличалось не сущностным характером, а являлось далеко не исчерпывающим перечислением отдельных групп исключительно «недвижимых памятников». Согласно Конвенции ЮНЕСКО 1972 г., определение объекта как культурного наследия выдающейся всемирной ценности относится к компетенции Межправительственного Комитета по охране всемирного и культурного наследия. Эта обособленная международная группа специалистов проверяет соответствие объекта хотя бы одному из 6 критериев культурного наследия, установленному этой же организацией¹⁸³. В настоящее время Комитет считает, что для отнесения объекта, признанного «культурным наследием», к категории выдающейся всемирной ценности такой объект должен удовлетворять следующим условиям:

¹⁸¹В английском тексте «groups of buildings», то есть «группы зданий»; во французском «des ensembles», в испанском «los conjuntos», то есть «ансамбли». Английский по тексту Convention concerning the protection of the world cultural and Natural Heritage.// Adopted by the General Conference at its seventeenth session Paris, 16 november 1972. // English Text. - Paris, UNESCO, 1972. - С. 2. Французский по тексту Convention concernant la protection du patrimoine mondial culturel et naturel.// Adoptee par la Conference generale a sa dix-septieme session Paris, 16 novembre 1972.// Text francais.- Paris, UNESCO, 1972. - С. 2. Испанский по тексту Convencion sobre la proteccion del patrimonio mundial, cultural y natural. //Text Espanol. - Paris, UNESCO, 1972. - С. 2.

¹⁸²Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. 1972. – С. 2.

¹⁸³Шухободский А.Б. Статус памятника культуры // Studia culturae.Выпуск 11: Опыты интерпретации культурного наследия в горизонте постмодерна.- СПб, 2008. - С. 123.

«(i) представлять собой шедевр человеческого созидательного гения;

(ii) свидетельствовать о значительном взаимовлиянии человеческих ценностей в период времени или в определённом культурном пространстве мира на развитие архитектуры или технологии, монументального искусства, городского планирования или на создание ландшафтов;

(iii) являться уникальным или, по крайней мере, исключительным свидетельством культурной традиции или существующей цивилизации¹⁸⁴, или той, которая уже исчезла;

(iv) являться выдающимся образцом типов здания, архитектурного или технологического ансамбля или ландшафта, которые иллюстрируют значительный период(ы) истории человечества;

(v) быть выдающимся образцом традиционного поселения людей, землепользования или использования моря, являющихся характерными для культуры (или культур) или для взаимодействия человека с окружающей средой, в особенности, если она становится уязвимой под сильным влиянием необратимых изменений;

(vi) быть напрямую или явно связанным с событиями или существующими традициями, с идеями или верованиями, с художественными и литературными произведениями выдающегося мирового значения (комитет считает, что соответствие объекта последнему критерию уместно сочетать с соответствием какому-либо иному критерию)¹⁸⁵.

Вопрос о принадлежности того или иного объекта к «культурному наследию» выдающейся всемирной ценности выносится на рассмотрение по представлению страны, на чьей территории находится объект. Важно отметить, что к «культурному наследию» и Комитет, и ЮНЕСКО относят только недвижимые «памятники истории и культуры», и, несмотря на перечислительный характер дефиниции «культурного наследия выдающейся всемирной ценности», на данный момент не существует его более полного и объективного общепринятого определения.

Дискуссия по вопросам систематизации культурного наследия и культурных ценностей и необходимость более четкого обособления различных их видов, привели к заключению «Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия», принятой ЮНЕСКО 17.10.2003¹⁸⁶. Статья 2 Конвенции гласит: «1. «Нематериальное культурное наследие» означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, - а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, - признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от

¹⁸⁴Здесь под словом цивилизация имеется в виду культура.

¹⁸⁵Перевод автора по тексту: Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. - Paris, UNESCO, World Heritage Centre, January 2008, WHC. 08/01. - С. 20.

¹⁸⁶Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия//Париж, 17 октября 2003 года. - Париж, ЮНЕСКО, 2003. - 17 с.

окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории,^(!) и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека. Для целей настоящей Конвенции принимается во внимание только то нематериальное культурное наследие, которое согласуется с существующими международно-правовыми актами по правам человека и требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами, а также устойчивого развития. 2. «Нематериальное культурное наследие», как оно определено в пункте 1 выше, проявляется, в частности, в следующих областях: а) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; б) исполнительские искусства; с) обычаи, обряды, празднества; d) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; е) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами». В английской версии для обозначения «нематериальный» используется термин «intangible».

Кроме того, была принята «Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 г.»¹⁸⁷, в которой в русском переводе снова фигурирует термин «культурные ценности», в то время как французский вариант содержит термин «biens culturels» (точно так же как и в Конвенции ЮНЕСКО 1970 г.), а в английском тексте вводится новый уточняющий титул «cultural objects», то есть «культурные объекты». Вся остальная терминология и то, как трактуются используемые понятия, полностью соответствует Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. Таким образом, ещё раз на международном правовом уровне закрепляется деление на движимые и недвижимые «памятники», а Конвенция ЮНЕСКО 2003 г. впервые легально проводит различие между материальными и нематериальными «памятниками». Косвенно этот вопрос поднимался ещё в «Рекомендации о сохранении фольклора» (ЮНЕСКО, Париж, 15 ноября 1989 г.)¹⁸⁸, где дано определение фольклора. «Фольклор (или традиционная и народная культура) – есть совокупность основанных на традициях культурного сообщества творений, выраженных группой или индивидуумами и признанных в качестве отражения чаяний сообщества, его культурной и социальной самобытности; фольклорные образцы и ценности передаются устно, путем имитации или другими способами. Его формы включают, в частности, язык, литературу, музыку, танцы, игры, мифологию, обряды, обычаи, ремесла, архитектуру и другие виды художественного творчества»¹⁸⁹. То есть фольклор представлен как комплекс материальных и нематериальных «культурных ценностей».

Из приведенного выше анализа терминологии следует, что, несмотря на различия и неточности переводов текстов, а также на неполную

¹⁸⁷См. Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 г. // Международное частное право: Сборник документов. — М., БЕК, 1997. - 962 с.; UNIDROIT Convention on Stolen or Illegally Exported Cultural Objects (Rome, 24 June 1995). – Rome, 1995. – 15 с.

¹⁸⁸Рекомендация о сохранении фольклора.// ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Двадцать пятая сессия, Париж, 17 октября – 16 ноября 1989 г. // Том 1. Резолюции. - Париж, ЮНЕСКО, 1990. – С. 176-180.

¹⁸⁹Там же. - С. 177.

тождественность российских и международных терминов, наблюдается ярко выраженная тенденция к постепенному уточнению и сближению в определениях феномена «памятник истории и культуры» и феномена «культурное наследие», используемого в международной практике. В конечном счёте, и тот и другой феномен в настоящее время ограничен только кругом недвижимых объектов.

Эволюция понятия «памятник истории и культуры» в России

Эволюция смысла в некотором смысле
является эволюцией бессмыслицы
Владимир Набоков¹⁹⁰

Первыми в российской истории правовыми актами в области «охраны памятников» были указы Петра I 1718-1722 гг. А ещё через 100 лет в 1826 г. был издан циркуляр об охране «древних замков, крепостей и других зданий древности»¹⁹¹.

Термин «памятник» как «недвижимая культурная ценность» появился в результате длительной эволюции в понимании явления и выделения его в отдельное обособленное понятие. Изначально использовались другие названия: «куриозные вещи», «что зело старое и необыкновенное», «раритеты», «памятник древности», «памятник старины», «археологические древности» и т.д. До начала XIX в. эти термины обозначали только движимые культурные ценности и музейные предметы. «Недвижимые памятники» при этом долгое время вообще во внимание не принимались. Архитектурные объекты впервые были причислены к «памятникам» в официальных документах лишь в 1822 г., а затем Указом Синода от 1842 г.¹⁹² к «памятникам» были отнесены и церковные здания.

«На основе поступлений из Губерний сведений А.Г. Глаголевым был составлен и издан в 1839-1842 гг. свод «памятников» «Краткое обозрение древнерусских зданий и других отечественных памятников», содержащий сведения о некоторых крепостях, монастырях и церквях»¹⁹³.

В самом начале XX в. в циркуляре Министерства внутренних дел России появилось понятие «памятник новейшего времени». Этот документ распространил понятие «памятника» на монументы, установленные в честь исторических лиц и событий, дата создания которых должна была быть не

¹⁹⁰Набоков В.В. Пнин. [Электронный ресурс] URL: http://www.modernlib.ru/books/nabokov_vladimip/pnin/ (дата обращения 30.11.2012). – С. 11. (Владимир Владимирович Набоков (публиковался также под псевдонимом Сирин; 10.04 (22.04) 1899, Санкт-Петербург, Российская империя – 2.07.1977, Монтрё, Швейцария) - русский и американский писатель, поэт, переводчик, литературовед и энтомолог. Роман «Пнин» опубликован в 1957 г. на английском языке).

¹⁹¹Жуков Ю.Н. Сохраненные революцией. – М., Московский рабочий, 1985. – С. 10.

¹⁹²Кулемзин А.М. Правильное определение предмета памятничкоохранительной деятельности – начало ее успеха.// Клио. – СПб, 1998. – С. 134.

¹⁹³Памятники истории и культуры как культурно-исторический феномен: методическая разработка к лекции по курсу «Памятники истории и культуры и их охрана» // сост. Базаржапов В. Б-М., Арьянов А.Д. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный технологический университет, 2005. – С. 20.

позднее конца XIX в. (то есть императорам, военным начальникам и другим представителям «избранных», или же по поводу памятных дат, официально признаваемым в Российской империи). Таким образом, в России был создан прецедент, когда момент придания статуса «памятник истории и культуры» оказался максимально приближен к дате создания объекта.

С другой стороны этот факт можно оценить и так, что на примере понятия, которое схватывает реальное явление, была предпринята попытка стереть грань между прошлым и настоящим и подменить историческую составляющую на сугубо идеологическую, соответствующую своему времени. Кроме того, (!) это позволяло обеспечить условия для укрепления позиций правящей элиты путем признания национальными культурными ценностями часть произведений монументального искусства, созданных на средства той же элиты для вертикальной легитимизации самой себя. В целом, это достаточно противоречивое нововведение оказалось в определенном смысле положительным, так как оно отражало признание обществом и научными кругами эстетической и художественной ценности «памятников» и предметов старины и современности как таковых, независимо от политических и идеологических установок. Это явилось значительным шагом в осознании глубины и многогранности феномена «памятник истории и культуры».

После Октябрьской революции тенденция к идеологизации «памятников» приобретает всеобщий характер. Причем появляются новые категории памятников, имеющие ярко выраженный классовый характер, такие, как: «памятники революционного движения», «памятники революции», «памятники народного быта» и другие. При этом временные рамки возникновения «памятников», с которыми право связывает признание соответствующего статуса, резко сужаются до тех периодов истории, когда происходили бунты или революции или другие события, связанные с господствующей идеологией.

Декретом о памятниках республики от 12 апреля 1918 г. было установлено следующее: «Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесения в склады, частью использования утилитарного характера»¹⁹⁴. Тем же декретом устанавливалось: «Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1 мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и поставлены первые модели новых памятников»¹⁹⁵.

С тех пор, в течение почти 60 лет, использование «памятников» в политической борьбе только усиливалось, а само формулирование понятия феномена стало уделом чиновников и партработников, а не научного и художественного сообществ.

Уже в первые годы Советской власти складывается тенденция к рассмотрению «памятников истории и культуры» как ценного имущества, требующего национализации, а не в качестве «культурных ценностей».

¹⁹⁴ Декреты советской власти. Т.2. 17 марта по 10 июля 1918 г. – М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1959. – С. 95.

¹⁹⁵ Там же. – С. 96.

Несмотря на все указания государственных органов, которые якобы определяли необходимость охранять объекты, имеющие историко-художественную ценность и находящиеся в усадьбах, в реальности всё сводилось к первичному учёту «памятников» с последующей их реквизицией и конфискацией¹⁹⁶. В первую очередь, национализировались «памятники истории и культуры». Так, с 1918 по 1921 гг. было национализировано 600 усадеб, 2900 памятников зодчества и 1700 памятников церковной архитектуры¹⁹⁷. «В феврале 1919 г. была создана Экспертная комиссия по отбору национализированных вещей, имеющих художественно-историческую ценность, для продажи их за рубеж. Руководил комиссией, которая по сути своей деятельности подготавливала разграбление культурного наследия, М. Горький... По некоторым оценкам, стоимость проданного имущества составила около 10 млрд. рублей по ценам 1915 г., но в действительности полученная сумма была в 5-6 раз больше»¹⁹⁸. В последующие годы шло разрушение централизованной системы «охраны памятников». Решения Правительства СССР в 1930-ые годы не оказали на «памятники истории и культуры» такого же разрушительного влияния, как на движимые ценности, в силу недвижимости первых и невозможности из-за этого их продажи за рубеж. Это, однако, не мешало властям уничтожать «памятники» религиозной архитектуры по всей стране, а самым вопиющим было практически полное разрушение ансамблей исторического центра Москвы. «Памятники» стали объектами классовой борьбы. Характер отношения к «памятникам истории и культуры» отражает цитата (приведенная А.М. Кулемзиным) из выступления в 1934 г. председателя Моссовета Н.А. Булганина: «Когда мы ломали Иверскую часовню, многие говорили: «хуже будет». Сломали - лучше стало. Сломали Китайскую стену, Сухареву башню - лучше стало»¹⁹⁹. На большие разрушения просто не хватало финансов. Другим методом уничтожения «памятников» было их использование в таких целях, которые приводили к их порче и разорению. К примеру, в Ленинграде в казематах, бастиях и куртинах Петропавловской крепости располагались конюшни частей особого назначения, свинофермы с курятниками и крольчатниками, овощные склады и хранилища горюче-смазочных веществ НКВД²⁰⁰, а Собор Воскресения Христова (Храм Спаса-на-Крови) использовался в качестве овощебазы.

Такое развитие событий позволило В.Л. Егорову как советскому ученому, изучавшему становление понятия «памятник истории», сделать теоретический вывод о том, что «памятник истории» является не просто оберегаемой

¹⁹⁶Козлов А.А. Правовое регулирование охраны памятников истории и культуры в 1917-1941 гг.: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук. – МГУ им. М.В. Ломоносова, М., 1990 – С. 12.

¹⁹⁷Там же. - С.13.

¹⁹⁸Шаманаев А.В. Охрана культурного наследия в России (XVIII – конец XX века). – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005 – С.60.

¹⁹⁹Кулемзин А.М. Охрана памятников как социально-историческое явление//Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири. – Кемерово, 1996. – С. 11.

²⁰⁰Степанов С. Крепость и люди // Музей и город. СПб. Искусство, 1993. – С. 37.

реликвией, а социальной категорией, всегда наполненной классовым патриотическим содержанием²⁰¹.

В настоящий период правильнее, по мнению автора данной книги, было бы утверждать, что «памятник» может нести идеологическую нагрузку, но это не является обязательным признаком «памятника истории», а тем более «памятника культуры». Более того, указанной идеологической функцией понятие «памятник истории и культуры» не исчерпывается, ибо «памятник истории и культуры» - это символическая конденсация и идеологических, и культовых, и культурных, и исторических моментов.

События, имевшие место в Советской России, не являются чем-то исключительным. Столь существенные социальные потрясения, чему ярким подтверждением является Гражданская война, сравнимы с завоеванием одного социума другим. При этом высшие «ценности подвергаются «первичному» устранению, ибо через них, во многом, осуществляются идентификационные процессы, т.е. тот базис, который способен восстановить любое, даже порабощенное культурное образование. В этой ситуации возможна «обратная ассимиляция», когда завоеватель, заимствуя ценностные ориентации порабощенной им - может быть, в технологическом плане более продвинутой - культуры, ассимилируется тем этносом, который он завоевал. А потому на «инстинктивном» уровне возникающая на том же самом пространстве новая культура, новый этнос, новое культурное образование стремится уничтожить все следы предшествующей традиции»²⁰².

Как и во многих странах мира, в России изначально в процессе формирования определения феномена «памятника истории и культуры» принимали участие государственные чиновники и церковные иерархи, составлявшие различные циркуляры, указы и другие законодательные и нормативные акты. Лишь в середине XIX в. к этому процессу подключились ученые и мыслители. Перед открытием Московского археологического общества в 1864 г. А.С. Уваров дал реальную картину состояния «памятников истории и культуры» в России: «Не только мы, но и наши предки не умели ценить важность родных памятников, и без всякого сознания, с полным равнодушием, безобразно исправляя старинные здания или восстанавливая их заново, они не понимали, что каждый раз вырывали страницу из народной летописи»²⁰³.

В этой связи научная общественность уделяла внимание в основном разработке законодательных документов по «охране памятников», а не вопросам сущности феномена «памятник». И все же можно утверждать, что на этом этапе было достигнуто понимание того, что «памятник» не только является источником информации и эмоционального воздействия, но обладает социальной и гносеологической функциями.

²⁰¹Егоров В.Л. Развитие и становление понятия «памятник истории»// История СССР.-1988. - № 1. - С. 106.

²⁰²Соколов Б.Г. Онтология культурного наследия: Музей в эпоху постмодерна. – С.89.

²⁰³Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные императорским Московским археологическим обществом. - М, 1911. – С. 16.

Наиболее ярким примером перехода инициативы в номинации «памятников» от государственного аппарата к ученым и специалистам была подготовка членами Московского археологического общества проекта Закона об охране памятников. В нём была предпринята попытка выработать научную трактовку понятия «памятник»²⁰⁴. На тот момент это понятие охватывало «движимые и недвижимые памятники», такие, как курганы, здания, городища, рукописи, иконы, фрески, скульптуры и т.д.

Учитывая особую важность вопроса «охраны памятников», при Министерстве народного просвещения была учреждена Особая Комиссия «по обсуждению предложений о мерах к сохранению памятников древности». В эту комиссию под председательством статс-секретаря, товарища министра внутренних дел, вошли по одному представителю от Академии художеств, Императорской Археологической комиссии, Синода, а также от всех археологических обществ. То есть в первый и единственный раз за всю историю России для обсуждения вопросов «памятников» была создана представительная комиссия, состоящая только из ученых и специалистов²⁰⁵. Однако закон так и не был принят. Тем не менее, в результате проведенной работы к началу XX в. были определены признаки, присущие понятию «памятник», такие как, уникальность, материальность и антропогенность.

В советский период длительное время использовался термин «памятник культуры», что отражало стремление к умалению значения истории как науки в целом и конкретной истории России в дореволюционный период. Только 14 октября 1948 г. утверждается «Положение об охране памятников культуры», которое включает в перечень наряду с памятниками архитектуры, археологии и искусства, памятники истории²⁰⁶. В пункте 2 Положения (Приложение к постановлению № 3898) перечисляются виды существующих памятников культуры: «а) памятники архитектуры: гражданские и культовые здания, кремли, крепости, дворцы, усадьбы, парки, руины и остатки древних архитектурных сооружений, триумфальные арки, мосты, надгробные памятники, мавзолеи и пр., а также связанные с ними произведения монументальной живописи, скульптуры, прикладного и садово-паркового искусства; б) памятники искусства: произведения станковой живописи и скульптуры, произведения графики и предметы декоративного искусства, находящиеся в государственных учреждениях и хранилищах, а также скульптурные памятники и проч.; в) памятники археологии: древние курганы, городища, свайные постройки, остатки древних стоянок и селищ, остатки древних городов, земляные валы, рвы, следы оросительных каналов и дорог, древние кладбища, могильники, могилы, древние надмогильные сооружения, дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы и пр., древние рисунки и

²⁰⁴Кулемзин А.М. Правильное определение предмета памятничноохранительной деятельности – начало ее успеха.// Клио. – СПб, 1998. – С. 134.

²⁰⁵Качалова В.Г. Проблемы охраны культурного достояния России как фактор формирования национального сознания народа.// Credo New. – СПб, 2002. - № 3 – С. 3.

²⁰⁶Постановление Совмина СССР от 14.10.1948 № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры». [Электронный ресурс] URL: <http://art-con.ru/node/354> (дата обращения 03.10.2011).

надписи, высеченные на камнях и скалах, места находок костей ископаемых животных (мамонтов, носорогов и пр.), а также находимые древние предметы; г) памятники исторические: сооружения и места, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народов СССР, революционным движением, гражданской и Великой Отечественной войнами, социалистическим строительством; памятники мемориального значения, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся государственных и политических деятелей, народных героев и знаменитых деятелей науки, искусства и техники, их могилы; памятники истории техники, военного дела, хозяйства и быта»²⁰⁷.

Вновь вопросами «памятников» стали заниматься административные структуры, и на первый план были выдвинуты идеологическая, воспитательная и утилитарная функции «памятников».

Во второй половине XX в. сложилось близкое к современному представление о смысле понятия «памятник истории и культуры». В частности, окончательно было установлено, что его неотъемлемым признаком является «недвижимость»²⁰⁸. Однако, четкого определения феномена так и не было сформулировано. В каждом отдельном случае это понятие сопровождалось описательным перечислением различных категорий объектов, под которыми подразумевались «памятники истории и культуры». Постепенно в понятие «памятник» включались все новые и новые категории исторических объектов.

Более четкое понимание феномена «памятник истории и культуры» появилось в СССР в конце 1950-х - начале 1960-х гг., после принятия Гаагской конвенции²⁰⁹. Но самым главным итогом этого периода было то, что «памятники» стали рассматриваться как «культурные ценности». Такое понимание феномена «памятник истории и культуры» имеет глубокий философский смысл. Ратификация СССР Гаагской конвенции в 1955 г. дала толчок для обширной дискуссии о «памятниках», как на уровне научного и художественного сообществ, так и в обществе в целом.

За следующее за этим десятилетие вопрос о культурных ценностях получил столь широкий социальный резонанс, что ответом на него явилось создание в 1959 г. в Грузии добровольного «Общества охраны памятников»²¹⁰. Положительный опыт работы этого общества привел к созданию в 1965 г. «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры». Именно в Постановлении Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» термин «памятник истории и культуры» впервые появляется в нормативном документе²¹¹.

²⁰⁷ Постановление Совмина СССР от 14.10.1948 № 3898.

²⁰⁸ Кулемзин А.М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. – С. 24.

²⁰⁹ Гаагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. – С. 3.

²¹⁰ Шаманаев А.В. Охрана культурного наследия в России (XVIII – конец XX века). – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005 – С.77

²¹¹ Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» // Охрана памятников истории и культуры. – М., 1973. – С. 144.

Сначала в Законе СССР об охране памятников²¹², а затем и в Законе РСФСР об охране памятников, было дано краткое определение понятия «памятник истории и культуры», и предпринята попытка обособления рассматриваемого феномена от других антропогенных творений. В Статье 1 Закона РСФСР об охране памятников дается определение феномена: «Памятниками истории и культуры являются сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность». В соответствии со статьей 6 названного закона «памятники истории и культуры» подразделены на пять условных групп: «памятники истории - здания, сооружения, памятные места и предметы, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, революционным движением, с Великой Октябрьской социалистической революцией, Гражданской и Великой Отечественной войнами, социалистическим и коммунистическим строительством, укреплением международной солидарности, а также с развитием науки и техники, культуры и быта народов, с жизнью выдающихся политических, государственных, военных деятелей, народных героев, деятелей науки, литературы и искусства; захоронения погибших за свободу и независимость Родины; памятники археологии - городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, лабиринты, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов; памятники градостроительства и архитектуры - архитектурные ансамбли и комплексы, исторические центры, кремли, кварталы, площади, улицы, набережные, остатки древней планировки и застройки городов и других населенных пунктов; сооружения гражданской, промышленной, военной, культовой архитектуры, народного зодчества, а также связанные с ними произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного, садово-паркового искусства, природные ландшафты; памятники искусства - произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного и иных видов искусства; документальные памятники - акты органов государственной власти и органов государственного управления, другие письменные и графические документы, кинофотодокументы и звукозаписи, а также древние и другие рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания. К памятникам истории и культуры могут быть отнесены и другие объекты, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность».²¹³ Закон РСФСР об охране памятников рассматривал «памятники истории и культуры» через столь жесткую идеологическую призму, что гносеологическая, воспитательная и коммуникативная функции феномена превращались во

²¹²Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29 октября 1976 года.

²¹³Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры». - С. 498.

вспомогательные относительно его утилитарной функции. Последняя, в противоречие присущей ей сущности, приобретала агрессивный классовый характер (механический цех в здании дворца, клуб или машинно-тракторная станция в здании церкви, дом отдыха в монастыре и т.д.).

В Законе РСФСР об охране памятников сформулирована его направленность на их использование в качестве политического оружия в идейной борьбе. Согласно преамбуле Закона РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» памятники «отражают материальную и духовную жизнь прошлых поколений, многовековую историю нашей Родины, борьбу народных масс за ее свободу и независимость, революционное движение, становление и развитие Советского социалистического государства»; в них «воплощены выдающиеся события Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, трудовые подвиги рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братская дружба народов нашей страны, героическая борьба советского народа за построение социализма и коммунизма». При этом дуалистически памятники «составляют неотъемлемую часть мирового культурного наследия, свидетельствуют об огромном вкладе народов нашей страны в развитие мировой цивилизации» и «служат целям развития науки, народного образования и культуры, формирования высокого чувства советского патриотизма, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания трудящихся»²¹⁴.

Огромным недостатком принятого Закона было то, что вновь, как и в Гаагской конвенции, к «памятникам истории и культуры» были отнесены и различные движимые предметы, что вновь смешивало различные категории «культурных ценностей». Указывалось, что «культурная ценность» может быть «исторической, научной, художественной или иной»²¹⁵. Таким образом, история выделялась в отдельную от науки область знания. Одновременно большим шагом вперед, по мнению автора данного исследования, можно считать то, что хотя и на полностью политизированной основе, но были признаны свойства «памятника» являться источником исторической и эстетической информации, а также быть средством воздействия на социальное сознание людей, и, следовательно, обладать свойствами сенсорного и эмоционального воздействия на сознание.

В связи с распадом СССР и отходом от существовавших идеологических догм, в 1991 г. начинается новый этап изучения культуры и культурных ценностей в России. Вокруг «памятников» начинается большая дискуссия, направленная как на переосмысление самого феномена, так и на уточнение его смысловых границ. Как и в XIX в. наступает длительный период, в котором отсутствует адекватная законодательная база (Закон РСФСР об охране памятников не действует в части, противоречащей складывающейся правовой обстановке, а новый Закон РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках

²¹⁴Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г.

²¹⁵Там же.

истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее - Закон об ОКН)²¹⁶ был принят только в 2002 г. и по причине своего несовершенства пересматривается до сих пор практически ежегодно).

Особую роль в этот период играют ратификации СССР в 1988 г. и Российской Федерацией в 1992 г. Конвенции ЮНЕСКО 1972 г., в которой, как указано выше, использовалась терминология, отличная от принятой в российской традиции, и понятие «памятник истории и культуры» было заменено понятием «культурное наследие». Термин «памятник истории и культуры» и в отечественной литературе постепенно трансформируется в «объект культурного наследия», а в Законе РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» используется в скобках и после его принятия все реже встречается в научной литературе.

Следующим шагом после Закона РСФСР об охране памятников в попытке формирования в России понятий «культурная ценность» и «культурное наследие» было принятие Закона РФ от 9 октября 1992 г. №3612-1 «Основы законодательства о культуре» (далее - Основы законодательства о культуре)²¹⁷. В этом акте «культурные ценности» понимаются как: «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты»²¹⁸. Как и ранее, данное определение является перечислением. Однако, здесь присутствует разделение на «материальное» (недвижимые объекты и движимые предметы) и «нематериальное» (например, «нравственные и эстетические идеалы»).

«Основы законодательства о культуре» дают и определение «культурного наследия» народов Российской Федерации. Это «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию»²¹⁹. В определении явно прослеживается тавтология, так как «памятники» и историко-культурные территории и объекты являются также «культурными ценностями». Представляется более целесообразным дать более краткую и емкую формулировку данного феномена, предложенную М.А. Александровой²²⁰ с некоторыми изменениями автора данного

²¹⁶Закон РФ от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

²¹⁷Закон РФ от 9 октября 1992 г. №3612-1 «Основы законодательства РФ о культуре» (ред. От 29.12.2006) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2008)//Российская газета, № 248, 17.11.1992, № 297, 31.12.2006.

²¹⁸Закон РФ от 9 октября 1992 г. №3612-1 «Основы законодательства РФ о культуре». С. 3.

²¹⁹Там же.

²²⁰См. Александрова М.А Гражданско-правовой режим культурных ценностей в российской федерации. – С. 49: «Культурное наследие народов РФ - совокупность культурных ценностей, взятых под охрану

исследования: *Культурное наследие народов РФ – это совокупность движимых и недвижимых, материальных и нематериальных культурных ценностей, взятых под охрану государства в установленном законом порядке.*

После долгих научных, политических, социологических, культурологических и экономических дискуссий в России был принят Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Не останавливаясь на множестве проектов Закона об ОКН, в которых давались различные определения феномена «памятник истории и культуры», отражающие как суть философско-культурологического дискурса, так и сущность социально-политических дискуссий, представляется важным перечислить лишь те новации, которые были в нём приняты. Так была осуществлена попытка гармонизировать терминологию международных ратифицированных Россией конвенций со специфическим российским подходом к «памятникам истории и культуры». Безусловно, положительным является закрепление в Законе об ОКН в качестве обязательного такого определяющего признака феномена «памятник истории и культуры», как его недвижимость. И наоборот, неудачным, на взгляд автора данной книги, стало признание «памятников истории и культуры» недвижимым имуществом, имеющим ценность как таковую (т.е. экономическую). Более приемлемым представляется определение феномена «памятник истории и культуры» в правовом поле как специфическую форму «культурной ценности».

Ныне закреплённый в Законе об ОКН подход к трактовке «памятников» ведет к тому, что онтологический смысл феномена подменяется сугубо экономическим (утилитарным), а это наряду с постепенным признанием «памятника истории и культуры» всего лишь «объектом культурного наследия» грозит концептуальным искажением сущности феномена, лишая его духовности и присущей ему многогранности.

Несмотря на то, что Закон об ОКН вступил в силу десять лет назад, дискуссии по поводу «культурных ценностей» и «памятников истории и культуры» в научных кругах не утихают. Это означает, что принятый ныне описательный характер обоих понятий не соответствует сущностям феноменов и требует дальнейшего подробного изучения и построения типологии специфической «культурной ценности» – недвижимого «памятника истории и культуры» и неразрывно связанных с ним движимых исторических предметов.

Очевидно, что утилитарный законотворческий подход является в значительной степени результатом некоторого общественного согласия, достигаемого в процессе дискуссий, в том числе и научных. Тем не менее, необходимо представить определения феномена, предлагаемые современными правоведами и культурологами, которые в своих попытках осознания сущности явления расширяют наше знание о нём, и в каком-то смысле противостоят перечислительному характеру его определения, принятому на бюрократически-

административном уровне. Так, один из крупнейших российских теоретиков памятниковедения П.В. Боярский, развивая учение В.И. Вернадского о ноосфере²²¹, дал следующее определение феномену: «Памятниками истории и культуры называется совокупность материальных объектов и памятных мест, составляющих условно-непрерывный ряд, отражающий все стороны исторического развития человеческого общества в системе биосферы»²²². Не анализируя постулат в деталях, необходимо отметить, что здесь отсутствует ценностный подход, и, соответственно, к «памятникам» можно отнести всю материальную ноосферу, причем как движимую, так и недвижимую.

Другой известный исследователь рассматриваемого феномена А.Н. Дьячков считает, что «памятники истории и культуры - одна из функций элементов предметного мира культуры, выделяемая людьми для осуществления передачи общественно значимых культурных и технологических традиций из прошлого в будущее»²²³. В данной формулировке отсутствуют и ценностная, и материальная составляющие феномена, а «памятник» из материального объекта превращается в функцию. Но при этом обращается особое внимание на свойство феномена осуществлять связь между прошлым и будущим.

Большой вклад в исследование данного вопроса внес Д.С. Лихачев, который следующим образом раскрыл понятие «культурные ценности»: «Под культурными ценностями подразумеваются не только отдельные объекты — памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора, которые могут быть отмечены в списках, каталогах и т. п., но и явления, такие, как традиции и навыки в области искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных индивидуальностей народов, групп населения, отдельных людей и т. д.

Живая культура не может быть исчерпана списками, каталогами, описаниями и т.д. Она составляет определённую ценность и целостность в своей совокупности, в которую входят как произведения и явления первого разряда, так и второстепенного свойства, кроме обычаев и навыков, явно вредных для окружающих. Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла»²²⁴. Представляется важным отметить предпринятую в данной формулировке попытку дать описание понятия «культурных ценностей» путем их перечисления при четком разделении на материальные и нематериальные. Несмотря на то, что Д.С. Лихачев не дает определения феномена «памятник истории и культуры», его декларация содержит ряд следующих чрезвычайно важных тезисов: «Ансамбли памятников культуры, созданные как единое целое (алтари, деисусы, диптихи, триптихи, гарнитуры мебели, библиотеки и коллекции, представляющие собой эстетическое или историческое целое и

²²¹ См. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М., Айрис-пресс. 2008. – 576 с.

²²² Боярский П.В. Перспективы развития памятниковедения. // Памятниковедение: теория, методика, практика. // Сборник научных трудов. // Научно-исследовательский институт культуры. – М., 1986. – С. 127.

²²³ Дьячков А.Н. Памятники в системе предметного мира культуры. – С. 43.

²²⁴ Лихачёв Д.С. Декларация прав культуры. // Раздумья о России. – СПб.: Logos, 1999. – С. 635.

имеющие общечеловеческое значение), не должны разъединяться при продажах и различных перемещениях. Исторические города (список которых необходимо значительно расширить и утвердить ЮНЕСКО) должны иметь право на сохранение не только своего центра, но также окраин и окрестностей, которые зачастую представляют собой историческую ценность (для России это: Петербург с его окраинами, дворцовыми городами и селениями; Новгород с окружающими его монастырями и церквями; Москва с подмосковными усадьбами и т. п.). Охраняемый исторический облик наиболее ценных городов определяется планировкой, высотой (не выше, скажем, Зимнего дворца в Петербурге) зданий, их средними габаритами, окраской фасадов, допустимостью того или иного стиля в городе и т.п. Исторический облик наиболее ценных исторических городов определяется понятием «облик города», согласно с введёнными в своё время в науку определениями в работах И.М. Гревса и Н.П. Анциферова. Понятие ценного ландшафта определяется не только историческими событиями, произошедшими на этих местах (в России – битвы: Полтавская, Куликовская, Бородинская, Сталинградская, Курская, Севастопольская оборона), но и памятью художественной (Плес на Волге, связанный с именем Левитана, гора Св. Виктории, памятная работами Сезанна и т. п.)»²²⁵. В этом определении можно увидеть концентрированное выражение сущностной характеристики «памятников истории и культуры».

Наибольший интерес в рамках данного исследования представляет концепция А.М. Кулемзина, в которой он отмечает, что отношение общества к «памятникам истории и культуры» является показателем степени его цивилизованности, просвещенности и духовности²²⁶. Особенность феномена, по мнению этого ученого, состоит в способности «памятника» к сенсорному и к эмоциональному воздействию как на отдельного индивида, так и на целые социальные группы. «В отличие от прочих объектов внешней среды, памятник является носителем социально-культурных ценностей, воспроизводящим ценностные смыслы предметных отношений, формирующих личность»²²⁷. А.М. Кулемзин обращает внимание на то, что «памятник» представляет собой особый род исторического источника, где в равной степени важны и форма, и содержание, так как основным содержанием «недвижимого памятника» является его форма, то есть при утрате формы теряется содержание²²⁸. На основе всестороннего культурологического исследования А.М. Кулемзин предлагает следующее определение изучаемого феномена: «Памятники истории и культуры - это объекты, возникшие в результате исторических событий и явлений или несущие на себе следы их воздействия, являющиеся источниками исторической и эстетической информации прямых подлинных знаний. Они служат целям развития науки, культуры, просвещения, высокой

²²⁵ Лихачёв Д.С. Декларация прав культуры. – С. 638.

²²⁶ Кулемзин А.М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. – С. 30.

²²⁷ Там же. – С. 31.

²²⁸ Кулемзин А.М. Правильное определение предмета памятничноохранительной деятельности – начало ее успеха. – С. 137.

духовности»²²⁹. Это определение опять же не позволяет отделить «памятники истории и культуры» от всех других антропогенных творений и не учитывает того, что «памятник» является специфической формой «культурной ценности». Хотя, как указано выше, именно то, что феномен является «культурной ценностью», позволяет более всего выделить его из ряда других рукотворных материальных объектов.

С точки зрения автора данной книги, наиболее простое и полное определение «культурных ценностей» предложено М.А. Александровой. Так, «к «культурным ценностям» относятся созданные человеком или подвергнутые его целенаправленному воздействию уникальные неодушевленные вещи, способные удовлетворять духовные потребности людей»²³⁰. Уникальность и нетипичность являются сущностной характеристикой любого объекта в сфере «культурных ценностей». Причём сама уникальность может иметь различную природу происхождения. К примеру:

естественную или природную (отдельные экземпляры драгоценных минералов или самородков металлов и др.);

опосредованную человеческой деятельностью (тот же минерал или самородок, обработанный и вставленный в оправу, и прочее);

связанную с деятельностью человека (личные вещи конкретного человека или место его проживания или посаженный им сад и т.д.)²³¹.

Но в основе нетипичности «памятника истории и культуры» лежит свойство «культурной ценности» быть уникальной вещью. Это означает, что она не может быть ещё раз воспроизведена, так как в противном случае она теряет свою уникальность.

Отталкиваясь от определения «культурных ценностей» и учитывая, что «памятники» соотносятся с ценностями как часть и целое (при этом здесь имеется в виду специфическое отношение отдельного феномена культуры к целому культуры, не схожее с механистическим соотношением целого и его частей), автор данного исследования предлагает следующее наиболее общее определение рассматриваемого феномена: ***«памятники истории и культуры» - это созданные человеком или подвергнутые его целенаправленному воздействию уникальные неодушевленные недвижимые материальные «культурные ценности», способные удовлетворять духовные потребности людей.***

В то же время под «культурными ценностями» автор понимает модификацию ранее приведенного определения «ценности», предложенного В.А. Шестаковым²³²: ***«Культурной ценностью» называется определенный культурный объект, который, находясь в обладании частного лица, группы лиц или государства, представляется ценностью для широкого круга***

²²⁹Кулемзин А.М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. – С. 56.

²³⁰Александрова М.А. Гражданско-правовой режим культурных ценностей в Российской Федерации. – С.37.

²³¹Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В. Индивидуальное и родовое в гражданском праве. - М., 2004. - С. 32-34; Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. С.229; Советское гражданское право. / Под ред. О.А. Красавчикова. Т.1. - М., 1985. – С. 181-182.

²³²Шестаков В.А. Формирование понятия «культурные ценности». - С. 87.

субъектов и/или социальных групп (сословий, корпораций, религиозных конфессий, классов, наций, или всего человечества).

Нужно отметить, что современные российские исследователи феномена «памятник истории и культуры» необоснованно игнорируют термин «памятник», при этом используют и фундируют использование термина «наследие»²³³ зачастую даже опуская прилагательное «культурное».

Своеобразным результатом рассмотрения ключевых терминов, относящихся к сфере традирования и сохранения недвижимых «культурных ценностей» стали предложенные выше определения «культурного наследия народов РФ», «культурных ценностей» и «памятника истории и культуры», что позволяет перейти в следующей главе к рассмотрению воздействия феномена на различные социальные группы.

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНАЯ ТОПОЛОГИЯ «ПАМЯТНИКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ»

Топология – это наука, доказавшая, что бублик нельзя превратить в рогалик.
Александр Циткин²³⁴

Понимание феномена «памятник истории и культуры» невозможно без подробного определения его места в современном культурном пространстве, что, в частности, раскрывается в процессе взаимодействия субъектов и объектов культурного процесса. При рассмотрении этого вопроса возникает необходимость выяснения, каким образом происходит номинация «памятника истории и культуры» различными социальными слоями и придание ему этого официального статуса. Формальные стороны этой процедуры, существующей в настоящее время, будут рассмотрены в третьей главе, здесь же рассматривается связанная с этим проблематика через восприятие данного феномена отдельными индивидами. В главе вводится деление «памятников истории и культуры» на три типа: «культовый», «военно-исторический», «гражданский». Такое деление, отличающееся от традиционного перечислительного подхода, связано с тем, что для различных типов «памятников» свойственно различие в их рецепции различными слоями социума. Также важно отметить, что определяющим в восприятии является тип «памятника истории и культуры» как символа сохраняемой традиции того или иного рода и «хранителя» «исторической памяти». Кроме того, в данной главе обосновывается то, что феномен «объект археологического наследия» не тождественен феномену

²³³См. Лисицкий А.В. ЮНЕСКО, Всемирный банк и основы политики в сфере наследия.//Управленческое консультирование. Вып. 4. – СПб, Научно-практический журнал Северо-Западной Академии государственной службы. 2005. – С.105; Об определении понятий «недвижимые культурные ценности» и «недвижимое культурное наследие (достояние)» в правовых актах ЮНЕСКО. – С. 16.

²³⁴Лучшие афоризмы. Афоризмы от Александра Циткина [Электронный ресурс] URL: <http://topaforizm.com/tag/Александр-Циткин/page/24> (дата обращения 15.07.2012). (Циткин Александр Ильич (род.5.11.1948) – ученый специалист в области математической логики, алгебры и теории чисел).

«памятник истории и культуры», и что он является отдельным феноменом культурного наследия.

Номинация «памятника истории и культуры»

Память - это медная доска, покрытая буквами, которые время незаметно сглаживает, если порой не возобновлять их резцом.

Джон Локк²³⁵

Данный параграф посвящен рассмотрению вопросов номинации «памятника истории и культуры» в повседневности, с одной стороны, и на уровне специалистов в области охраны и сохранения наследия, с другой. Такой анализ позволяет установить отличия и сходные черты рецепции «памятника» достаточно «полярными» слоями социума. И выявить ответные рефлексии различных типов реципиентов.

В своем анализе автор данной книги исходит из того, что «памятник истории и культуры» влияет на «коллективную память» и его рецепция приводит к тому, что определенный тип «культурной ценности» номинируется субъектами как «памятник». Так как память человека не является застывшим отпечатком, её изменение возможно под влиянием многих факторов, образующих культурное пространство (Дэвид Ловенталь)²³⁶. Морис Хальбвакс²³⁷ утверждал, что в формировании памяти важной является социальная арена, на которой люди всегда находятся в момент воспоминания. Причём, по его мнению, с которым солидарны и другие исследователи (Элис Коли-Кунц, Эдвард Шилс)²³⁸, социальные процессы влияют не только на персональную память индивида, но и на память, разделяемую социумом. «Коллективная память» является определяющей в формировании идентичности таких социальных групп, как семья, верующие или социальные классы²³⁹.

По мнению автора данного исследования, «памятники истории и культуры» во многих случаях являются источниками такой памяти. При этом справедлива точка зрения Джеймса Янга²⁴⁰, что сообщество может помнить только через индивидов, составляющих его память, и, в этой связи, феномен следует рассматривать не как «коллективную память», а скорее как «собранную память»²⁴¹.

²³⁵Сводная энциклопедия афоризмов. Локк [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/aphorism/2725/Локк> (дата обращения 09.06.2012). (Джон Локк (John Locke; 29.08.1632, Рингтон, Сомерсет – 28.10.1704, Эссекс, Англия) — британский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма).

²³⁶Lowenthal David. The Past is a Foreign Country. – pp. 193-210.

²³⁷Halbwachs Maurice. The Collective Memory (posthumous/prior to 1940). – 186 pp.

²³⁸Kohli-Kunz Alice. Erinnern und Vergessen. – S. 39-42; Shils Edward. Tradition. – London: Faber and Faber, 1981. – p. 50.

²³⁹Halbwachs Maurice. On Collective Memory. Edited, translated and introduced by L.A. Coser. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1992 – 254 pp.

²⁴⁰Young James E. The Texture of Memory. Holocaust, Memorials and Meanings. – New Haven and London: Yale University Press, 1993. – p.XI.

²⁴¹Здесь Янгом используется на английском языке практически игра слов: “collective memory” – коллективная память; “collected memory” – собранная память.

Корнелиус Холторф считает, что «большинство индивидов, какими бы ни были их профессии или жизненные цели, определяя самих себя, опираются на недавнее прошлое одного или двух поколений, например, как сыновья или дочери на своих родителей или как члены конкретного поколения»²⁴². Согласно мнению Питера Бергера и Томаса Лакмана²⁴³, память о прошлом является важным элементом социализации и формирования идентичности.

На местном, региональном, национальном, наднациональном и даже глобальном уровнях «коллективная культурная идентичность» часто связана с наследием отдаленного прошлого и памятными местами (об этом писали, например, такие ученые, как Джон Аткинсон, Поль Грейвс-Браун, Майкл Дайтлер, Микаэль Зигель, Грэхем Кларк, Филипп Коль, Кристиан Кристиенсон, Дэвид Ловенталь, Густав Тротциг, Джонатан Фридман, Рольф Шоркен, Дж. Эшворт²⁴⁴). Прошлое также может играть существенную роль в формировании социальной идентичности людей внутри более мелких групп сообщества (к примеру, родословные различных социальных слоёв).

По определению З. Фрейда, «люди с большой наивностью переживают своё настоящее и не способны оценить его содержание; им сначала надо отойти на какое-то расстояние – иными словами, настоящее должно сделаться прошлым, если хочешь вывести из него отправные точки для определения будущего»²⁴⁵.

Основные позиции представления индивида о «памятнике истории и культуры» закладываются с детства на бытовом уровне, то есть, на уровне повседневности. При этом огромную роль играет не только система воспитания ребёнка, но и место его проживания. Очевидно, что в среднем житель крупного культурного центра и житель отдаленной от него деревни будут иметь различное представление о «памятнике истории и культуры». То есть они на «бессознательном» уровне будут номинировать как «памятник» разные «культурные ценности». Не меньшую роль в России как многонациональной стране играют этнические корни населения и его принадлежность к той или иной конфессии. Причем роль этих факторов различна на различных

²⁴²Holtorf Cornelius. (2000-2008) Monumental Past.

²⁴³Berger Peter L., Luckmann Thomas. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie (Engl. The Social Construction of Reality, 1966). – Frankfurt/M.: Fisher, 1980. – 240 S.

²⁴⁴Ashworth G.J. From History to Heritage - from Heritage to Identity. In Search of Concepts and Models. In: G.J. Ashworth and P.J. Larham (eds). Building a New Heritage. – pp. 13-30; Atkinson John A., Banks Iain and O'Sullivan Jerry (eds). Nationalism and Archaeology. Scottish Archaeological Forum. – Glasgow: Cruithne Press, 1996. – pp. 174 – 199; Clark Grahame. Archaeology and Society. Third revised edition (1957). – London: Methuen & Co, 1960. – 272 pp.; Dietler Michael. A Take of Three Sites: the Monumentalization of Celtic Oppida and the Politics of Collective Memory and Identity. World Archaeology 30, 1998. – pp. 72-89; Friedman Jonathan. The Past in the Future: History and the Politics of Identity. American Anthropologist 94 (4), 1992. – pp. 837-859; Graves-Brown Paul, Jones Sian and Gamble Clive (eds). Cultural Identity and Archaeology. The Construction of European Communities. – London: Routledge, 1996. – 302 pp.; Kohl Philip L. and Clare Fawcett (eds). Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 329 pp.; Kristiansen Kristian «The Strength of the Past and its Great Might». pp.13-28; Lowenthal David. The Past is a Foreign Country. – 516 pp.; Schorcken Rolf. Geschichte in der Alltagswelt: wie uns Geschichte begegnet und was wir mit ihr machen. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1981.; Siegel Michael. Denkmalpflege als öffentliche Aufgabe: eine ökonomische, institutionelle und historische Untersuchung. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1985. – 320 S.; Trotzig Gustaf. Archaeology as Part of the Swedish Support to Developing Countries. Current Swedish Archaeology 3, 1995. – pp. 139-144.

²⁴⁵Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – С. 112.

территориях и будет возрастать по мере удаления от крупных городов (которые в значительной степени нивелируют национальные и религиозные особенности) и приближения к исконным территориям проживания той или иной народности. При этом сам факт того, проживает ли индивид на территории своей «малой родины» или нет, не оказывает такого же сильного влияния на восприятие им культурного наследия, какое способно оказать национально-религиозное воспитание индивида. «Коротко говоря, индивидуальный представитель каждой культурной традиции – результат культурной сборки, культурного монтажа не в меньшей мере, чем окружающая и преобразованная культурой «изначально брутальная» данность внешней реальности»²⁴⁶.

Если говорить о «памятнике истории и культуры» в повседневном понимании, каждый человек представляет себе тот или иной обобщенный образ, который, как правило, является, либо определенной рефлексией, либо какой-либо абстракцией. На формирование данного представления определяющую роль оказывает та среда, в которой индивидуум находился с самого раннего возраста. Если мы говорим о человеке, который живет в деревне, то его первой ассоциацией при слове памятник будет кладбище или могила. При этом церковь или другое общественное здание вряд ли вообще будет восприниматься в роли «памятника истории и культуры». Так как эти здания являются некими общественными символами, вовлеченными в настоящее, их связь с прошлым, в отличие от мест захоронения, которые как бы проводят некую черту между настоящим и прошлым, не очевидна.

Кладбища являются своеобразными точками разрыва временных функций, но тот факт, что разрывность всё время происходит и это явление не одноразовое, оказывает эффект того, что функция не перестаёт существовать, а рождается лишь её прерывность во времени и возрождение на новом уровне. В связи с этим в случае наличия военного мемориала вблизи места проживания или посещенного в рамках уроков краеведения или истории, понятие «памятник» с большой степенью вероятности будет ассоциироваться и с таким объектом. И именно данный объект будет рождать чувство сопричастности к историческому процессу. В случае проживания индивида в городе, где имеется знаменитая монументальная скульптура, «памятник истории и культуры» будет представляться как это произведение искусства – так как в повседневной речи он и будет называться «памятник». Таким образом, можно констатировать, что хотя, несомненно, речь идёт о феномене, имеющем различные проявления, на бытовом уровне восприятие «памятника истории и культуры» будет зависеть от того культурного контекста, в котором находится субъект.

Это принципиальное положение бытовой рецепции данного феномена. При этом большая часть реальных «объектов культурного наследия», относящихся к «памятникам истории и культуры», не воспринимаются на бытовом уровне как таковые.

²⁴⁶Соколов Б.Г. Онтология культурного наследия: Музей в эпоху постмодерна. – С. 81.

Часто в рамках семьи формируются свои ценностные ориентиры, и в рамках сохранения «исторической памяти» возникает определенная традиция, когда «памятником» становится не общекультурная, а глубоко локальная или индивидуальная «культурная ценность». Так, на уровне семьи отдельные объекты могут фетишизироваться до гипертрофированных размеров без всякого на то основания для других субъектов сообщества. Тогда в качестве «памятника истории и культуры» может восприниматься любой объект от старинного самовара или книги до прадедушкиного стакана или спичечного коробка. Более того, специфическим «памятником» могут становиться также одни члены семьи в восприятии других. Это связано в значительной мере с психологией индивида. Как отмечал З. Фрейд, «Малолетний мальчик проявляет особенный интерес к своему отцу. Он хочет сделаться таким и быть таким, как отец, хочет решительно во всем быть на его месте. Можно спокойно сказать: он делает отца своим идеалом»²⁴⁷.

Другим аспектом бытового восприятия «памятников истории и культуры» является неоднородность рецепции национальных и общемировых «культурных ценностей», восприятие последних затруднено из-за несходства культур и необходимости наличия определенного уровня знания для их понимания. Это приводит к тому, что национальные «памятники истории и культуры» другого народа отражаются в сознании как нечто абсолютно абстрактное и не отличающееся от художественной литературы или кинофильма. Это явление схоже с восприятием: «свой – чужой». Распознавание данного образа, трактуемого как «свой», то есть близкого по духу и по внутреннему содержанию, отсутствует. Можно сделать вывод, что, несмотря на то, что каждый индивид даже на первичном или бытовом уровне обязательно знаком с понятием «памятник», это знание носит либо ограниченный, либо поверхностный характер и может рассматриваться лишь как достаточно примитивное отражение немногих явлений, связанных с феноменом «памятник истории и культуры». Это есть результат того, что «идентификационные модели первоначально внедряются через первичную образовательную дрессуру, которую проходит каждый, начиная с первого глотка воздуха вплоть до своего последнего вздоха. В более зрелом возрасте идентификационные процессы действуют уже, в большей мере, через систему целей и ценностей, формирующих ... допустимый облик и наполненность индивида»²⁴⁸.

Уже на этом уровне индивиды объединены в определенное сообщество. Первичное восприятие «памятника», близкое в отдельных случаях к феномену «малой родины», служит объединяющим и национальным началом в мировосприятии. Зачастую именно это первичное понимание своей исторической сущности определяет такие важные этические нормы, как патриотизм и национальное самосознание.

В большинстве случаев, рассматривая понятие «памятник» на бытовом уровне, невозможно его трансформировать в тот феномен, который

²⁴⁷Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». - С. 53.

²⁴⁸Соколов Б.Г. Онтология культурного наследия: Музей в эпоху постмодерна. – С. 81-82.

номинаруется как «памятник истории и культуры», так как обычно это явления разного порядка. Но нельзя отрицать, что уже в повседневности возникает эстетическое восприятие «памятника истории и культуры». Это чувство часто неосознанно и основано не на знании и понимании искусства, а базируется на эмоциональной и интуитивной рецепции.

Как сказал А. Сокуров: «Только в городе, в котором соблюдены национальные традиции, вырастают чистые люди, поколения, дающие надежду, только в таких городах ясная политика, просветлённые умы, которые позволяют обществу развиваться с соблюдением одного-единственного нужного всем нам принципа – эволюционного. По сравнению с сохранением среды обитания деньги ничего не стоят»²⁴⁹.

Важно отметить, что, несмотря на то, что повседневное восприятие можно рассматривать как наиболее простое и неосознанное, именно оно является настолько острым, что в своём крайнем проявлении приводит к социальным взрывам. Попытки разрушить тот или иной «памятник», изменить ансамбль или ландшафт вызывают часто массовые волнения, более значительные, чем повышение цен на товары или нехватка продуктов или даже протест против терактов. «Срабатывают генетическая и событийно-историческая память, призывающая раскрыть несправедливо закрытые страницы нашего прошлого, некогда наполненного идеологической фальшивостью и слащавостью, вернуть вычеркнутые из истории имена»²⁵⁰.

В этой связи чрезвычайно показательным коллективным противостоянием двух точек зрения относительно строительства «Охта центра» в Санкт-Петербурге²⁵¹. Оно подняло огромный пласт различных проблем в разных

²⁴⁹Петрова Е. Александр Сокуров: «Снесённый памятник – стёртая память». Не будет культуры – не будет России // Аргументы и факты Санкт-Петербург. № 33. 2010. 18-24 августа.

²⁵⁰Мальшева Д. С чего начинается Родина? С книги, подвига, детства... Литературная газета. 20.04.2005// [Электронный ресурс] URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=11278> (дата обращения 02.06.2011).

²⁵¹См., в частности: Лиханова Т. Валентина Матвиенко – без бантика // «Новая газета». № 72. 2009. 28 сентября. С. 16-17; Вишневский Б. Держи карман // «Новая газета». № 83. 2009. 9 ноября. С. 17; Его же. Башня накренилась // «Новая газета». № 85. 2009. 16 ноября. С. 20; Его же. А «Охта-центр» - против! // «Новая газета». № 86. 2009. 19 ноября. С. 21; Голубкова М. Башня пришла в движение // Российская газета. №224. 2009. 26 ноября. С. 7; Работнова В. Срочно требуем референдум // «Новая газета». № 88. 2009. 26 ноября. С. 4; Лиханова Т. Петербург: хранить вечно // «Новая газета». № 88. 2009. 26 ноября. С. 20; Вишневский Б. Похороны небоскреба // «Новая газета». № 88. 2009. 26 ноября. С. 21; Яблонский П. Не судить без разбора // Петербургский дневник. № 29. 2010. 2 августа. С. 8; Вишневский Б. «Охта-центр» выше // «Новая газета». № 56. 2010. 5 августа. С. 18; Карманова А. Живой проект живому городу // Петербургский дневник. № 34. 2010. 30 августа. С. 17; Иванов И. Движение на восток // Российская газета. №207. 2010. 15 сентября. С. 27; Кирман Д. Малоохтинское Сити \ Коммерческая недвижимость. № 41. 2010. 20 сентября. С. 10; Семенова Д. Для «Охта центра» изобрели сверхпрочную марку стали // «Петровский курьер». № 33. 2010. 22 сентября. С. 3; Смирнова И. Петербургу необходим свой ориентир // Metro С.-Петербург. 2010. 23 сентября. С. 5; Семенова Д. За «Охта центром» видится будущее // «Петровский курьер». № 36. 2010. 13 октября. С. 3; Работникова В. Медвежья услуга // «Мой район» Петроградский. № 40. 2010. 15 октября. С. 2-3; Семенова Д. Молодые архитекторы равняются на «Охта центр» // «Петровский курьер». № 35. 2010. 6 октября. С. 3; Захаров А. «Охта центр» построят в правовом поле // Петербургский дневник. № 41. 2010. 18 октября. С. 10; «Охта центр»: инновационные технологии проектирования и строительства: Специалисты «Охта центр» отвечают на вопросы петербуржцев // «Мой район» Василеостровский. № 41. 2010. 22 октября. С. 2; Макаров В. Плюсы «Охта центра» перевесят любые минусы // Петербургский дневник. № 42. 2010. 25 октября. С. 8; Семенова Д. Деловой район городу необходим // «Петровский курьер». № 40. 2010. 10 ноября. С. 3; Её же. «Охта центр» построят по закону // «Петровский курьер». № 41. 2010. 17 ноября. С. 3; Смирнова И. «Охта центр» спасет от пробок // Metro С.-Петербург. 2010. 24 ноября. С. 6; Семенова Д. Строительство «Охта центра» не вызовет транспортных проблем // «Петровский курьер». № 42. 2010. 24 ноября. С. 3; Леонидов М. Петербургу нужен современный

сферах культурной, политической и экономической активности, связывающей социум и феномен «памятник истории и культуры». Поразительным является то, что основная борьба развернулась вокруг вопросов связанных с сохранением «культурного наследия», а вовсе не экономических, то есть не того, что этот проект являлся обычной финансовой аферой по перекачиванию бюджетных средств в карманы отдельных индивидуумов. Это противостояние, закончившееся победой берегающей наследие традиции, ещё раз подчеркнуло справедливость выводов Гюстава Лебона: «В психологической массе самое странное следующее: какого бы рода ни были составляющие ее индивиды, какими схожими или несхожими ни были бы их образ жизни, занятие, их характер и степень интеллигентности, но одним только фактом своего превращения в массу они приобретают коллективную душу, в силу которой они совсем иначе чувствуют, думают и поступают, чем каждый из них в отдельности чувствовал, думал и поступал бы. Есть идеи и чувства, которые проявляются или превращаются в действие только у индивидов, соединенных в массы. Психологическая масса есть провизорное существо, которое состоит из гетерогенных элементов, на мгновение соединившихся, точно так же как клетки организма своим соединением создают новое существо с качествами совсем иными, чем качество отдельных клеток»²⁵².

Учитывая, что в действиях массы преобладает «бессознательное», иногда направляемое лидерами, иногда бессистемное, подобное броуновскому движению, нельзя рассматривать массу как мерило позитивного или негативного. Масса в значительной степени есть выражение сиюминутного культурного контекста. Эта идея очень точно изложена З. Фрейдом: «Масса импульсивна, изменчива и возбудима. Ею почти исключительно руководит бессознательное. Импульсы, которым повинуетя масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всех случаях они столь повелительны, что не дают проявляться не только личному интересу, но даже инстинкту самосохранения. Ничто у неё не бывает преднамеренным. Если она и страстно желает чего-нибудь, то всегда ненадолго, она неспособна к постоянству воли. Она не выносит отсрочки между желанием и осуществлением желаемого. Она чувствует себя всемогущей, у индивида в массе исчезает понятие невозможного»²⁵³.

Сложившееся в результате острейшей дискуссии, и, тем не менее, проистекающее из повседневности, массовое движение по запрету строительства небоскреба в районе устья р. Охта, переросло себя. В результате

Сити // Петербургский дневник. № 47. 2010. 29 ноября. С. 10; Смирнова И. На востоке города растет Сити // Metro С.-Петербург. 2010. 29 ноября. С. 4; Семенова Д. Строительство Сити начнется с дорог // «Петровский курьер». № 43. 2010. 1 декабря. С. 3; Борисова Г. Деловой сити с восточным уклоном // «Деловой Петербург». № 203. 2010. 9 декабря. С. 12-11; Ширшов М. Мыс для небоскреба // Российская газета. № 279. 2010. 9 декабря. С. 13; Смирнова И. Новую «Охту» показали // Metro С.-Петербург. 2011. 16 марта. С. 4; Вишневецкий Б. Нагою стая при море // «Новая газета». № 16. 2011. 14 марта. С. 13; Его же. Вернуть историю назад // «Новая газета». № 19. 2011. 24 марта. С. 16.

²⁵²Цит. По кн.: Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – С. 11.

²⁵³Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – С. 17-18.

оно превратилось в практически постоянно действующий неформальный коллектив, озабоченный решением проблем других «объектов культурного наследия» и сохранением исторического ландшафта города²⁵⁴. При этом, хотя позиция автора данной книги полностью совпадает с позицией, высказываемой сторонниками сохранения «памятников истории и культуры», всегда надо помнить вывод З. Фрейда о массе. «Будучи в основе своей вполне консервативной, она испытывает глубокое отвращение ко всем новшествам и прогрессу и безграничное благоговение перед традицией»²⁵⁵.

Ярким примером неоднозначности суждений масс явилась критика парижанами строительства Эйфелевой башни в Париже. На страницах прессы общество всячески порицало это начинание, которое в последствие стало наряду с Нотр-Дам де Пари символом города и страны в целом. В то же время аналогичная критика по поводу строительства Тур де Монпарнас, была признана справедливой, и в дальнейшем законодательство Парижа было изменено таким образом, чтобы впредь архитектурные ошибки подобного рода были невозможны.

Таким образом, восприятие «памятников истории и культуры» на бытовом, почти «бессознательном уровне» является цементирующей основой не только идентичности отдельного индивида, но и «коллективной (массовой) идентичности», которая в силу присущих ей свойств является важным элементом сбережения культурной традиции и всех достижений цивилизации.

Другим не менее важным выводом является то, что феномен «памятник истории и культуры» в современном обществе оказывает огромное социальное влияние, приводящее к объединению людей во временные неформальные сообщества, которые отстаивают свои права на собственную идентичность и противостоят навязываемой им официальной версии сохранения культурных традиций.

Всё это подтверждает, что многие механизмы повседневных практик

²⁵⁴См., к примеру: Лиханова Т. Руины памятников удобряют всходы многоэтажек // «Новая газета». № 83. 2009. 9 ноября. С. 20; Вишневецкий Б. Зеленый геноцид // «Новая газета». № 85. 2009. 16 ноября. С. 21; Памятник архитектуры едва не снесли // Московский комсомолец в Питере. 2010. 24 февраля. С. 6; Лиханова Т. Лопухинский сад – зоны поражений и побед // «Новая газета». № 18. 2010. 15 марта. С. 6; Ратников Д. Нам говорят, что это хорошо // Санкт-Петербургские ведомости. № 48. 2010. 22 марта. С. 2; Телехов М. Какая связь между «Стокманном» и Карлом Буллой? // Вечерний Петербург. 2010. 24 марта. С.2; Шкуренок Н. Парадные руины // «Новая газета». № 25. 2010. 8 апреля. С. 19; Лиханова Т. Десять человек на «сундук» РВБ // «Новая газета». № 32. 2010. 6 мая. С. 19; Бибишева Ю. Всё выше и выше... // Вечерний Петербург. 2010. 11 мая. С.4; Топор как элемент правового государства // Голос Санкт-Петербурга. 2010. Июль. С. 1, 4, 5; Записки кота Заксика. Истории из моей жизни. История четвертая. Про кошачьи прогулки и зеленые насаждения // Голос Санкт-Петербурга. 2010. Июль. С. 4; Дембельский аккорд ЗакСа // Голос Санкт-Петербурга. 2010. Июль. С. 4-5; Будем оспаривать в суде!.. // Голос Санкт-Петербурга. 2010. Июль. С. 4-5; Торг открыт // Голос Санкт-Петербурга. 2010. Июль. С. 5; К чему приведут «благие намерения» // Голос Санкт-Петербурга. 2010. Июль. С. 5; Ратников Д. Озеро из пробирки застройщика // Санкт-Петербургские ведомости. № 147. 2010. 10 августа. С. 2; Загвоздина И. Ещё один старый дом ждет гибель // Metro С.-Петербург. 2011. 17 января. С. 7; Вишневецкий Б. Высотки на месте «Зенита» не будет // «Новая газета». № 74. 2010. 7 октября. С. 12; Орешкина Д. Исчезающий Невский // Невское время. 2011. 11 января. С. 3; Горбунова И. Особняк на Невском, 68 сохранят по максимуму // Metro С.-Петербург. 2011. 17 января. С. 7; Вишневецкий Б. Нагою стать при море // «Новая газета». № 16. 2011. 14 марта. С. 13; Смирнова И. Деловой центр в Лахте может вырасти // Metro С.-Петербург. 2011. 8 июня. С. 4; Опять 500 // Мой район. Острова (Василеостровский и Петроградский районы). № 31. 2011. 19 августа. С.4.

²⁵⁵Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – С. 19.

протекают в режиме «бессознательных» действий или оснований действий. Многие из них являются результатом неосознанных и «инстинктивно» повторяемых императивов. Чаще всего способ традирования этих форм и механизмов – простая дрессура. Причем дрессура, не ограничивающаяся периодами социализации или инкультурации, которые проходит каждый индивид в детстве, но расширяющаяся на всю сознательную жизнь человека. Это – так называемые «общие места» и «народная мудрость», не всегда знающая, почему нужно то или иное действие, но безапелляционно предписывающая его осуществлять.

Рассмотрев рецепцию «памятников истории и культуры» в повседневности, необходимо рассмотреть их рецепцию той группой, которой общество в настоящий момент доверяет не только определение политики в области сохранения и трансляции наследия, но и фактически является тем субъектом, который определяет то, что получает статус феномена «памятник истории и культуры», а что нет. При этом имеет место рассмотрение данного явления не статически, а в реальном масштабе времени, в котором одни и те же личности могут изменять свои позиции, восприятие и влияние, что может приводить к широкому спектру результирующих реализаций. В большой степени анализ показывает противоречивость, неоднозначность и субъективность решений, соответствующих каждому текущему моменту и каждой ситуации, разворачивающейся в сиюминутном противоречивом дрейфе культуры. Тем не менее, отчетливо прослеживается превалирование консервативных тенденций, фиксирующих позицию наследования в противовес бездуховности и оторванности от времени и пространства, типичным для тех слоев современного общества, которые не принадлежат элите.

Здесь имеется в виду совершенно особая немногочисленная группа, состоящая из специалистов в области «объектов культурного наследия». Эта группа неоднородна, но в силу исполняемых ей функций в обществе она формирует или навязывает индивидам в данный конкретный момент времени понимание и восприятие феномена «памятник истории и культуры», с одной стороны, и определяет необходимость его физического сохранения или разрушения или даже уничтожения, с другой. Иными словами, эта группа субъектов, несмотря на всю свою внутреннюю неоднородность, является совместно «создающей» сам феномен «памятника», так как именно она номинирует объект на внесение в «реестр памятников истории и культуры».

Относительно «памятника» автор данного исследования считает, что справедливо суждение А. Бурдена по поводу наследия. «Этот путь ведет к изучению трех значимых типов субъектов и их суждений. Во-первых, это управленцы-организаторы, занимающиеся упорядочением определения наследия; во-вторых, интеллектуальные и художественные авторитеты, по возможности, работающие в определенных научных учреждениях и вырабатывающие мнения, которые позволяют квалифицировать наследие. Наконец, в-третьих, индивидуальные эксперты и личности, то есть население,

которое само производит наследие, придавая ценность поселениям»²⁵⁶. При этом надо учитывать, что представители этой группы выражают интересы социальных институтов, связанных с культурой. Эти социальные институты, – а почти любая деятельность индивидов стремится «застыть» в институализированной форме – обладают собственными механизмами сбережения, подчас воспринимаемыми как косность, неэффективность, традиционализм, как стремление к самосохранению любой ценой, даже если сам институт вступает в противоречие со своими эксплицитно декларируемыми целями и задачами. Но, тем не менее, именно они, в силу инерции социальных процессов, выступают «хранителями» традиции в периоды смены общественных формаций.

С точки зрения автора данной книги, группу специалистов можно разделить как минимум на следующие составляющие: архитекторов, историков, археологов, искусствоведов, экспертов по «объектам культурного наследия», реставраторов, преподавателей, ученых-культурологов и философов, законодателей и бюрократов, которые исполняют законодательство об «объектах культурного наследия». В связи с тем, что у специалистов в силу разнообразия их деятельности возникают различные отношения по поводу «памятников», в том числе и экономические, у них формируется и различное восприятие «памятников истории и культуры».

Несомненный интерес представляет мотивация восприятия «памятников истории и культуры» каждой из этих групп.

Архитекторы являются последователями того искусства и технологии строительства, которые заключены в большинстве «объектов культурного наследия». Характерным для этой социальной группы является профессиональное знание и понимание предмета, основанное как на приобретенных знаниях, так и на собственной практике. В то же время в данной группе преобладает глубоко индивидуальное восприятие «памятников», основанное на предпочтениях того или иного автора, той или иной культуры, того или иного стиля²⁵⁷. При этом глубина и специфика восприятия в сильной степени связана с направленностью архитектурной деятельности субъекта. Можно выделить две группы архитекторов: те, которые занимаются архитектурой в целом, и те, которые специализируются на «объектах культурного наследия». Первая группа имеет достаточно поверхностные знания о «памятниках», но воспринимает их широкий пласт, как правило, не имея представления об организации системы сохранения и «охраны объектов культурного наследия», а воспринимая их с эстетической стороны, и понимая, в отличие от не специалистов, гармонию конструктивных и пространственных решений. Для второй группы «памятники истории и культуры» являются объектом их профессиональной деятельности, что приводит к довольно узкой специализации на отдельных типах зодчества, таких, как промышленная

²⁵⁶Бурден А. Культурное наследие и экономика // Исторические города и села в период модернизации. (Междунар. коллект. монография). – Ч. 2. – М.: РИК, 2000. – С. 194.

²⁵⁷См., в частности: Волкова Т. Каждый новый этап – это новый вызов // Петербургский дневник. № 29. 2 августа. С. 7.

архитектура, деревянное зодчество, культовая архитектура, усадьбы и т.д., или же на стилях – модерн, барокко, конструктивизм и других, или даже на отдельных архитекторах. Это, неминуемо, приводит к противопоставлению в сознании архитектора того типа «памятников», которые являются его специализацией, почти всегда глубоко любимого и понимаемого, со всеми другими типами «памятников». Такая ситуация является наиболее специфической и типичной в восприятии «памятников» не только архитекторами, но и многими другими специалистами.

Особое место среди архитекторов занимают главные архитекторы населенных пунктов. Их предпочтения, добросовестность, честность и принципиальность, наряду со знанием и правильным пониманием нормативной базы по сохранению «памятников истории и культуры» позволяют либо сохранить наследие, либо его уничтожить, причём тенденции разрушения исторических ансамблей во имя увековечения собственных амбиций являются частым проявлением деятельности архитекторов, дошедших до бюрократических высот²⁵⁸.

Историки являются специалистами совсем другого рода, для которых «памятники» являются метками в историческом прошлом. Их восприятие основано на значимости того или иного «объекта культурного наследия» с точки зрения исторических событий либо исторических личностей. В то же время, в отличие от религиозного восприятия, их могут в значительной степени волновать различные мемориалы или памятники, посвященные событиям, но созданные как символы значительно позже. Характерным является почти полное отсутствие восприятия конструктивных и пространственных решений, рецепция сводится к обычному эстетическому восприятию. Предпочтение отдаётся «памятникам», которые относятся к тем пластам истории, которые им наиболее знакомы в силу профессиональной деятельности. Важным является и тот фактор, что историк воспринимает «памятник» не как отдельный феномен, а как элемент культуры в историческом контексте.

В отдельную группу имеет смысл выделить археологов, так как, с одной стороны, они являются историками, а, с другой, представляют собой обособленное сообщество, которое, в первую очередь, воспринимает те «объекты культурного наследия», которые являются «археологическими памятниками». Так как сообщество археологов очень малочисленно, и каждый археолог специализируется на каком-то отрезке времени или какой-то культуре, первостепенное значение отдаётся «памятникам», входящим в зону их профессиональных интересов. Происходит мысленное слияние или ассоциирование себя именно с этой культурой, так как, проводя раскопки, они заново открывают для мира то, что было давно утрачено. То есть возникает ощущение, что это создано именно данным археологом и благодаря ему, хотя на самом деле это и не так. Относительно «памятников археологии», не входящих в интересы конкретного археолога, восприятие становится более

²⁵⁸См., например: Лиханова Т. Главный архитектор поражен бациллами // «Новая газета». № 58. 2010. 12 августа. С.18-19.

нейтральным. Остальные «объекты культурного наследия», не связанные с археологией, воспринимаются археологами так же, как историками, в значительной степени с эстетической точки зрения, что характерно для большинства образованных людей.

Особо выделяются искусствоведы, которые специализируются на той или иной группе «памятников истории и культуры», определяемой по предметному, авторскому, утилитарному, территориальному или другим принципам, и во многих случаях посвящают свои работы созданию определенной иерархии в ценности этих «памятников» для общества. Ими проводятся фундаментальные исследования архивных материалов и самих «объектов культурного наследия», и создаётся знание, передаваемое другим специалистам для работы и бюрократам для принятия решений (в частности, таких важных, как определение статуса объекта).

Однако в отдельных случаях они рождают некую стройную теорию вокруг конкретных «памятников истории и культуры» или их создателей, которая может существовать иногда длительные периоды времени, признаваться истинной, но при глубоком реставрационном внедрении в объект оказывается мифом, требующим пересмотра.

Примерами такой мифологии являлось устойчивое мнение, что до наших дней особняк Лобанова-Ростовского дошёл в том виде, в каком его построил архитектор Огюст де Монферран. Однако, при снятии штукатурного слоя даже с главного фасада, оказалась видна перекладка кирпичной кладки минимум в три различные периода с изменением конфигурации оконных и дверных проемов и изменением их формы от арочных до прямоугольных. Знаменитая входная группа внутри того же здания оказалась более поздней, относящейся к временам, когда там располагалось Военное министерство, с присущей ему атрибутикой, а дубовый тамбур входных дверей в тоже помещение был построен ещё лет на 60 позже. Аналогичная ситуация сложилась и вокруг формы крыши и цвета стен Успенского собора Валдайского Иверского Богородицкого Святоозерского монастыря. Всеми искусствоведами утверждалось, что цвет его был белый, а форма крыши щипковая. В результате реставрационных работ было однозначно установлено, что первоначальный цвет был желтый, а форма крыши закомарная. Таких примеров можно приводить множество.

Искусствоведы очень лично воспринимают именно те «памятники истории и культуры», которые входят в сферу их профессионального интереса. Что касается остальных «объектов культурного наследия», не входящих в зону особого внимания того или иного искусствоведа, его отношение может быть как нейтрально эстетическим, так и ревностным (в смысле не принятия того или иного течения в искусстве или не признания той или иной художественной школы). Тогда одни искусствоведы создают мифологию, а другие её развенчивают.

Тем не менее, нельзя преувеличивать значение этих отдельных ошибок, присущих любой глубоко профессиональной деятельности человека. И надо

признать, что искусствоведы играют огромную роль в формировании как самого феномена «памятник истории и культуры», так и его признанного физического облика. Именно материалы их работ используют другие специалисты, такие, как эксперты, архитекторы и реставраторы (на начальном этапе исследований объекта), законодатели и бюрократы, которые исполняют законодательство об «объектах культурного наследия».

Совершенно особую роль в обществе играют эксперты по «объектам культурного наследия», а точнее «эксперты по проведению государственной историко-культурной экспертизы». В каждый текущий момент времени общество или государство доверяют небольшой группе людей определять, в конечном счёте, что является «объектом культурного наследия», а что нет²⁵⁹. Эти люди воспринимают себя в достаточно высокой степени вершителями судеб «памятников». Они воспринимают «объекты культурного наследия», с одной стороны, как своё детище, с другой, они действуют как каратели, которые принимают решение об уничтожении «памятников». В конкретные исторические периоды решающую роль в рецепции ими «памятников» играют их собственные вкусы и предпочтения, и так как они изначально принадлежат к одной из групп специалистов, то превалирующим является то восприятие, которое характерно для данной группы. Однако эксперты также находятся под давлением идеологического подхода к «памятникам», когда государство требует использовать «объекты культурного наследия» для реализации тех или иных целей, причём один и тот же объект может быть использован как тезис в один период и как антитезис в другой. В таких условиях идеологическая составляющая начинает оказывать подавляющее влияние на восприятие эксперта, чему способствует бюрократия путем создания ауры уникальности и непогрешимости самого эксперта, либо же путем эксплуатации идеи «высшей цели», обосновывающей требуемое решение. Через довольно короткий промежуток времени эксперт начинает считать себя неким «мессией» в данной области, при этом он не ощущает, что его собственное мнение уже видоизменилось и находится полностью под влиянием господствующей идеологии. Таким образом, история создания феномена «памятник истории и культуры», в смысле каждого отдельного объекта, создающего целое, является некой результирующей сложного процесса изменения восприятия «объектов культурного наследия» экспертами. Так как именно они в реальности формируют реестр, запись в который и является созданием феномена «памятник истории и культуры» в правовом поле. То есть запись, а не сам реально существующий объект является тем, что придаёт статус данному феномену.

Реставраторы являются той группой специалистов, которые имеют непосредственный контакт с «памятником». Они восстанавливают то, что утрачено, тщательно оберегая то, что сохранилось. Они являются творцами особого рода. С одной стороны, «памятник» для них воспринимается как

²⁵⁹См., например: Репина А. Охранную зону в центре урежут? // Вечерний Петербург. № 185. 2010. 13 октября. С. 2.

повседневность, ежедневный рутинный труд, с другой, они вновь создают его, зачастую из руин, что рождает чувство созидателя. Работа на «памятнике» вызывает чувство глубокого переживания сопричастности ко времени его создания и в то же время чувство гордости за собственный талант и возможность творить так же, как его первоначальные авторы. Для реставратора, как и для архитектора, восприятие «памятника» формируется не только на эстетическом уровне, но и на профессиональном, когда он параллельно представляет себе технику и технологию работ по созданию произведения искусства и его элементов²⁶⁰. Такой дуализм не приводит к конфликту в сознании, а лишь повышает остроту восприятия и понимания «памятника». И ещё возникает чувство сопричастности к процессу соединения прошлого, знакомого ближе, чем другим, с настоящим и будущим, так как чем качественнее будет выполнена реставрационная работа, тем дольше будет существовать «памятник» без новой реставрации.

Довольно большую группу специалистов представляют собой преподаватели. Эта группа включает в себя широкий слой образованных людей, начиная с учителей в сельских школах, и кончая профессорами в академиях изящных искусств. Часть преподавателей имеет узкую специализированную подготовку по искусствоведению, архитектуре или даже в редких случаях по «объектам культурного наследия». Основную же массу составляют преподаватели рисования или изобразительных искусств, истории и краеведения. Естественно, в основе их восприятия лежит восприятие «памятников» на бытовом и эстетическом уровне. Однако, в силу своей профессии они знакомы не просто с отдельными «объектами культурного наследия», а с множеством различных, относящихся к разновременным культурам множества стран мира, с одной стороны, и с «памятниками» малой родины (объектами исследования краеведов), с другой. Такой разносторонний подход формирует достаточно глубокое эмоциональное восприятие «памятников истории и культуры», которое в большой степени они передают своим ученикам, тем самым формируя их рецепцию «объектов культурного наследия», выходящую далеко за рамки повседневности. Естественно, у специалистов этой группы приоритеты формируются в зависимости от их собственных предпочтений, образования и специализации. Их роль в обществе огромна, но в то же время они не формируют «реестр памятников» и, таким образом, они могут создать определенную эстетическую модель у своих учеников, но не могут повлиять в реальном масштабе времени на создание того или иного феномена «памятника истории и культуры». Восприятие, сформированное ими в своих учениках, творчески переработанное самими учениками, раньше или позже окажет влияние на формирование феномена «памятник» через тех субъектов, которые окажутся в тех группах, которые формируют как понятие феномена, так и сам факт отнесения объектов к «памятникам истории и культуры». Следовательно, они оказывают существенное влияние на социум, но не в настоящем, а в будущем.

²⁶⁰См., в частности: Цыганов Н. Не для путеводителя // Литературная газета. № 29. 2011. 20-26 июля. С. 8.

Небольшую, но очень важную группу в обществе представляют ученые-философы и культурологи, а также теоретики юриспруденции, предметом исследования которых являются «памятники истории и культуры» и в целом «культурные ценности». В момент смены формаций именно они формируют представление о феномене и его восприятие обществом. В те промежутки времени, когда существует устойчивое законодательство, эта группа специалистов продолжает вести исследования, которые выносятся на обсуждение в общество в периоды нестабильности и смены законов. В силу своих профессиональных интересов они имеют глубокое знание о феномене «памятник истории и культуры», собственное восприятие этого феномена и оказывают влияние на то, каким образом феномен формализуется в законодательных актах, в определениях и в общественном сознании как результат определенного общественного согласия по поводу различных мнений и формулировок специалистов. Это явление носит характер процесса, а не одномоментного события, причём процесс, носящего прерывистый характер, с периодической сменой не только определения сущности феномена, но в отдельных случаях и самой концепции его определения в пространстве и во времени.

Особое место играет роль восприятия «памятников истории и культуры» законодателями. Так как законодатели почти никогда не являются узкими специалистами в области культурного наследия, а рассматривают весь круг создания законодательства о культуре, их восприятие носит бытовой, эстетический и профессиональный характер. В связи с этим определяющую роль играет их умение прислушиваться к мнению экспертов, архитекторов, искусствоведов, археологов, культурологов и философов, которые не могут полностью изменить их восприятие, но оказывают серьезное влияние на углубление понимания и изменение восприятия феномена «памятник истории и культуры» в том или ином направлении.

На самом деле, результирующий консенсус перечисленных специалистов и законодателей и формирует определение данного феномена на длительный период времени и его восприятие большей частью общества на сознательном уровне. На бессознательном уровне восприятие «памятника» остаётся глубоко индивидуальным, тем не менее, связанным с восприятием, формируемом на сознательном уровне. То, насколько часто законодательство о культурном наследии модифицируется, свидетельствует о том, сколь большую роль «памятники истории и культуры» играют в развитии современного общества, являясь теми звеньями, через которые происходит соединение прошлого, настоящего и конструируемого будущего.

И, наконец, последняя, но очень важная группа - бюрократы, которые, с одной стороны, исполняют существующее на настоящий момент законодательство об «объектах культурного наследия», с другой, обеспечивают непрерывность сохранения «памятников» в периоды социальных возмущений и смены общественных формаций²⁶¹. То есть их роль в обществе можно назвать

²⁶¹См., в частности: Шигарева Ю. Кнотом культуру не спасти! // Аргументы и факты. № 10. 2010. С. 54.

ролью «хранителей». Это вызывает серьезную критику их действий, когда они становятся малоэффективными и, соответственно, они часто являются объектами как заслуженной, так и не заслуженной критики²⁶². Функция «хранителей» оказывает сильное влияние на их собственное восприятие данного феномена. Их осознание «памятников», зачастую сформированное искусствоведами, архитекторами, историками, экспертами, археологами и другими специалистами, дополняется чувством персональной ответственности за сохранение «объектов культурного наследия». Причём это не общетеоретическое сохранение всех «памятников истории и культуры», а сбережение именно той группы объектов, за которую они несут ответственность²⁶³. Происходит слияние эстетического восприятия, глубокого знания и понимания феномена «памятник» и физического чувства сопричастности к его сохранению.

При описании восприятия «памятников» специалистами, речь шла о предельных проявлениях, в реальности имеются более сложные конструкции, когда один и тот же индивид может являться одновременно, к примеру, и архитектором, и искусствоведом, и историком, и бюрократом. Особо стоит подчеркнуть то, что группа специалистов в области сохранения наследия является той, которой общество официально доверяет судьбу «памятников истории и культуры». Но как уже подчёркивалось, это доверие не является абсолютом и находится под пристальным контролем «коллективной идентичности» повседневности, которая может активизироваться, испытывая чувство несоответствия действий бюрократии с «исторической культурой», и как описано выше, оказывать существенное или определяющее давление на группу специалистов.

Памятники «культового», «военно-исторического» и «гражданского» типов

При этом я обратил внимание на кажущийся парадоксальный факт, что именно некоторые из великолепнейших, потрясающих творений и остаются темными для нашего сознания. Они вызывают восхищение, перед ними чувствуешь себя поверженными, при этом не ведаешь, в чем же состоит их притягательная сила

Зигмунд Фрейд²⁶⁴

В этом разделе, исходя из анализа того, как происходит номинация «памятника истории и культуры» предлагается его типология. Такое подразделение феномена на типы, с точки зрения автора данной работы,

²⁶²См., например: Лиханова Т. Последний градостроитель // «Новая газета». № 89. 2009. 30 ноября. С. 18; Её же. Злые люди // «Новая газета». № 26. 2010. 12 апреля. С. 18-19.

²⁶³См., в частности: Лиханова Т. Плюс пять для исторического центра // «Новая газета». № 16. 2011. 14 марта. С. 15.

²⁶⁴Фрейд З. «Моисей» Микеланджело. – С. 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.litres.ru/zigmund-freйд/moisey-mikelandzhelo/> (дата обращения 02.03.2012). (Эссе «Моисей» Микеланджело было написано З. Фрейдом в 1914 г.).

соответствует процедуре номинации их в социуме и особенностям различия в их рецепции индивидом. При этом существенным является не только выделение «культового», «военно-исторического» и «гражданского» типов и придания им соответствующего статуса, но и анализ не тождественности восприятию каждого из этих типов различными социальными группами.

«Памятники культового типа» образуют одну из самых древних и массовых групп «памятников» и, таким образом, анализ их специфики является одним из центральных в понимании феномена «памятник истории и культуры». К «памятникам культового типа» относятся «памятники» религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни, костелы, кирхи, мечети, буддистские храмы, пагоды, синагоги, молельные дома и другие объекты, специально предназначенные для богослужений; мавзолеи, храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья, некрополи, места совершения религиозных обрядов, пирамиды древние кладбища, могильники, могилы, древние надгробные сооружения, дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы, курганы, мемориальные дома и квартиры, где проживали иерархи или святые и т.д. Этот список является далеко не исчерпывающим, но отражающим то, что понятие «культовый тип памятника» значительно шире, чем понятие «религиозный тип».

При этом необходимо отметить, что совершенно специфической и в то же время одной из наиболее распространенной форм «памятников истории и культуры» является «памятник «религиозного типа». «Религиозные откровения и мистический опыт, а также практики погребения и отношения с умершими – одни из самых древнейших культурных практик, подчас предопределяющих остальные компоненты культуры как таковой. Именно они подлежат сохранению, в первую очередь, в традиционных культурах, создающих подкрепляющие эти практики механизмы ритуализации, традирования и сбережения»²⁶⁵.

За тысячелетия человеческой истории было создано огромное количество храмов и других культовых построек, которые, несмотря на разрушения в результате атеистической деятельности и борьбы различных религиозных направлений, сохранились в изобилии по всему миру. «Религиозный памятник» является частным проявлением религиозного имущества. В современной трактовке имущество религиозного назначения включает недвижимое имущество: «помещения, здания, строения, сооружения, включая объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации, монастырские, храмовые и иные культовые комплексы, построенные для осуществления и (или) обеспечения таких видов деятельности религиозных организаций, как богослужения, молитвенные и религиозные собрания, других религиозных обрядов и церемоний; обучения религии, профессионального религиозного образования; монашеской жизнедеятельности; религиозного почитания (паломничества), включая здания для временного проживания паломников; помещения в не относящихся к

²⁶⁵Соколов Б.Г. Онтология культурного наследия: Музей в эпоху постмодерна. – С. 86.

имуществу религиозного назначения зданиях, строениях, сооружениях, предназначенных либо предназначавшихся для совершения и обеспечения указанных видов деятельности религиозных организаций, а также движимое имущество религиозного назначения (предметы внутреннего убранства культовых зданий и сооружений или предметы, предназначенные для богослужбных и иных религиозных целей)»²⁶⁶.

Особенности религиозной рецепции «памятников» в основном имеют отношение к культовым и ритуальным объектам, хотя нельзя не признать, что восприятие светских «памятников» также преломляется через призму верований. «Памятники истории и культуры культового типа» в восприятии верующего человека имеют ряд существенных отличий от «гражданских» и «военных» типов «памятников». В первую очередь, это то, что различные культовые сооружения могут иметь свою значимость, определяемую не их историческим возрастом, не фактом сотворения их величайшими художниками, архитекторами и скульптурами, а их местом в сакральном пространстве, их непосредственной связью с чудодейственными иконами или житием определенного святого или апостола или того, кому поклоняется субъект. Кроме того, «храм» может являться усыпальницей святого, и тогда его религиозное значение возрастает ещё больше, поскольку в роли «религиозного алиби» выступают ещё и мощи подвижника церкви, как правило, чудотворные. Другим важным элементом, определяющим ценность «памятника культового типа», является «намоленность» - этот термин определяет то, насколько востребован был «памятник» и сколько людей отдали ему свою энергию, в равной степени это относится к иконам и другим образам, представленным в «храме».

Русский мыслитель Н.Ф. Федоров говорил: «Храм вообще есть подобие вселенной, значительно низшее своего оригинала в действительности, но несравненно высшее его по смыслу. Смысл же храма заключается в том, что он есть проект вселенной, в которой оживлено все то, что в оригинале умерщвлено, и где все оживленное стало сознанием и управлением существа, бывшего слепым»²⁶⁷.

В дореволюционной России много внимания уделялось вопросам изучения и сохранения именно «памятников религиозной культуры». На II Археологическом съезде в Петербурге в 1871 г. был рассмотрен проект образования церковно-археологических музеев при Духовных академиях. Предлагалось «в целях сохранения и изучения памятников религиозной культуры организовывать при Духовных академиях церковно-археологические музеи, формируя коллекции за счет вышедших из употребления предметов, хранящихся в ризницах, подвалах, чердаках, сараях при церквях и

²⁶⁶Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» //Российская газета, № 5353 от 3 декабря 2010 г.

²⁶⁷Федоров Н.Ф. Как может быть разрешено противоречие между наукой и искусством? Сочинения в 4-четырёх книгах. Кн. 2. - М, Прогресс, 1995. – С. 236.

монастырях»²⁶⁸.

Создание таких музеев в Царской России послужило делу сохранения огромного количества культурных ценностей, которые в противном случае были бы просто утрачены.

Долгое время в советской культурной традиции в «памятниках культового типа» признавались лишь архитектурные достоинства, художественная отделка и предметы декоративно-прикладного искусства, ценность которых определялась величиим мастера или временем создания. Такой подход для верующих являлся и является кощунственным. Поэтому до сих пор имеет место противостояние между церковью и музеями как за право обладания культовыми постройками, так и за внутреннюю утварь, включая живопись и иконы, то есть за культурные, но одновременно и сакральные ценности. В этой связи более чем уместно процитировать архиепископа Михаила (Мудьюгина): «Интерес к произведениям церковного искусства и вообще религиозного (в данном случае христианского), проявляемый в течение последних лет все более широкими кругами, нередко приводит к выхолащиванию его идейно-религиозного содержания, к подмене религиозно-дидактического и религиозно-эмоционального воздействия чисто эстетическим. Многие, слушая церковные песнопения, созерцая творения церковной архитектуры, живописи, скульптуры (скульптура на Западе занимает в религиозном искусстве не менее значительное место, чем живопись) испытывают, или, по крайней мере, предвзято считают целесообразным испытывать только эстетические переживания. Крайняя степень такого одностороннего, обедненного восприятия объектов религиозного искусства практикуется при перемещении их из храмов в концертные и музейные залы, но и храмы многими посещаются не с целью молитвы и восприятия Слова Божьего, а для любования иконами и наслаждения песнопениями, на Востоке только хорowymi, а на Западе также с инструментальным сопровождением. Происходит подмена религиозного переживания эстетическим. Связанная с этим опасность очевидна!»²⁶⁹

В этом споре светского и религиозного бытия сомнительным является заявление, что церковь не может обеспечить сохранение и «охрану памятников» и «культурных ценностей» на требуемом для этого уровне. Аргумент, по мнению автора данного исследования, спорный, так как именно церковь смогла в течение многих столетий сберечь от разрушения то, что в 1917 г. и позже было разграблено и во многом уничтожено как «не представляющее культурной и исторической ценности». Одним из вопиющих примеров такого разграбления является «Собор во имя первоверховных апостолов Петра и Павла» в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга. Это знаменитое во всём мире здание, где захоронены почти все члены российской императорской фамилии, по сути дела, в настоящее время является «муляжом»,

²⁶⁸ Дементьева Ю.М. Материалы Археологических съездов (1869-1914) как источник по истории музейного дела России. // Известия Российского Государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради № 37 (80). – СПб., 2008. – С. 74.

²⁶⁹ Михаил (Мудьюгин), архиепископ. Введение в основное богословие. – М. Издательство Библиейско-Богословского института святого апостола Андрея, 1995. – С. 223.

то есть сохранились только внешняя оболочка, захоронения и иконостас. В то время как до Февральской революции собор, будучи поминальным, являлся одним из богатейших в мире храмов, и все стены были декорированы дарственными венками из драгоценных металлов и богато украшенными и инкрустированными иконами. Всё это были официальные подарки императорской семье в поминальные дни.

Примеров того, каким образом хранились или погибали награбленные из храмов иконы, можно приводить сотни, но главным всё же является вопрос не разорения, а различия в восприятии одного и того же феномена церковью и светскими инстанциями. «Единственно приемлемым для христианского сознания можно считать включение религиозного, в частности, церковного искусства в общий процесс богопознания, осуществляемого, как мы знаем, через благоговейное восприятие Откровения, сопровождаемое встречным, т.е. устремленным к Богу молитвенным потоком. Можно сказать, что слушатели церковной музыки и созерцатели святых икон участвуют в восприятии Откровения при помощи звуков, красок и форм (восприятию отнюдь не пассивном), а творцы произведений церковного искусства пытаются раскрыть глубину Откровения слуху и зрению и сердцу молящихся. Церковное (и вообще религиозное) искусство — это мощное средство проповеди, т.е. изложения и раскрытия Откровения, средство достижения великой и единственной его цели — вечного спасения».²⁷⁰

Одна из проблем, играющих важную роль в сохранении «памятников культового типа», вызвана теми ограничениями, которые существующее законодательство об «охране памятников» накладывает на режим их реставрации, приспособления и использования. Как и общество в целом, церковь (или любой институт верования) представляет собой живой организм, который меняется во времени и в пространстве. Это находит отражение в любых предметах культа (фрески, скульптуры, иконы, идолы, тотемы и т.д.), и в самой архитектуре культовых сооружений. Но кроме изменения стилей важным является и то, что, несмотря на консервативность канонов, меняется и система служения, и образ жизни монахов, и санитарные условия их проживания, и те кельи, которые были адекватны XVI в., никак не могут соответствовать необходимым условиям проживания в XXI в.

В то же время бездумная передача «памятников истории и культуры» церкви может создать напряжение в обществе по многим причинам²⁷¹. В настоящее время общее количество верующих не может обеспечить удовлетворительное содержание всех объектов, ранее принадлежавших различным религиозным конфессиям и верованиям.

В силу того, что система управления церковным имуществом не имеет должной централизации, доступность «памятника» становится ограниченной, и из «собственности» всего народа или человечества она может переходить в собственность общины, что в значительной степени противоречит

²⁷⁰ Михаил (Мудьюгин), архиепископ. Введение в основное богословие. — С. 222-223.

²⁷¹ Дубшан Ф. Смольный собор: загадка возрастом в 175 лет // Вечерний Петербург. № 185. 2010. 13 октября. С. 8.

существующей в настоящее время международной системе охраны и сохранения «объектов культурного наследия». Продвижением на пути разрешения этого имущественного и нравственного конфликта является принятие Федерального закона от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»²⁷² (далее - Закон № 327).

Значительную часть имущества религиозного назначения составляют «объекты культурного наследия» («памятники истории и культуры»). По некоторым оценкам, сейчас в России «объектов культурного наследия» религиозного назначения федерального значения насчитывается 6584²⁷³. Из них 6402 православных объекта, 79 - мусульманских, 68 - католических, 13 - евангелически-лютеранских, 21 - буддистских и 1 - иудаистский. Помимо этого существует 4417 «памятников» религиозного статуса регионального значения: 4241 - православных, 86 - мусульманских, 76 - католических и 14 - иудейских.

Передача имущества осуществляется в порядке, установленном Законом № 327, в соответствии с предусмотренными законодательством требованиями в области сохранения, использования, популяризации и «государственной охраны объектов культурного наследия» («памятников истории и культуры») народов Российской Федерации. При передаче «объекта культурного наследия» в собственность или безвозмездное пользование религиозная организация принимает на себя обязательства по сохранению «объекта культурного наследия», которые являются ограничениями (обременениями) права собственности (пользования) на данный объект и указываются в оформляемом в установленном порядке «охранном обязательстве» «объекта культурного наследия». Законом впервые предусматривается, что «объекты культурного наследия» федерального значения передаются только централизованным религиозным организациям. В то же время, к предмету регулирования законом не относится передача имущества религиозного назначения, относящегося к музейным предметам и коллекциям, входящим в состав Музейного фонда Российской Федерации, или документам, входящим в состав Архивного фонда Российской Федерации или Национального библиотечного фонда. Передача таких объектов осуществляется в соответствии с Законом РФ от 26 мая 1996 г. №54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (далее – Закон о музейном фонде)²⁷⁴ и законодательством Российской Федерации об архивном деле в Российской Федерации, а также законодательством о библиотечном деле. Так как большая часть храмов и церквей в настоящее время находится в Музейном фонде, а из законодательства проистекает его неделимость, конфликт между религиозными организациями и

²⁷²Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности».

²⁷³Коробов П. Церковь наделяют от государства// Коммерсантъ № 206. 2010. 09 ноября.

²⁷⁴Закон РФ от 26 мая 1996 года №54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 27.05.1996. №22. ст. 2591.

организациями культуры остаётся неразрешенным²⁷⁵, как и конфликт в восприятии этих «памятников». Ещё больше конфликт интересов может усугубиться из-за того, что в целях обеспечения целостности использования передаваемого имущества, Закон № 327 предусматривает возможность передачи религиозным организациям не имеющего религиозного назначения государственного или муниципального имущества, предназначенного для обслуживания имущества религиозного назначения и (или) образующего с ним монастырский, храмовый или иной культовый комплекс. Таким образом, гражданские организации, находящиеся в настоящее время на территориях культовых комплексов, могут полностью исчезнуть. Эта ситуация особенно болезненно воспринимается обществом, так как границы комплексов не определены, и не существует их точного кадастрового учёта, и отсутствуют нормы и правила, на какой период эти границы должны быть определены. В связи с изменением значения церкви в государственном устройстве в период с XVI по XXI вв. эти границы неоднократно изменялись и, в первую очередь, в сторону уменьшения земель, принадлежащих церкви. Вопрос этот становится не просто открытым, а не разрешимым и крайне коррупционным, так как вопрос о границах в данном случае может решаться исключительно на основе государственной историко-культурной экспертизы.

Последователи одних религиозных учений достаточно непримиримо относятся к другим религиозным конфессиям, и такое отношение в большой степени переносится на «памятники истории и культуры» других вероисповеданий. Наиболее варварским проявлением религиозного фанатизма за последние годы было уничтожение талибами «памятников» доисламской эпохи (буддийских, зороастрийских, индуистских), начавшееся в Афганистане после указа лидера талибов - муллы Мохаммеда Омара 26 февраля 2001 г.

Религиозные фанатики всегда разрушали «памятники истории и культуры», так как воспринимали их как символы противоборствующих культовых течений. Классическим примером такого рода в нашей истории является крещение как Киевской, так и Новгородской Руси. Изображения и статуи языческих богов разрушали, сжигали, сбрасывали в реки. «Такая ненависть к чужим богам вообще типична для христианства. Карлхайнц Дешнер в «Криминальной истории христианства» пишет: «В Каппадокийской Цезарее христианская община сравняла с землей храм богов города - Зевса и Аполлона; в октябре 362 года христиане подожгли храм Аполлона в Дафне и разрушили знаменитую статую Аполлона...»²⁷⁶. Или цитируя З. Фрейда: «Когда святой Бонифаций срубил дерево, которое саксы считали священным, то окружавшие его ожидали ужасающего события как следствие такого святотатства. Оно не последовало, и саксы приняли крещение»²⁷⁷. Эта

²⁷⁵ См., например: Музейная икона уйдёт в монастырь // Metro Санкт-Петербург. 2011. 17 января. С. 3.

²⁷⁶ Цитируется по: Небедный Димьян. Талибы взорвали Будду. 2001. URL: <http://www.ateism.ru/articles/demian010.htm> (дата обращения 24.11.2010).

²⁷⁷ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – С. 167.

ненависть к «иному» диктуется, в частности, и самой Библией²⁷⁸. При этом «в настоящее время изображения духовно-нравственного, в частности библейского содержания распространены во всем христианском мире, однако почитание икон как священных предметов всеми протестантскими Церквями и сообществами отвергается»²⁷⁹. Справедливости ради, надо заметить, что в значительной степени такой стереотип поведения явился результатом нещадных гонений на самих христиан.

В целях предотвращения конфликтных ситуаций Законом № 327 предусмотрено, что имущество, ранее переданное в безвозмездное пользование одной религиозной организации, может быть передано другой религиозной организации в случае прекращения прав на испрашиваемое имущество первой организации. В предчувствии серьезных конфликтов между конфессиями и мирскими организациями, для рассмотрения возможных разногласий, в том числе об отнесении имущества к имуществу религиозного назначения или определения конфессиональной принадлежности имущества, предусмотрено создание специальных комиссий и публичной информации о передаче имущества религиозным организациям. Конфликтные ситуации появились ещё до принятия закона. К примеру, в Калининградской области вызвало огромное возмущение передача зданий лютеранских церквей Русской Православной церкви²⁸⁰.

Таким образом, можно констатировать дуализм в восприятии «культовых памятников истории и культуры», причём особенности религиозного мировосприятия в целом не распространяются на другие (светские) «объекты культурного наследия» и «культурные ценности» за исключением отдельных, в то же время возникающие имущественные интересы могут внести свои коррективы и в эти отношения. Хотя в любом случае догматические подходы оказывают большое влияние наприятие или неприятие тех или иных «культурных ценностей». «Именно опасение «эстетического искушения», т.е. чрезмерного воздействия притягательной силы эстетического воздействия при созерцании объектов языческого почитания, было причиной строгих запретов на любые изображения, которыми руководствовался иудаизм, а ислам в полной мере руководствуется и по сей день»²⁸¹.

В религиозном восприятии «памятников истории и культуры» наиболее ярко проявляется неоднородность и зачастую конфликтность статуса «культурных ценностей» в сознании различных социальных групп.

Несмотря на противоречивость всего сказанного выше по поводу «памятников культового типа», нельзя не согласиться с заключением Б.Г. Соколова о том, что «конфигурации или стили смерти Бога или любой

²⁷⁸ Библия. Второзаконие. «7.5 Но поступите с ними так: жертвенники их разружьте, столбы их сокрушите, и роши их вырубите, и истуканов [богов] их сожгите огнем»; см. так же: Исход 23.24; Числа 33.52; Третья книга Царств 16.33; Левит 26.30.

²⁷⁹ Михаил (Мудьюгин), архиепископ. Введение в основное богословие. – С. 222.

²⁸⁰ Бобрович А. Кирхи и замки передали православным// Metro С.-Петербург № 222. 2010. 24 ноября.

²⁸¹ Михаил (Мудьюгин), архиепископ. Введение в основное богословие. – С. 223.

трансцендентности являются – на онтическом уровне – теми структурами, которые:

А. должны быть сохранены любой ценой как основа развертывания процесса конституирования индивида, культурной реальности и культуры вообще;

Б. постоянно воспроизводятся в процессах, могущих эксплицитно восприниматься как принадлежащие другим сферам и областям культурного пространства»²⁸².

Наряду с «памятниками культового типа» большое влияние на социум оказывают «памятники военного типа». Как сказал З. Фрейд, «церковь и войско суть искусственные массы»²⁸³. Соглашаясь с этим тезисом, автор данной книги выделяет «культовый и военно-исторический типы памятников истории и культуры» как рефлексии, определяющие сущность бытия человека на протяжении нескольких тысячелетий.

«Памятники истории и культуры военного-исторического типа», охватывают обширное количество различных объектов, как собственно свидетелей событий, так и являющихся символами доблести и побед, а также зачастую и трагических моментов военной истории. Они, как «культовые памятники» относительно верующих, имеют множество отличий в их рецепции военными (как профессионалами) от других социальных групп, формирующих социум.

Естественно, что наиболее выраженный характер носит восприятие данного феномена именно такой крупной категорией населения, как сами военные. При этом характерными для этой социальной группы являются интернациональность и всеобщность, которые в значительно меньшей степени присущи остальным слоям общества. В связи с этим целесообразно в деталях рассмотреть особенности именно этой специфической рецепции.

Огромное значение в формировании восприятия «памятников истории и культуры» военными играют именно «военно-исторические памятники» как вещественные носители памяти, зачастую обличенные в совершенные формы, созданные великими ваятелями и зодчими. К сожалению, следуя официальной лексике, в этом случае вместо ясных и четких терминов «памятник воинской славы» и «мемориал воинской славы», используется бюрократическая формулировка - «военно-исторический объект культурного наследия».

Для понимания специфики рецепции «памятников» военными целесообразно выделить группу «памятников», формирующих это восприятие. Здесь имеет место сведение в одну группу совершенно разнородных объектов, как и в случае с «культовыми памятниками». Закон об ОКН определяет, какие именно «воинские памятники» относятся к «объектам культурного наследия» («памятникам истории и культуры»). В статье 3 Закона сформулировано положение о том, что к «памятникам» относятся «мемориальные квартиры, отдельные захоронения, произведения монументального искусства, объекты науки и техники, включая военные». Эта же статья относит к ансамблям

²⁸²Соколов Б.Г. Онтология культурного наследия: Музей в эпоху постмодерна. – С. 87.

²⁸³Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – С. 32.

фортификационные сооружения. И, наконец, к достопримечательным местам относятся творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, включая центры исторических поселений и культурные и природные ландшафты, связанные с историческими (в том числе военными) событиями и жизнью выдающихся исторических личностей.

Эти определения дают достаточно оснований для выделения «историко-военных памятников» в отдельную группу, которая включает в себя:

- фортификационные сооружения прямого назначения (на территории России это крепости и военные сооружения XVII-го и более поздних веков, специально построенные для обороны);

- многоцелевые фортификационные сооружения (кремли, детинцы, замки, стены околных городов и т.д.);

- фортификационные сооружения религиозного назначения (в первую очередь, монастыри-крепости); отдельные могилы; братские захоронения²⁸⁴;

- монументальные памятники (на местах боев, в памятных местах и т.д.); монументальные памятники (приуроченные к датам и не имеющие территориальной связи с военно-историческими событиями);

- отдельные сохранившиеся образцы военной техники, которым придан статус «объектов культурного наследия» или предметов музейного фонда; места проживания выдающихся исторических личностей (в данном случае, связанных с армией);

- археологические объекты (места сражений, битв, затопленные суда и т.д.).

При этом данный список не является исчерпывающим и может включать многие другие виды «объектов культурного наследия», прямо или косвенно связанных с военно-исторической тематикой. Однако такая видовая классификация не позволяет провести глубокое сущностное деление, при котором общее родовое не заслоняло бы видовое, позволяя классифицировать «военные памятники» как важнейшую составляющую «коллективной национальной памяти».

«Военные памятники» могут быть сгруппированы и по совершенно иному принципу. В основу такого деления закладывается понятие времени в его наиболее примитивном восприятии (вчера, сегодня, завтра). Тогда возникает различное понимание могилы конкретного человека и безымянной братской могилы, находящиеся в одном и том же месте, и в результате одного и того же события. Безымянная могила является овеществленным символом события военно-исторического характера, сохраняя признаки времени, места, факта и значения события, своеобразной меткой, якорем в терминологии модного направления нейролингвистического программирования.

В то же время конкретная могила (частное захоронение), имея признаки «военно-исторического памятника», в основе своей остается памятником истории семьи и даже рода, которая с течением времени становится вне

²⁸⁴Пример касательно типичного братского захоронения см. Косовская Е. Отдавшим жизнь за Родину посвящается: Воинское кладбище «Дачное» // С уважением к памяти. № 11. 2009. Ноябрь. С. 4.

времени, а часто и вне истории этноса, формируя семейную мифологию как некую частную интерпретацию официальной истории.

Так, различные скульптурные изображения, обелиски, колонны, триумфальные арки и т.д., будучи памятованием определенного события, могут быть не локализованы в его историческом конкретном пространстве, являясь лишь символом события. Порождая некое неопределимое, но воспринимаемое устремление в будущее, при котором понятия национальной славы, славы оружия (опять же, имеющего национальный и символический характер), славы национальных героев легко транслируемы вне вербального определения. Вектор коллективного устремления, в который вовлекается индивидуальная воля человека, всегда направлен в будущее, хотя события требуют и обязательно возбуждают память, обращаются к пережитому или усвоенному ранее. Но и устремление в будущее не совсем обычно, ибо место приложения вектора всегда имеет локализацию в настоящем, позволяя экстраполировать происходящие события в отношении с прошлым, полагая возможным произвести вероятностную оценку будущего результата.

Это позволяет приблизиться к основному постулату, способному определить родовое понятие «военного памятника». Воспринимая «памятник» как «культурную ценность», возникающую в отношениях между субъектами, напоминающую о чем-то общем для всех участников отношений, «военный памятник» будет определен в рамках данного исследования как специфическая «культурная ценность», указывающая на совместные действия вооруженного характера в целях поддержания всеобщности. Эта данность может иметь чисто «мифологические» основания как, например, «Битва на Чудском озере», «Куликовская битва», «Покорение Сибири Ермаком» и прочие «известные» события, материальные подтверждения которым до сих пор не найдены.

Настоящее определение позволяет автору данного исследования выявить черты, характерные для «военно-исторических памятников», вне зависимости от видового различия, материального носителя и пространственной локализации. А формирование их родовых качеств обеспечивает понимание специфических черт их рецепции. «Военно-историческим памятникам» присущи противоречивые функции и поддержания наднациональности, и, одновременно, сопричастности к национальной славе, которые превалируют над эстетическими аспектами их рецепции. В связи с этим «военные памятники» воспринимаются не столько как символы, сколько как объекты, обеспечивающие связь прошлого, настоящего и будущего в рамках таких духовных субстанций как национальная гордость и национальное самосознание.

В отличие от «военных памятников», которые имеют наднациональный характер, этнические группы воспринимают в основном «памятники» либо имеющие всемирную эстетическую ценность, либо «гражданские», имеющие чисто национальный характер, либо «культовые», относящиеся к тем вероисповеданиям, которые характерны для данного этноса.

«Гражданские памятники» могут тоже оказывать значительное влияние на формирование чувства национальной гордости и сопричастности к истории своего народа, но при этом, как правило, исчезают такие свойства, как интернациональность и всеобщность, и происходит переход феномена на более узкий локальный уровень. При этом сам «памятник» может как исторический объект или произведение искусства иметь всемирную ценность, и его восприятие на международном уровне будет эстетическим, а на уровне этнической группы к эстетическому пониманию, непременно, добавится чувство национального величия.

Сословное и корпоративное восприятие в большей степени имеет смысл рассматривать как использование «памятников» для пропаганды тех или иных взглядов, устоев или профессий. «Гражданский тип памятников» включает огромное разнообразие «культурных ценностей» от супертехнологических, до примитивных кострищ. Но наиболее сильное проявление он имеет в виде тех символов, которые ассоциируются со страной или местом проживания. Тогда он носит характер исключительно активного воздействия на индивида, которое наиболее ярко проявляется в период смены общественных формаций, власти или политических устремлений. Так как в эти периоды власть или корпорации готовы тратить значительные средства на самопрославление. Создание многих шедевров архитектуры и паркового искусства явилось результатом именно такой рефлексии.

Завершая анализ, приведенный в данном разделе, необходимо ещё раз подчеркнуть, что «памятники истории и культуры» независимо от их типа оказывают огромное влияние на формирование чувства национальной гордости и сопричастности к истории своего народа. И тип «памятника» по своей сути проявляется лишь в силе этого воздействия.

«Памятник археологии» как отдельный феномен «культурных ценностей»

Археологи выкапывают из земли историю, которую закопали политики.
Лауб Габриэль²⁸⁵

Археология — наука будущего. Кто не трудится для нее?
Станислав Ежи Лец²⁸⁶

В данном разделе обосновывается выделение «объектов археологического наследия» в отдельный феномен, который может, как являться «памятником истории и культуры», каковым он трактуется в настоящее время, так и не являться им из-за не соблюдения признака недвижимости. В силу ряда свойств и признаков «памятника археологии» его номинация происходит согласно

²⁸⁵Энциклопедия афоризмов. Археология. [Электронный ресурс] URL: http://fictionbook.ru/author/ye_borohov/yenciklopediya_aforizmov/read_online.html?page=2 (дата обращения 06.12.2012). (Габриэль Лауб (Gabriel Laub; 24.10.1928, Бохня, Польша — 3.02.1998, Гамбург, Германия) — писатель и журналист).

²⁸⁶Афоризмер. Афоризмы об археологии. [Электронный ресурс] URL: <http://aforizmer.ru/aforizmi/ob-arkheologii> (дата обращения 06.12.2012).

другим процедурам и осуществляется очень узкой группой специалистов, как это указано выше. Из чего можно заключить, что два рассматриваемых феномена не всегда являются тождественными один другому. Вместе с тем, феномен «памятник археологии» традиционно и в России, и в международной практике находится в ряду тех «культурных ценностей», которые тематизируют как «памятники истории и культуры». Но это «памятник» особого рода. Последующий анализ показывает неправомерность такого подхода и на основе анализа природы данного феномена предлагает пути разрешения данного противоречия. Косвенным подтверждением нетождественности этих двух феноменов являются две европейские конвенции. Это «Европейская конвенция об охране археологического наследия от 6.05.1969 г.»²⁸⁷ и «Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная, Валлетта, 16 января 1992 г.)»²⁸⁸ (далее - Конвенция об охране археологического наследия). Последняя была ратифицирована Российской Федерацией 17 июня 2011 г. Согласно Статье 1 Конвенции об охране археологического наследия, её целью является охрана археологического наследия как источника европейской «коллективной памяти» и как инструмента для исторических и научных исследований. Данная Конвенция даёт определение того, что в ней понимается под термином археологическое наследие – «элементами археологического наследия считаются все останки и объекты и любые другие следы человеческой деятельности прошлых эпох: i. сохранение и изучение которых помогает проследить историю человечества и его связь с природной средой; ii. основными источниками информации о которых являются раскопки или находки, а также другие методы изучения человечества и связанной с ним природной среды; и iii. которые находятся на любой территории, подпадающей под юрисдикцию Сторон»²⁸⁹. Согласно Конвенции об охране археологического наследия, оно включает строения, сооружения, группы зданий, освоенные участки, движимые объекты, памятники других типов, а также их окружение (context), независимо от того находятся ли они на земле или под водой.

Исследуя «объекты археологического наследия», следует их рассматривать как с формальной и юридической стороны, так и с точки зрения их восприятия обществом или отдельными индивидами. Другими словами, необходим анализ данного феномена в качестве артефакта, имеющего как чисто физические свойства, так и мифологическую составляющую, так как «объект археологического наследия» как явление, воспринимаемое обществом, зачастую представляется обладателем и того, и другого одновременно. Будучи более молодой наукой, чем история, археология во многом изменила

²⁸⁷ Европейская конвенция об охране археологического наследия от 6.05.1969 г. (Серия Европейских договоров, №66) //Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия / Научн.-производств. центр по охране памятников Свердл.обл. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001 – 520 с.

²⁸⁸ Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная, Валлетта, 16 января 1992 г.) (Серия Европейских договоров №143) // Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия / Научн.-производств. центр по охране памятников Свердл.обл. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001 – 520 с.

²⁸⁹ European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage (Revised), Valetta, 16.I.1992. [Электронный ресурс] URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/html/143.htm> (дата обращения 17.07.2012). Перевод автора с оригинала текста на английском языке.

представления о прошлом и не только в «неписьменной» истории (доисторический период), но и в установлении более вероятного представления о событиях, до того описанных великими историками или свидетелями событий, которые никогда не были беспристрастными.

Не менее важным является и то, что именно зарождение археологии положило начало научному изучению того, что сейчас тематизируется как «памятники истории и культуры», именно увлечение древностями и христианскими святынями создало новое «историческое», в отличие от «мифологического», восприятие бытия.

В процессе рассмотрения определения «памятника истории и культуры» были неоднократно особо выделены «объекты археологического наследия». Эти предметы материальной культуры относятся к отдельной категории. Как и другие «памятники истории и культуры», «памятники археологии» могут быть представлены в виде отдельных объектов, ансамблей и достопримечательных мест. В тоже время «объекты археологического наследия» обладают рядом особенностей, выделяющих их из ряда других «объектов культурного наследия». Так, все «памятники археологии» относятся к объектам федерального значения, одновременно признаются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия и получают статус «выявленных объектов культурного наследия» со дня их обнаружения.²⁹⁰

Анализируя нетождественность «памятников археологии» и «памятников истории и культуры», необходимо рассмотреть присущие им отличительные признаки.

Первый отличительный признак – соединение в «памятниках археологии» характеристик движимых и недвижимых культурных ценностей. Несмотря на прямое положение Закона о том, что «объекты культурного наследия» являются недвижимым имуществом²⁹¹, «объекты археологического наследия» могут быть как недвижимыми, так и движимыми «культурными ценностями», что выделяет их в совершенно особую группу «памятников истории и культуры». При этом основная часть движимых археологических ценностей обнаруживается при раскопках на недвижимых «объектах археологического наследия»²⁹².

Второй признак – включение движимых «объектов археологического наследия» в различные музейные коллекции. В отличие от предметов декоративно-прикладного искусства, живописи и скульптуры, неразрывно связанных с «памятником истории и культуры» и остающихся в нём, движимые «объекты археологического наследия» изымаются из раскопа. В течение трех лет со дня выполнения археологических работ все обнаруженные «культурные ценности» (включая антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты) должны быть переданы на постоянное

²⁹⁰В реальности о действии данного положения см. Лиханова Т. Новые тайны Литературного дома // «Новая газета». № 18 от 21.03.2011.

²⁹¹Закон РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Статья 3.

²⁹²Сухов П.А. Археологические памятники, их охрана, учет и первичное изучение. - М.-Л., АН СССР, 1941 – С. 124

хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации. Таким образом, относительно «объектов археологического наследия», в отличие от других «объектов культурного наследия», вопрос музеефикации движимых «культурных ценностей» оказывается законодательно закрепленным.

Третье – отсутствие систематических действий специалистов по изучению «памятников археологии». В отличие от целенаправленной работы, проводимой для выявления новых «памятников истории и культуры», с целью их охраны и сохранения в местах их расположения, в отношении «объектов археологического наследия» только в исключительных случаях допускается осуществление спасательных археологических полевых работ, с полным или частичным изъятием археологических находок из раскопов. То есть систематическая работа по выявлению «памятников археологии», согласно Закону об ОКН, вестись не должна. Это резко сужает возможность проведения научного изучения «памятников археологии», сводя все действия исключительно к спасательным мерам по сохранению данных объектов при проведении строительных и иных земляных работ, и отсутствию возможности проведения плановых научных исследований. Такое ограничение, несомненно, является ошибочным относительно данного феномена, имеющего многолетнюю историю чисто научных раскопок, чрезвычайно расширивших представления о мировой истории и позволивших уточнить хронологию исторических и доисторических событий.

Четвертый признак – слишком большой спектр оценок при определении сущности «памятников археологии», что приводит к умалению их ценности относительно других «памятников истории и культуры». Зачастую экономическая ценность «объектов археологического наследия» может быть значительно ниже ценности других «культурных ценностей» в силу того, что «памятниками археологии» признаются любые свидетельства существования прошлых поколений. Они могут нести информацию только научного значения и, таким образом, могут представлять интерес только для исследователей историков, дополняя картину событий и быта далекого прошлого.

Пятый заключается в том, что разрешение на археологические работы является именованным. «Полевые археологические исследования (раскопки и разведки) могут производиться лишь в научных, охранных и учетных целях специализированными научными и научно-реставрационными учреждениями, высшими учебными заведениями, музеями и государственными органами охраны памятников истории и культуры»²⁹³. Работы по выявлению и изучению «объектов археологического наследия» проводятся на основании разрешения (открытого листа) действующего не более, чем один год. Оно выдаётся не учреждению, а конкретному исследователю, обладающему соответствующей подготовкой и квалификацией. То есть в отличие от других видов работ археологические исследования персонафицируются. Отчет об археологических

²⁹³Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах. Утверждено Ученым советом Института археологии РАН 23 февраля 2001 г. - М., 2001. [Электронный ресурс] URL: http://www.archaeology.ru/ONLINE/Documents/otkr_list.html#top/ (дата обращения 20.05.2011).

полевых работах и вся полевая документация в течение трех лет со дня окончания срока действия открытого листа подлежат передаче на хранение в Архивный фонд РФ, согласно Федеральному закону от 22 октября 2004 г. №125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (далее – Закон об архивном деле)²⁹⁴.

Шестой признак – исключительная собственность государства на «объекты археологического наследия». Пунктом 3 Статьи 49 Закона об ОКН устанавливается, что «памятник археологии» находится исключительно в государственной собственности²⁹⁵. Пункт 1 Статьи 50 закрепляет невозможность отчуждения «объекта археологического наследия» из государственной собственности²⁹⁶. Земельные участки или участки водного объекта, в пределах которых находятся «памятники археологии», ограничены в обороте - они не предоставляются в частную собственность²⁹⁷.

Отличием является и то, что «памятник археологии» и земельный участок или участок водного объекта, в пределах которого он располагается, находятся в гражданском обороте раздельно²⁹⁸. Земельные участки или участки водного объекта в границах «объекта археологического наследия» согласно статье 99 «Земельного кодекса Российской Федерации» от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ. (далее - ЗК РФ) относятся к землям историко-культурного назначения²⁹⁹, правовой режим на которых регулируется Законом об ОКН, ЗК РФ и Федеральным законом Российской Федерации «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» № 122-ФЗ от 21.07.1997 г. (далее – Закон о регистрации)³⁰⁰.

В пределах земель историко-культурного назначения вводится особый правовой режим использования земель, запрещающий деятельность, несовместимую с основным назначением этих земель. В случае с «объектом археологического наследия» основное назначение – это его сохранение и использование. На землях историко-культурного назначения, в том числе на землях «памятников археологии», подлежащих исследованию и консервации, согласно ЗК РФ, может быть запрещена любая хозяйственная деятельность. В соответствии со ст. 79; 94; 99 данного Кодекса земли историко-культурного назначения в случае использования их не по целевому назначению могут быть изъяты у землепользователя.

Необходимо также обратить внимание на то, что «объекты археологического наследия» являются «комплексными памятниками», сочетающими в себе черты природных и «историко-культурных объектов». В

²⁹⁴Закон РФ от 22 октября 2004 г. №125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»//СЗ РФ. 2006. № 43. ст. 4169.

²⁹⁵Закон РФ от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Статья 49.

²⁹⁶Там же. Статья 50.

²⁹⁷Земельный Кодекс Российской Федерации. Ст. 27- М., Эксмо, 2010. – 96 с.

²⁹⁸Закон РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, Статья 49.

²⁹⁹Земельный Кодекс Российской Федерации.- М., Эксмо, 2010. – 96 с.

³⁰⁰Закон РФ от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // СЗ РФ. 1997. №30. ст.3594.

связи с этим вопросы их охраны рассматриваются во многих законодательных актах. Весьма обширный раздел содержится в Федеральном законе от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ «Градостроительный кодекс Российской Федерации» (далее - ГСК РФ 2004 г.) (ст. 1,2,3,6,11,12, 20,28,29 и др.)³⁰¹. «...В поселениях и на территориях, имеющих памятники истории и культуры, в том числе памятники археологии..., в пределах которых запрещается или ограничивается градостроительная, хозяйственная или иная деятельность, причиняющая вред объектам историко-культурного наследия..»³⁰². Относительно природных объектов вопросы сохранения рассматриваются в природоохранном законодательстве³⁰³. В связи с тем, что «памятники археологии» расположены на поверхности и в почвенном слое современных земельных угодий, вопросы их охраны рассматриваются в земельном законодательстве³⁰⁴. «Памятники археологии», залегающие ниже современного почвенного слоя, т.е. в недрах, подпадают под действие Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах»³⁰⁵.

Отличительным признаком «объектов археологического наследия» является и то, что в соответствии с Европейской конвенцией об охране археологического наследия, каждая Страна, её ратифицировавшая, «обязуется учредить с помощью методов, приемлемых для данного государства, правовую систему охраны археологического наследия, принимая меры для:

- ведения инвентарного перечня своего археологического наследия и обозначения охраняемых памятников и территорий;
- создания археологических заповедников даже там, где нет видимых останков на земле или под водой, для сохранения материальных свидетельств, которые должны будут изучаться последующими поколениями;
- обеспечения обязательного сообщения о случайных находках элементов археологического наследия теми, кто их нашел, компетентным органам, а также предоставления их для изучения»³⁰⁶.

Учитывая огромную научную и культурную ценность «памятников археологии», а также, то обстоятельство, что хозяйственная деятельность и строительство могут нанести «памятникам» существенный урон, законодательство Российской Федерации предусматривает ряд специальных мер по обеспечению их сохранности при строительных работах.

В случае обнаружения «объектов археологического наследия» на территории, подлежащей освоению, в проекты проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ должны быть внесены разделы об обеспечении сохранности обнаруженных объектов³⁰⁷. Законом об ОКН запрещается такое использование

³⁰¹Градостроительный Кодекс РФ. – М., Эксмо, 2009. – 192 с.

³⁰²Там же. Статья 12.

³⁰³Закон РФ от 10 января 2002г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. 32.ст.133.

³⁰⁴Земельный Кодекс Российской Федерации. Ст. 27- М., Эксмо, 2010. – 96 с.

³⁰⁵Закон РФ «О недрах» от 21 февраля 1992 №2395-1 // Российская газета от 05.05.1992 г.

³⁰⁶Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная, Валлетта, 16 января 1992 г.).

³⁰⁷Ст. 40-44, 47 Закона РФ от 10 января 2002г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. 32.ст.133; П. 40 Постановления Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 года N 865 «Об утверждении

земельного участка с «объектами археологического наследия», которое может ухудшить их состояние или нанести вред окружающей историко-культурной среде³⁰⁸.

Органы «охраны объектов культурного наследия» имеют право приостанавливать строительные или иные работы, если в ходе их проведения возникает угроза существованию «объекта археологического наследия» или не соблюдаются предусмотренные законодательством меры по обеспечению его сохранности.

За нарушение законодательства относительно «памятников археологии» возможна уголовная, административная и иная юридическая ответственность, а лица, причинившие вред «объекту культурного наследия», обязаны также возместить стоимость мероприятий, необходимых для его сохранения. Это не освобождает данных лиц от административной и уголовной ответственности, предусмотренной за совершение таких действий³⁰⁹.

Сходное понимание вопроса изложено в Конвенцией об охране археологического наследия. «Для сохранения археологического наследия и гарантии научной значимости археологических исследований каждая Сторона обязуется:

i. применять процедуры выдачи разрешений и контроля за раскопками и другой археологической деятельностью таким образом, чтобы:

а) предотвращать любые незаконные раскопки или перемещение элементов археологического наследия;

б) обеспечивать, чтобы археологические раскопки и разведка проводились научными методами и при условии, что: - везде, где это возможно, будут применяться неразрушающие методы исследований; - элементы археологического наследия не будут непокрытыми или оставаться открытыми во время или после раскопок без обеспечения надлежащего сохранения, консервации и ухода за ними;

ii. обеспечивать, чтобы проведение раскопок и применение других, потенциально разрушительных, методов осуществлялись только квалифицированными, специально уполномоченными лицами;

iii. подвергать специальной предварительной разрешительной процедуре использование металлоискателей или любого другого детекторного оборудования или методов для проведения археологических исследований, если это предусмотрено специальным внутренним законодательством Государства»³¹⁰.

Существенным отличием «памятника археологии» от феномена других

Положения об охране и использовании памятников истории и культуры» // СП СССР. 1982. N 26. ст.133; Ст. 36-37 Закона РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

³⁰⁸П. 79 Постановления Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 года N 865 «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры»; Ст. 52 Закона РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

³⁰⁹Ст. 61 Закона РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; Ст. 74 Земельного Кодекса Российской Федерации. Ст. 27; Ст. 243 Уголовного Кодекса Российской Федерации. От 13.06. 1996 № 63-ФЗ.

³¹⁰Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная, Валлетта, 16 января 1992 г.).

«памятников истории и культуры» является то, каким образом обеспечивается сохранность «объектов археологического наследия». Отечественная и зарубежная практика использует следующие формы и варианты обеспечения сохранности «памятников археологии» в зонах проведения строительных и иных земляных работ. А именно:

а) Полное научное исследование «памятников археологии», целостность которых может быть нарушена в ходе строительства. Такое исследование включает: выявление памятников путем археологических разведок на местности; стационарные археологические раскопки памятников, которые ведутся, как правило, вручную с соблюдением определенной методики, с фиксацией всех особенностей памятника и находящихся на нем остатков сооружений, погребений и т.п.; камеральную обработку полученных при разведках и раскопках вещевых и иных материалов, их консервацию и реставрацию, проведение необходимых специальных анализов, научное описание материалов и т.п.; составление научной отчетности о полевых и камеральных исследованиях; передачу материалов полевых работ на постоянное хранение в музеи и другие государственные хранилища. Научное исследование является наиболее распространенной и универсальной формой обеспечения сохранности памятников археологии в зонах строительных работ.

б) Вынос (эвакуация) памятников за пределы зон затопления или проведения строительных работ. Относительно тех «объектов археологического наследия», которые относятся к недвижимым «памятникам истории и культуры», эта форма обеспечения сохранности может быть применена в очень ограниченной степени и относится, как правило, лишь к отдельным элементам памятников (отдельные архитектурные детали, гробницы, наскальные рисунки и т.п.).

в) Создание защитных сооружений, ограничивающих вредное воздействие проектируемых объектов на «памятнике археологии». Может рекомендоваться при строительстве крупных водохранилищ и только в отношении наиболее ценных памятников, так как стоимость создания защитных устройств, как правило, бывает выше стоимости полного научного исследования памятников. В то же время в последнее время появилась тенденция к созданию демонстративных площадок при реставрации зданий и сооружений, позволяющих составить представление об истории объекта путем консервации отдельных элементов археологических памятников на месте их находок под остеклением высокой прочности³¹¹.

г) Исключение площадей «памятников археологии» из зон проведения строительных работ или зон затопления (например - изменение трасс газо- и нефтепроводов, с тем, чтобы они не затрагивали археологические памятники, изменение местоположения отдельных сооружений и т.п.). Может рекомендоваться лишь при наличии технической возможности такого исключения.

Специфическим дополняющим методом обеспечения сохранности

³¹¹ См., к примеру, Голубкова М. Изборск себя ещё покажет // Российская газета. № 261. 2010. 18 ноября.

«памятников археологии» в зонах строительства является археологический надзор.

Продемонстрировав то, что «памятники археологии» существенно отличаются от других «объектов культурного наследия», **необходимо выделить в отдельный феномен «объекты археологического наследия», так как они носят двойственный характер движимости и недвижимости. Их правовой статус должен быть определен специальным отдельным законодательством. Причем «недвижимые памятники археологии» должны иметь статус «памятник истории и культуры» («объект культурного наследия»), а «движимые» быть музеефицированы как «движимые культурные ценности», изъяты из раскопов и иметь статус «музейного предмета».**

Множество проблем вызывает тот факт, что при приобретении или аренде «памятника» лицо, осуществляющее сделку, не имеет представления о необходимости, а тем более стоимости проведения спасательных археологических работ. В связи с чем собственниками и арендаторами постоянно предпринимаются попытки по уничтожению «памятников археологии» во избежание дополнительных затрат³¹². Этот вопрос должен быть решен на государственном и муниципальном уровне.

Другим, не решенным вопросом, является то, что после проведения полнопрофильных археологических раскопок, когда в земле на участке не остается никаких «культурных ценностей» и участок полностью изучен с археологической точки зрения, он не выводится из списка «объектов археологического наследия». На самом деле автор данной книги считает, что он перестает быть таковым, и является только меткой (реперной точкой), где «объект археологического наследия» находился до проведения археологических работ. После проведения полного комплекса археологических работ и изъятия всех «культурных ценностей» из раскопа, и в случае отсутствия на конкретном участке недвижимых «памятников археологии», данный участок, по мнению автора настоящего исследования, должен быть выведен из реестра «объектов археологического наследия». В реестре статус «памятник истории и культуры» необходимо изменить на статус «полностью изученного объекта археологического наследия», со снятием всех обременений с данного участка. Ему может, если необходимо, быть придан статус «памятного места», как одного из видов «достопримечательного места».

Представляется совершенно необходимым, чтобы во избежание утрат «объектов археологического наследия» земельный участок, имеющий потенциальную археологическую ценность и предназначенный для возведения зданий и сооружений с глубоким внедрением в слой почвы, не мог отчуждаться или передаваться под строительство и для проведения иных земляных работ ни государственными органами, ни муниципалитетами без предварительного проведения аварийно-спасательных археологических работ. Стоимость этих работ впоследствии добавляется к стоимости продажи или аренды этого

³¹² Вишневикий Б. Вернуть историю назад // «Новая газета». № 19. 2011. 24 марта. С. 16.

земельного участка. Аналогичная норма должна быть законодательно закреплена при проведении ремонтных и прочих разрешенных законом работ на таких земельных участках.

После рассмотрения нормативной основы выделения «объектов археологического наследия» в отдельный феномен «культурных ценностей», представляется важным остановиться на социальном компоненте, который также демонстрирует существенное отличие «памятников археологии» от других «памятников истории и культуры».

Так, постоянно обостряющейся проблемой является «черная археология», то есть проведение незаконных раскопок. Наибольшая опасность заключается не столько в том, что извлекаемые «культурные ценности» попадают на черный рынок, а в том, что наносится непоправимый ущерб археологическому наследию России, а, следовательно, и всему мировому культурному наследию. В результате действий «черных археологов» происходит утрата контекстного восприятия артефакта из-за изъятия «объекта археологического наследия» из его естественной среды и утраты содержащейся в существовавшей системе исторической информации³¹³, теряется возможность проследить связь между прошлым, настоящим и будущим.

В связи с ростом интереса к культуре и истории наряду с познавательной составляющей сформировалась и коммерческая, выражающаяся в устойчивом спросе на археологические артефакты. Из-за отсутствия развитого рынка торговли «культурными ценностями» в России эта деятельность носит криминальный характер и получила чрезвычайно широкое распространение.

Как результат развития Интернета доступность ранее закрытой информации о возможном месторасположении «объектов археологического наследия», и наличие современного оборудования, позволяющего обнаруживать «культурные ценности» на глубине до двух метров, превратило данную деятельность в крупный незаконный бизнес. Данный вопрос требует жесткого юридического решения, как это предусмотрено Европейской конвенцией об охране археологического наследия, в противном случае культурному наследию будет нанесён огромный ущерб. В частности, нельзя не согласиться, с предложением Т.Р. Сабитова включить в «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее - УК РФ) статью «Незаконное завладение культурными ценностями, не имеющими собственника, или собственник которых неизвестен»³¹⁴. Описанное в данном параграфе криминальное явление также является спецификой «объектов археологического наследия». Оно не характерно для других «памятников истории и культуры», так как изъятие из «объектов культурного наследия» предметов декоративно-прикладного искусства, живописи или скульптуры является обычной кражей, в то время как проведение незаконных раскопок носит намного более сложный и менее наказуемый правовой характер.

³¹³Трояновский Сергей: за чем охотятся черные копатели. Новгородская интернет газета от 31 августа 2010 г. [Электронный ресурс] URL: <http://vnnews.ru/actual/chernokopateli> (дата обращения 20.05.2011).

³¹⁴Сабитов Т.Р. Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. - Омск. 2002. - С.12.

Необходимо отметить и ту особенность «памятников археологии», что их рецепция зачастую носит абстрактный или мифологический характер. Например, Троя воспринимается больше в связи с Генрихом Шлиманом или кинофильмом, нежели с самим городом. Более того, хотя большинство ученых придерживаются того мнения, что Шлиман нашёл именно Трою, на самом деле, полной гарантии идентификации данного города в роли мифологической Трои Гомера не существует. Тутанхамон воспринимается многими через находку Говардом Картером не разграбленной гробницы этого юного правителя, а не в качестве фараона Нового царства и т.д.

Подводя итог рассмотрению «объектов археологического наследия» ещё раз важно отметить следующее: всесторонний анализ показал, что «памятники археологии» являются отдельным феноменом в системе сохранения и трансляции культуры и в следующей главе будет рассмотрен современный статус феномена «памятник истории и культуры» как другого самостоятельного явления в области наследования и сбережения культурной идентичности.

ГЛАВА 3. СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ «ПАМЯТНИКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ» В РОССИИ

Ядром нашего существа является акт восприятия, а магической тайной нашего бытия - акт осознания. Восприятие и осознание является обособленной нерасчленимой функциональной единицей.

Карлос Кастанеда³¹⁵

В последней главе на основе проведенного выше анализа формулируются основные признаки, свойства и функции «памятников» так, как они понимаются в России. Рассматривается современный статус феномена «памятник истории и культуры» как в международной практике, так и его особенности в российской ментальности, и на основе всестороннего анализа предлагается наиболее общее определение данного феномена. Заключительный раздел посвящён роли «памятника истории и культуры» как носителя национальной российской идеи.

Признаки, свойства и функции «памятников истории и культуры»

Признак в математике, логике — то же, что и достаточное условие. В менее строгих науках слово «признак» употребляется как описание фактов, позволяющих (согласно существующей

³¹⁵Кастанеда Карлос. Второе кольцо силы. — С.127. [Электронный ресурс] URL: http://royallib.ru/book/kastaneda_karlos/vtoroe_koltso_sili.html (дата обращения 20.09.2012). (Карлос Сесар Сальвадор Аранья Кастанеда (исп. Carlos Cesar Salvador Araña Castaneda; 25.12.1925, Кахамарка, Перу – 27.04.1998, Лос-Анджелес, США) — американский писатель и антрополог, этнограф, мыслитель эзотерической ориентации и мистик, автор книг-бестселлеров, посвящённых шаманизму и изложению необычного для западного человека мировоззрения).

теории и т.п.) сделать вывод о наличии интересующего явления.³¹⁶

Свойство (в философии, математике и логике) - атрибут предмета (объекта).³¹⁷

Функция — многозначный термин, который означает такое отношение между элементами, в котором изменение в одном влечет изменение в другом.³¹⁸

Рассматривая феномен «памятник истории и культуры» как специфическую форму культурного наследия, имеет смысл проанализировать признаки, позволяющие идентифицировать его в ряду «культурных ценностей» как таковых. Необходимо отметить то, что феномен «памятник истории и культуры» является специфически русским и его признаки, свойства и функции являются отражением русской культурной традиции.

По классификации М.А. Александровой³¹⁹ и М.М. Богуславского³²⁰ выделяются следующие критерии «культурных ценностей»:

критерий «естественных свойств культурных ценностей» (движимые и недвижимые культурные ценности);

критерий культурной значимости (культурные ценности мирового, национального и местного значения);

критерий формы собственности на культурные ценности (культурные ценности, находящиеся в государственной, муниципальной или частной собственности);

критерий места нахождения культурных ценностей (культурные ценности, сосредоточенные в музейном, библиотечном, архивном и т.д. фондах и культурные ценности, находящиеся вне указанных фондов);

критерий оборотоспособности культурных ценностей и некоторые иные».

При попытке классификации «памятников истории и культуры» в силу их особого места в сфере культурного наследия, получается несколько другая картина. Необходимо отметить, что понимание автором данного исследования признаков, свойств и функций «памятника» базируется на памятниковедческом подходе А.М. Кулемзина: «Во-первых, сохранение историко-культурного наследия - это одна из сфер борьбы исторической науки против исторической фальсификации, просвещения против демагогии, демократии против тоталитаризма. В конечном итоге забота о памятниках - показатель степени цивилизованности общества. Во-вторых, использование исторического и культурного наследия - это забота о духовности общества, воспитание его на лучших художественных образцах. Но не слепое почитание символов.

³¹⁶Википедия. Признак. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Признак> (дата обращения 07.11.2012).

³¹⁷Википедия. Свойство. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Свойство> (дата обращения 07.11.2012).

³¹⁸Википедия. Функция (философия). [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Функция> (дата обращения 07.11.2012).

³¹⁹Александрова М.А Гражданско-правовой режим культурных ценностей в российской федерации. – С.38.

³²⁰Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте. Правовые аспекты. - М.,2005.- С.23.

Символы, облеченные зачастую в высокохудожественную форму, как правило, извращенно и лживо представляют историческое прошлое. Поклонение только лишь своим символам подталкивает к межнациональной, религиозной, социальной, расовой вражде. В-третьих, памятники истории и культуры являются эффективным средством воздействия на мировоззрение отдельного человека и больших социальных групп. Они являются одним из факторов формирования общественного сознания. С древнейших времен власть использовала силу эмоционального воздействия древних вещей и монументальных сооружений как для исторического просвещения, так и для оболванивания народа. В-четвертых, сохранение памятников - это сохранение непрерывности исторического ряда источников с целью более полного и точного воспроизведения исторических событий. В-пятых, вещественные памятники - это своеобразный вид исторических источников, где важны в равной степени и форма, и содержание потому, что основным содержанием памятника является его форма, физическая субстанция. Утрата формы есть утрата содержания. В связи с этим должны четко различаться две разных категории памятников: подлинники - где форма есть содержание; символы - где содержание является, как правило, противоречием формы. Следовательно, не всякий символ может претендовать быть памятником. Одним из условий памятникоохранительного законодательства должно быть разграничение памятников-подлинников и памятников-символов. Учитывая вышеизложенное, можно наметить основные принципы формулировки определения понятия памятник истории и культуры. Это:

- материальный объект;
- реальный след реальной истории;
- прошлая культура, в данном случае - это часть прошлой истории;
- источник информации (знаний), получаемой прямым путем;
- предмет научного подсознания;
- средство воздействия на эмоции;
- средство педагогического воздействия на личность»³²¹.

Таким образом, у «памятника» выделяются признаки, из которых наиболее важными являются:

- материальность, которая отделяет его от духовного культурного наследия, тем не менее, именно его духовность выделяет его в кругу других материальных объектов;

- антропогенность, так как она выделяет «памятники истории и культуры» в ряду наследия и в частности проводит грань между культурным и природным наследием;

- недвижимость, что означает, что «памятники» так прочно связаны с землей, что их перемещение без несоразмерного ущерба невозможно («культурные ценности», не относящиеся к недвижимым, являются движимыми);

³²¹Кулемзин А.М. Правильное определение предмета памятникоохранительной деятельности – начало ее успеха.// Клио. – СПб, 1998. – С. 136.

- уникальность – то есть неповторимость, соотношенная с пространством и временем.

Кроме признаков «памятники истории и культуры» обладают свойствами. Под свойствами в рамках данного исследования понимается, в первую очередь, воздействие «памятника» на индивида. Как всё материальное, «памятник» обладает сенсорным воздействием, как культурное наследие – эмоциональным (или же духовным) воздействием. Кроме того, «памятник» обладает свойством презентации историчности, причём под этим свойством понимается то, что он, будучи создан в какой-то конкретный момент времени, вслед за своим создателем, в отличие от других проявлений материального бытия, преодолевает ограничения времени и, в конечном счете, пространства. Несмотря на то, что «памятник» является элементом всемирной культуры, он обладает свойством национальной самобытности. Это позволяет выделять «памятники», к примеру, Российской Федерации из ряда всех объектов мирового культурного наследия. На уровне более подробной детализации можно выделить из ряда российских «памятников», к примеру, «памятники» новгородские. На локальном новгородском уровне – валдайский. И наконец, «памятник» обладает свойством быть источником информации. При этом он является носителем исторической, эстетической и технологической информации³²². Именно через эти свойства и реализуется его сущность сохранения и традирования культуры.

В рамках правоведения (Н.Н. Аверченко, Н.Д. Егоров, Д.В. Мазеин, А.П. Сергеев)³²³ «памятники истории и культуры», как и любые материальные объекты, подразделяются на две группы: «простые» (в данном случае «индивидуально-определенные вещи» - вещи, отличающиеся присущими лишь им свойствами и характеристиками, которые позволяют выделить их из общей массы других однородных вещей) и «сложные» вещи. Данный вопрос представляет интерес с точки зрения свойства неделимости «памятника истории и культуры», так как именно неделимость и уникальность придают духовность материальному объекту. Несмотря на то, что большая часть «объектов культурного наследия» является простыми вещами, в последнее время наблюдается тенденция к рассмотрению их в виде сложных вещей. Сложные вещи могут состоять из разнообразных недвижимых «культурных ценностей» или же из совокупности движимых и недвижимых «культурных ценностей». Кроме того, сложные недвижимые вещи могут состоять как из только «объектов культурного наследия», так и из «объектов культурного и природного наследия». В свою очередь сложные вещи представляющие совокупность разнородных вещей, могут представлять собой предыдущие категории плюс музеефицированные или не музеефицированные движимые

³²²Памятники истории и культуры как культурно-исторический феномен. – С. 8-9.

³²³См. Аверченко Н.Н. Правовой режим сложных вещей. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. - СПб. 2005. - С.6.; Комментарий к Ч.1 ГК РФ (Под ред. Н.Д. Егорова, А.П. Сергеева). - М.: Проспект, 2005. - С.310; Мазеин, Д. В. Некоторые проблемы правового регулирования гражданского оборота движимых культурных ценностей // Журнал российского права. N 9, 2004. - С. 44; Сергеев А.П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. - Л., 1990. – С. 127.

«культурные ценности». Если «памятник» является сложной вещью, то все предметы, входящие в него, являются неотделимыми. Неотделимость не означает физической невозможности разделения объекта на составные части. В данном случае неотделимость означает запрет законодательству на выделение частей, перечисленных в «Паспорте объекта культурного наследия» из состава «памятника». Закон об ОКН включает группы изолированных или объединенных «памятников» (монастыри, храмовые комплексы, фортификационные сооружения, произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства, историко-культурные заповедники, исторические поселения и т.д.), которые являются сложными «памятниками истории и культуры». Наряду с ними существуют сложные объекты, сформированные из объектов как культурного, так и природного наследия (историко-культурные заповедники, музеи-заповедники, мемориальные заповедники и т.д.)³²⁴. Нужно отметить, что в соответствии с международными тенденциями последних лет, Закон об ОКН большое внимание уделяет охране сложных «объектов культурного наследия», включающих как антропогенные, так и природные объекты. В этой связи был введен дополнительный термин «культурный ландшафт», который широко используется в современной научной литературе³²⁵. Сложные объекты состоят и из «объектов культурного наследия», и из зданий и сооружений, не являющихся таковыми³²⁶. Поэтому к сложным «памятникам истории и культуры» можно отнести и сам «памятник» вместе с зоной его охраны. То есть практически все наиболее типичные «памятники истории и культуры» это простые объекты. Сложный объект, обычно, представляет собой, не застывший слепок с него в какой-то конкретный момент времени, а функционирование совершенно другого «объекта культурного наследия», сформированного как новое образование разновременными «памятниками истории и культуры» и неотъемлемыми с ними движимыми «культурными ценностями».

Наряду с признаками и свойствами «памятника истории и культуры» необходимо определить в отдельную категорию его функции в социуме. Таких функций можно выделить, по крайней мере, десять:

- гносеологическая – она является производной от понимания «памятника» как источника информации, а, следовательно, его познаваемости (в том числе имеется в виду образовательная функция);

- философская функция – способность оказывать разнообразное влияние на формирование мировоззрения людей в различные исторические периоды;

³²⁴Постановление Правительства РФ от 03 ноября 1994 №1205 «Об утверждении Положения о государственном мемориальном и природном заповеднике «Музей усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»» // СЗ РФ. 1994. №29. ст. 3034.

³²⁵Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия АН. Географическая серия. 2001. №1. С.7.

³²⁶Мартынов А.И. О зарубежном опыте охраны и использования археологических памятников // Материалы научно-практической конференции «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края». Барнаул. 1996. С.12-18.

- воспитательная – позволяющая его использовать для традирования культуры (включая идеологическое, нравственное, эстетическое, культурно-экологическое и политическое воспитание)³²⁷;

- социальная (коммуникативная) - как средство перехода от индивидуальной идентичности к «коллективной идентичности», то есть функция, дающая возможность человеку социализироваться;

- утилитарная – в силу не подвижности «памятник» является тем или иным видом имущества, которое используется обществом в определенных целях³²⁸ («Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры», утвержденная Приказом Министерства Культуры СССР от 13 мая 1986 г. №203, выделила 4 группы по характеру возможного использования «памятников»: первая – памятники, которые можно использовать только в научных, культурно-просветительных, учебно-воспитательных целях; вторая – объекты, которые можно использовать исключительно в музейных и иных целях, обеспечивающих их оптимальную сохранность и доступность для туризма; третья – те памятники, которые сохранили в значительной мере свое функциональное назначение и могут быть использованы для тех же или близких им целей; четвертая – объекты, которые утратили в значительной мере свое функциональное и историко-художественное значение и могли быть использованы в практически любых целях без ущерба для их сохранности и историко-художественной ценности);

- идеологическая – в различные периоды исторического развития «памятники» служили для продвижения различных идеологий, причем зачастую их воздействие на сознание было значительно более сильным, чем слово;

- политическая – в силу того, что «памятники» являются объектами сильного эмоционального воздействия, они используются в политической борьбе даже в рамках одной идеологической системы³²⁹;

- символическая – эта функция двоякая: с одной стороны, многие «памятники» являются символами в честь каких-то событий и явлений, с другой, значительно реже «памятники истории и культуры» становятся легко узнаваемыми символами, с которыми ассоциируются города, страны, личности³³⁰;

- экономическая – так как «памятник» с точки зрения экономики является товаром³³¹,

³²⁷Памятники истории и культуры как культурно-исторический феномен. – С. 12.

³²⁸См. например: Загвоздина И. Авиакассы уступят место бутик-отелю // Metro С.-Петербург. 2010. 15 сентября. С. 16; Вершинина Н. Ночь в городском музее // «Деловой Петербург». № 26. 2011. 24 февраля. С. 6-7.

³²⁹См., в частности: Карманова А. Живой проект живому // Петербургский дневник. № 34. 2010. 30 августа. С. 17; Макаров В. Плюсы «Охта центра» перевесят любые минусы // Петербургский дневник. № 42. 2010. 25 октября. С. 8.

³³⁰Мазо Б. Нужно больше имперского блеска / Б. Мазо // «Деловой Петербург». № 36. 2009. 3 марта. С. 14-15.

³³¹См., например: Васюков М. Петровский остров встает на рельсы // «Деловой Петербург». № 216. 2009. 17 ноября. С. 6-7; Дылева Е. На крыше прорубить окно // «Новая газета». № 88. 2009. 26 ноября. С. 20; Лиханова Т. Минотавр Миллера поселится в Александровском парке // «Новая газета». № 16. 2010. 4 марта. С. 12; Голубкова М. Больница под снос // Российская газета. № 203. 2010. 9 сентября. С. 13; Климова Т. Новый

- коррупционная - являясь уникальным товаром, «памятник», как правило, расположен либо в центре поселения, либо на лучшем, с точки зрения ландшафта, земельном участке. При этом зачастую величина земельного участка, являющегося также «памятником истории и культуры» (парк, сад, двор и т.д.), также значительно большего размера, чем у обычного недвижимого имущества. Комплекс этих факторов создаёт условия для различных коррупционных манипуляций вокруг «объектов культурного наследия»³³².

В то же время для «памятников истории и культуры» ряд критериев не оказывает определяющего влияния. К таким относится критерий формы собственности, так как статус «памятника» от этого не изменяется.

Не играет существенной роли и критерий оборачиваемости, так как любой товар всегда является оборачиваемым. При этом необходимо отметить, что долгое время существовал запрет на оборачиваемость «памятников» федерального значения. Согласно Пункту 1 Статьи 50 Закона об ОКН «объекты культурного наследия, отнесенные к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации, памятники и ансамбли, включенные в Список всемирного наследия, историко-культурные заповедники и объекты археологического наследия отчуждению из государственной собственности не подлежат»³³³, то есть являются изъятыми из оборота. Это положение не является абсолютным, так как можно передать имущество в государственную компанию со 100% государственным капиталом, а потом её обанкротить и на совершенно легальных обстоятельствах, через кредитную массу продать или передать кому угодно³³⁴. А Пунктом 2 той же Статьи предусмотрено то, что «объекты культурного наследия религиозного назначения могут передаваться в собственность только религиозным организациям»³³⁵, то есть являются ограничено оборотоспособными. Это опять же является определенной условностью, так как любой или точнее любые три человека могут создать религиозную общину, скажем адвентистов 171 дня. И им придется передать религиозное имущество, если никто другой на него не заявляет прав. Многие монастыри фактически принадлежат в настоящее время 7-15 индивидам, хоть и в монашеской рясе. Законодательством предусмотрены специальные меры по обеспечению сохранения культурного наследия. Так, Пункт 2 Статьи 233 ГК РФ предусматривает право государства на собственность на вновь

голландец Абрамович // «Деловой Петербург». № 184. 2010. 12 ноября. С. 6-7; Абрамовичу отдали Новую Голландию // Metro С.-Петербург. 2010. 16 ноября. С. 5; Архитектурно-торговые комплексы // Петровский курьер. № 41. 2010. 17 ноября. С. 2; Лиханова Т. Тактика выжженной земли // «Новая газета». № 21. 2011. 31 марта. С. 22.

³³²См., например: Кузнецова Ю.С. Экономика приватизации объектов культурного наследия федерального значения: выпускная квалификационная работа. СПб. Гос. университет информационных технологий, механики и оптики. – СПб., 2008. – С. 129; Кузнецова Ю.С., Лардугин А.А., Шухободский А.Б. Приватизация объектов культурного наследия федерального значения // Реставрационный ежегодник 2008. – СПб., 2008 - С. 63-64; Лиханова Т. Коррупционный базис смольнинских новостроек // «Новая газета». № 74. 2010. 7 октября. С. 13; Шамакина К. Азербайджанская «дача со львами» // «Деловой Петербург». № 4. 2011. 19 января. С. 6-7.

³³³Пункт 1. Статья 50. Закон РФ от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. №26. ст.2519.

³³⁴Подробнее см. Кузнецова Ю.С. в перечисленных работах.

³³⁵Пункт 2. Статья 50. Закон РФ от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. №26. ст.2519.

обнаруживаемые «памятники истории и культуры», а Статья 240 ГК РФ - возможность принудительного выкупа бесхозно содержащихся «культурных ценностей» у собственника.

Не играет роли и критерий местонахождения, так как будучи недвижимым, «памятник» не может поменять свое местоположение. В исключительных случаях по решению органов власти Российской Федерации может быть осуществлен перенос «памятника истории и культуры», если других возможностей обеспечить его сохранность не существует. В редких случаях в различные периоды истории имел место перенос отдельных «памятников» (в первую очередь – монументов), но исключительность таких действий позволяет использовать данный критерий в индивидуальном порядке.

Предметом отдельной дискуссии может стать правомерность выделения критерия культурной значимости, причём, согласно современной традиции, выделяются: «объекты всемирного наследия», «особо ценные объекты культурного наследия»; «объекты культурного наследия федерального, регионального и местного значения», кроме того есть ещё и категория «выявленных объектов культурного наследия». С точки зрения всех предыдущих рассуждений, выделение данного критерия является абсурдным, так как не имеет никакого отношения к «памятнику» как феномену «культурная ценность», а лишь соотносит «объекты культурного наследия» в якобы существующей иерархической системе. С точки зрения автора данного исследования, «памятник истории и культуры» либо является «памятником», либо не является таковым. Не может один «памятник» сохраняться больше, а другой меньше, так же как не может быть эфемерна его роль в культурном наследовании. Если «памятник истории и культуры» выделяется в отдельный феномен и его функции, признаки и свойства соответствуют пониманию данного явления, то никакой роли не должна играть его культурная значимость, ибо это есть понятие глубоко субъективное.

Спорным является и предложенное А.М. Кулемзиным разделение на памятники-подлинники и памятники-символы, так как такое деление является опять же субъективным. К примеру, к чему можно отнести современный ансамбль Петродворца? Большая часть как фонтанов, в частности, Самсон являются новоделами, так же как и большая часть убранства большого дворца или весь Церковный корпус. Таким же примером является и Храм Христа Спасителя, и множество других объектов, которые были восстановлены после очень сильного или полного разрушения.

Для осмысления отличия русского понимания культурных смыслов феномена «памятник истории и культуры» от европейско-североамериканской позиции по данному вопросу показательным представляется подход к «памятникам» («объектам культурного наследия») Корнелиуса Холторфа³³⁶. Он выделяет следующие «смыслы» (meanings) «памятника», воспринимаемые человеком (некоторые «смыслы» им даются в двойном, не совсем совпадающем варианте). Это: ностальгия или тоска по прошлому (восхищение); идентичность

³³⁶Holtorf Cornelius. (2000-2008) Monumental Past.

(предмет гордости); прогресс или достижение; легитимация (уверение, идеология); аура (подлинность, чувство уважения); сохранение; осквернение (неуважение, уничтожение); физическое использование (убежище, использование в качестве камня); развлечение (игра, приключение); памятник предмет изучения; космология³³⁷. При этом Холторф отмечает, что не все «смыслы» и не во все времена имели равную значимость для индивидов.

Согласно Эмме Блейк³³⁸, большое разнообразие в значении «смыслов» существует среди различных обществ и времен, различных социальных групп и разных индивидов. «Памятники» представляют ряд постоянно изменяющихся значений, которые отражают то, в каком свете их рассматривают. То есть в различные времена люди конструировали «памятники» через своё восприятие таким образом, что оно придавало им смысл именно в определенный исторический отрезок времени, образуя часть придуманных ими миров.

Из приведенного следует, что в других культурах классификация свойств, признаков и категорий того, что в России тематизируется как «памятник истории и культуры» существенно отличается и не идентична российскому восприятию феномена.

Среди современных отечественных научных классификаций терминологии, имеющей отношение к материальному культурному наследию, представляет интерес классификация, предложенная А.В. Лисицким. Он выделяет 4 группы: 1) «Утилитарно-практическую», «внутреннюю», демонстрирующую взгляд на наследие с точки зрения правовых и имущественных отношений в обществе, жизни, объекта политики и т.д., т.е. системы всех внешних взаимосвязей; 2) «Информационную», или «синергетическую». Этот подход к терминологии связан с взаимосвязью между культурой, наследием и информацией; 3) «Экономическую». Здесь понятийный аппарат четко связан с проблемами и перспективами использования наследия в качестве ресурса для экономического развития, туризма и проч.; 4) «Социально-экономическую и гуманитарную». Такая трактовка связана с рассмотрением наследия как ресурса развития для общества в целом, включая не только экономические, но и широкий круг социальных и гуманитарных аспектов, в том числе образование, борьбу с бедностью, качество жизни, устойчивое развитие и т.д.³³⁹ Приведенный подход отражает постепенную коммерциализацию культурного наследия. Проведенное А.В. Лисицким исследование «показывает также, что в российской теории и практике могут быть применены следующие новые для них западные концепции и теории в сфере культурного наследия: - концепция прошлого в настоящем, которая в традиции постмодернизма представляется результатом синтеза множества

³³⁷В связи с тем, что многие из используемых терминов многозначны приведем авторский текст «nostalgia, admiration; identity, pride; progress; legitimation, reassurance, ideology; aura, authenticity, respect; preservation; desecration, disrespect, destruction; physical uses, shelter, stone use; entertainment, play, adventure; 'denk-mal'; study; cosmology» - цитируется по Holtorf Cornelius. (2000-2008) *Monumental Past*.

³³⁸Blake Emma. *Negotiating Nuraghi: Settlement and the Construction of Ethnicity in Roman Sardinia*. In K. Meadows, C. Lemke and J. Heron (eds). *TRAC 96. Proceeding of the Sixth Annual Theoretical Roman Archaeological Conference*, Sheffield 1996. – Oxford: Oxbow, 1997. – pp. 113-119.

³³⁹Лисицкий А.В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития. – С. 123.

исследовательских подходов и методологий; - теория превалирования политико-идеологических факторов над иными при создании продукта наследия или «идеологическая гипотеза»; - теория коммодификации (товаризации) наследия, объясняющая сущность процесса превращения физического культурного или исторического ресурса в товар или продукт с помощью теории маркетинга и являющаяся одной из наиболее эффективных и значимых фундаментальных основ современного менеджмента наследия (менеджмента культурных ресурсов)³⁴⁰. Не разделяя в полной мере положительного влияния тенденции на товаризацию наследия и его глобализацию, необходимо признать, что эти явления имеют место и создают достаточно серьёзную угрозу самобытности российского культурного наследия. Подтверждением такой тенденции служит и «Петербургская стратегия сохранения культурного наследия», в которой прямо заявлено, что: «Культурное наследие - духовный, культурный, экономический и социальный капитал невозместимой ценности. Наравне с природными богатствами это главное основание для национального самоуважения и признания мировым сообществом. Постиндустриальная цивилизация осознала высочайший потенциал культурного наследия, необходимость его сбережения и эффективного использования как одного из важнейших ресурсов мировой экономики»³⁴¹. Ещё больше товарная составляющая «памятников истории и культуры» России подчеркивается П.М. Шульгиным, который сводит её к денежной оценке: «Самая приблизительная оценка их стоимости, основанная на восстановительных затратах и не учитывающая в достаточной мере художественную ценность и уникальность объектов, дает величину, примерно равную 230 млрд. долларов»³⁴².

Таким образом, в этом разделе показаны изменения, происходящие в России, в осознании свойств, признаков и социальных функций «памятника истории и культуры». Отмечена тенденция к товаризации данного феномена и ущербность использования в отношении него категорий историко-культурного значения, противоречащих самой сущности данного явления как специфической формы «культурной ценности».

Юридический статус «памятника истории и культуры» в нормативно правовом пространстве

Ничто так не защищено правом,
как бесправие.

Леонид С. Сухоруков³⁴³

³⁴⁰Лисицкий А.В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития. – С. 124.

³⁴¹Петербургская стратегия сохранения культурного наследия. Глава 1.[Электронный ресурс] URL: http://www.gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/c_govcontrol/proekt (дата обращения 07.06.2011).

³⁴²Шульгин П.М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития // Мир России № 2, 2004. - С. 129. Для справки эта величина мизерна и составляет примерно шестую часть годового ВВП Российской Федерации.

³⁴³Liberia. Афоризмы. Пословицы. [Электронный ресурс] URL: <http://www.libreria.ru/aphorismes/autors/2822/> (дата обращения 05.11.2012). (Леонид Семёнович Сухоруков (укр. Леонід Семенович Сухоруков, род. 2 января

Ранее проведенный в данной книге анализ «памятника истории и культуры» не затрагивал феномен в его «юридическом статусе», то есть его статус в системе правовых отношений, которые возникают между отдельным феноменом и государством и которые характеризуют его положение в обществе. Понятие «юридический статус» существенно отличается от широко используемого понятия «правовой режим», который представляется как совокупность средств, направленных на достижение какой-либо общественной цели. В современности именно «юридический статус» выделяет «памятники истории и культуры» в ряду других объектов недвижимости, даже если последние являются «культурными ценностями». В этом разделе рассматриваются юридические аспекты номинации «объекта культурного наследия» на наднациональном уровне, который в силу ратификации Российской Федерацией международных конвенций оказывают существенное влияние на номинацию «памятников истории и культуры» в России. Кроме того проанализирована иерархия нормативных актов Российской Федерации, юридически номинирующих «культурные ценности» на получение статуса «памятник истории и культуры».

В современном международном праве насчитывается более 100 международно-правовых актов универсального и регионального характера, так или иначе связанных с «объектами культурного наследия» или регламентирующих вопросы выявления, сохранения, охраны, изучения и популяризации «памятников истории и культуры» и правового режима «культурных ценностей» вообще. Юридическую основу международной системы сохранения культурного наследия составляют правовые акты ЮНЕСКО³⁴⁴. Это конвенции и рекомендации, которые, в конечном счёте, формируют не только всемирное понимание подходов к проблеме «памятников истории и культуры» и определяют их статус, но и оказывают гармонизирующее влияние на развитие региональных и национальных подходов к решению этих вопросов. При этом необходимо отметить, что в международной системе сохранения культурного наследия «культурные ценности» рассматриваются в самом широком смысле этого понятия, включая движимые и недвижимые, материальные и нематериальные ценности. Тем не менее, несмотря на универсальность подхода к «объектам культурного наследия», сформированного на международном уровне, за суверенными государствами остается главенствующая роль на собственное понимание феномена и определение его статуса в той части, которая не противоречит его общемировому восприятию. Рассматривая несколько наиболее значимых международных правовых актов, относящихся к вопросам регулирования отношений, складывающихся по поводу «культурных ценностей», и «объектов

1945, Харьков, УССР) — советский и украинский писатель, мастер афоризма. Пишет на русском, украинском и английском языке одновременно. Первый автор из бывшего СССР, чья книга избранных афоризмов была издана в Европе на английском языке).

³⁴⁴В связи с острой дискуссией по вопросу о строительстве «Охта центра» в Санкт-Петербурге в российском обществе возникло неоднозначное отношение к деятельности и роли ЮНЕСКО в вопросах сохранения наследия. См., к примеру, Сохранить наследие или лицо? // Невское время. 2010. 14 августа. С. 4.

культурного наследия», в каждом из которых применяется свое определение исследуемого в данной книге феномена, сформулированное «для целей данного акта»³⁴⁵, необходимо отметить, что используется метод перечисления категорий или типов.

В различных источниках неоднократно отмечалось, что определение исследуемого понятия через перечни не может способствовать выработке единого универсального критерия для определения как понятия «культурная ценность»³⁴⁶, так и понятия «памятник истории и культуры». В тоже время, как в документах международного права, так и в рамках национальных законодательств не предпринималось попыток использования универсального содержательного определения «культурной ценности» и «объекта культурного наследия», в частности, из-за объективной сложности выработки понятия этих феноменов и постоянного изменения их понимания во временном континууме.

Первыми международными актами, заложившими основу юридической системы «охраны памятников», были Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг.³⁴⁷. В них не было сформулировано само понятие «памятник истории и культуры», но «памятникам» придавался особый статус. Статья 27 Конвенции о законах и обычаях войны 1907 г. гласит следующее: «При осадах и бомбардировках должны быть приняты все необходимые меры к тому, чтобы щадить, насколько возможно, храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности, исторические памятники, госпитали и места, где собраны больные и раненые, под условием, чтобы таковые здания и места не служили одновременно военным целям» И далее статья 56 указывает на особый статус объектов культурного наследия: «Собственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных, хотя бы принадлежащих Государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспрещаются и должны подлежать преследованию».

Впервые вопросы, связанные только с «культурными ценностями», были рассмотрены в «Договоре об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников, подписанном в Белом Доме представителями двадцати одной американской республики 15 апреля 1935 г. в 12 часов дня» (далее — Пакт Рериха)³⁴⁸. Этот договор придавал «памятникам истории» на территории государств-членов Панамериканского союза³⁴⁹ статус нейтральных

³⁴⁵Богуславский М.М. Пакт Рериха и защита культурных ценностей // Советское государство и право. 1974. №10. - С.113.

³⁴⁶Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте. Правовые аспекты. - М., 2005. - С.23.

³⁴⁷Конвенция о законах и обычаях войны. Гаага, 18 октября 1907 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cneat.ru/konv.html> (дата обращения 13.06.2011).

³⁴⁸Пакт Рериха: 70 лет. Материалы Международной научно-практической конференции 15 апреля 2005 г. - СПб., 2005. - 396 с.

³⁴⁹Панамериканский союз (англ. Pan-American Union) — межамериканская организация, в разное время, начиная с 1890 г. и по настоящее время под разными названиями выполнявшая функции консультативного органа американских республик, рабочего органа Организации американских государств.

объектов, пользующихся уважением и покровительством воюющих стран, как в мирное время, так и во время войны. В то же время «памятники истории» переставали пользоваться привилегиями в случае их использования в военных целях.

После Второй мировой войны все международные правовые аспекты, касающиеся культурного наследия, переходят под эгиду ООН и её профильных организаций и комитетов. Позже на региональных уровнях создаются органы или организации, в сферу действия которых входят задачи по формированию региональной правовой базы. И наконец, замыкают эту систему национальные законодательства и подзаконные акты.

Впервые «памятники истории и культуры» получили юридическое определение в Гаагской конвенции 1954 г. Это определение уже приводилось во втором разделе Главы 1. Здесь же ещё раз можно обратить внимание на то, что в тот период не проводилось деление на движимые и недвижимые «культурные ценности». Но им придавался особый статус, и уже в преамбуле обращалось внимание на то, что для эффективной защиты «культурных ценностей» (имущества) в случае вооруженного конфликта их защита должна быть организована ещё в мирное время принятием как национальных, так и международных мер. Защиту «культурных ценностей» конвенция трактовала как охрану и уважение этих ценностей³⁵⁰. В статье 4 говорится: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются уважать культурные ценности, расположенные на их собственной территории, а также на территории других Высоких Договаривающихся Сторон, запрещая использование этих ценностей, сооружений для их защиты и непосредственно прилегающих к ним участков в целях, которые могут привести к разрушению или повреждению этих ценностей в случае вооруженного конфликта, и воздерживаясь от какого-либо враждебного акта, направленного против этих ценностей». Особо указывается, что «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются, кроме того, запрещать, предупреждать и, если необходимо, пресекать любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в какой бы то ни было форме, а также любые акты вандализма в отношении указанных ценностей. Они запрещают реквизицию движимых культурных ценностей, расположенных на территории другой Высокой Договаривающейся Стороны... Они должны воздерживаться от принятия любых репрессивных мер, направленных против культурных ценностей». В дополнение к этому «культурные ценности» могли быть переданы под специальную защиту, которая предоставлялась путем внесения их в «Международный Реестр культурных ценностей, находящихся под специальной защитой»³⁵¹. В статье 9 указано, что «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются обеспечить иммунитет культурных ценностей, находящихся под специальной защитой, воздерживаясь, с момента включения их в Международный Реестр, от любого враждебного акта, направленного против них, а также воздерживаясь от использования таких

³⁵⁰Гаагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. – С. 5.

³⁵¹Там же. – С. 8.

ценностей и прилегающих к ним участков в военных целях»³⁵². Таким образом, Гаагской конвенцией, «памятникам истории и культуры» придавался специальный статус особо охраняемых объектов. Это означало повышение их статуса по сравнению с предыдущими конвенциями и Пактом Рериха. Последующие конвенции и рекомендации ЮНЕСКО позволили четко разделить движимые и недвижимые «культурные ценности» и выделить их в отдельные группы объектов культурного наследования.

Формирование концепции «Всемирного культурного и природного наследия» происходило на основе принятия в конце 60-х годов XX в. в доктрине международного публичного права понятия «общее наследие человечества». Кратко суть концепции «Всемирного культурного и природного наследия» можно сформулировать следующим образом: «культурные ценности», являющиеся национальным культурным наследием, признаются всемирным наследием человечества. Причём право собственности на эти «культурные ценности», даже при оккупации, не может быть присвоено другим государством, и государства в соответствии с внутренним законодательством имеют право объявлять некоторые «культурные ценности» неотчуждаемыми³⁵³.

Ведущую роль в процессе формирования концепции сыграла Конвенция ЮНЕСКО 1972 г. Она констатировала, что «культурному и природному наследию все более угрожает разрушение, вызываемое не только традиционными причинами повреждений, но также и эволюцией социальной и экономической жизни, которая усугубляет их еще более опасными, вредоносными и разрушительными явлениями»³⁵⁴. Преамбула этого документа гласит: «принимая во внимание, что повреждение или исчезновение любых образцов культурной ценности или природной среды представляют собой пагубное обеднение достояния всех народов мира, принимая во внимание, что охрана этого наследия на национальном уровне часто бывает недостаточной в связи с объемом средств, которых она требует, и недостаточностью экономических, научных и технических ресурсов страны, на территории которой находится ценность, подлежащая защите, напоминая, что в Уставе Организации предусматривается, что она помогает сохранению, прогрессу и распространению знаний, заботясь о сохранении и об охране всеобщего наследия человечества, а также рекомендуя заинтересованным народам заключение соответствующих международных конвенций, считая, что существующие международные конвенции, рекомендации и резолюции в пользу культурных и природных ценностей свидетельствуют о той важности, которую представляет для всех народов мира сохранение уникальных и незаменимых ценностей независимо от того, какому народу они принадлежат, принимая во внимание, что некоторые ценности культурного и природного наследия представляют исключительный интерес, что требует их сохранения

³⁵²Гаагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. - С. 10.

³⁵³Молчанов С.Н. Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие (достояние)» в международном праве. - С.20.

³⁵⁴Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия//Париж, 16 ноября 1972 г. – Париж, ЮНЕСКО, 1972. – С. 1.

как части всемирного наследия всего человечества, принимая во внимание, что в связи с масштабом и серьезностью новых опасностей, которые им угрожают, все международное сообщество должно участвовать в охране природного и культурного наследия, предоставляя коллективное содействие, которое, не заменяя деятельности заинтересованного государства, на территории которого находится ценность, ее эффективно дополнит, принимая во внимание, что с этой целью необходимо принять новые договорные положения, устанавливающие эффективную систему коллективной охраны памятников выдающегося универсального, культурного и природного значения, организованную на постоянной основе в соответствии с современными научными методами»³⁵⁵. Основываясь на основных принципах ЮНЕСКО и всей системы ООН, принимая во внимание те угрозы, которые грозят культурным ценностям Конвенция ЮНЕСКО 1972 г. предложила новые подходы к коллективной «охране памятников» и учредила постоянно действующий «Межправительственный Комитет по охране всемирного культурного и природного наследия» (Комитет всемирного наследия). Этим актом был значительно повышен статус объектов культурного наследия, и «памятники истории и культуры» были выделены в отдельный феномен всемирного значения. Конвенция ЮНЕСКО 1972 г. дала новое определение культурного наследия (это определение рассмотрено во втором разделе Главы 1), причем к нему стали относить только недвижимые «памятники истории и культуры». Кроме того, Конвенция отделила его от природного наследия, которое также получило своё определение. Особый статус «памятников истории и культуры» был определен созданием положений о международной³⁵⁶ и национальной³⁵⁷ охране культурного наследия. В Конвенции ЮНЕСКО 1972 г. было сформулировано определение международной охраны культурного и природного наследия. Под этим

³⁵⁵ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. 1972 г. – С. 2.

³⁵⁶ Там же. - С. 4. (Статья 4 гласит: «Каждое государство - сторона настоящей Конвенции - признает, что обязательство обеспечивать выявление, охрану, сохранение, популяризацию и передачу будущим поколениям культурного и природного наследия... которое расположено на его территории, возлагается прежде всего на него. С этой целью оно стремится действовать как путем собственных усилий, максимально использующих наличные ресурсы, так и, в случае необходимости, посредством международной помощи и сотрудничества, которыми оно может пользоваться, в частности, в финансовом, художественном, научном и техническом отношениях»).

³⁵⁷ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. 1972. – С. 4-5. (Статья 5 гласит: «Государства - стороны настоящей Конвенции, по возможности, стремятся, с тем чтобы обеспечить возможно более эффективную охрану и сохранение и возможно более активную популяризацию культурного и природного наследия, расположенного на их территории, в условиях, свойственных каждой стране: (а) проводить общую политику, направленную на придание культурному и природному наследию определенных функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программы общего планирования; (б) учреждать, если они еще не созданы, на своей территории одну или несколько служб по охране, сохранению и популяризации культурного и природного наследия, располагающих соответствующим персоналом и средствами, позволяющими выполнять возложенные на них задачи; (с) развивать научные и технические разработки и исследования и совершенствовать методы работы, позволяющие государству устранять опасности, угрожающие его культурному и природному наследию; (d) принимать соответствующие юридические, научные, технические, административные и финансовые меры для выявления, охраны, сохранения, популяризации и восстановления этого наследия; (е) содействовать созданию или развитию национальных или региональных центров подготовки в области охраны, сохранения и популяризации культурного и природного наследия, а также поощрять научные исследования в этой области).

термином понимается организация системы международного сотрудничества и помощи для оказания Государствам-Сторонам Конвенции помощи в усилиях, направленных на сохранение и выявление «памятников истории и культуры». Конвенция ЮНЕСКО 1972 г., уважая суверенитет государств, на территории которых находится культурное и природное наследие, и, не ущемляя прав, предусмотренных национальным законодательством в отношении указанного наследия, признала, что оно является всеобщим наследием, для охраны которого всё международное сообщество обязано сотрудничать. Конвенцией был создан новый статус культурного наследия – «всемирное наследие». Отнесение объектов к этому статусу происходит на основании заявок государств Комитетом всемирного наследия, путем составления «Списка всемирного наследия». Наднациональный характер действия Комитета определяется тем, что в любой момент им может быть составлен по собственному усмотрению «Список всемирного наследия, находящегося под угрозой».

Другим важным новшеством явилось то, что Конвенция ЮНЕСКО 1972 г. юридически закрепила сотрудничество Комитета всемирного наследия с международными и национальными, правительственными и неправительственными организациями, преследующими цели, аналогичные целям Конвенции. «Для целей выполнения своих программ и проектов Комитет может, в частности, прибегать к помощи Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей (Римский центр), Международного совета по охране памятников и исторических мест (ИКОМОС) и Международного союза охраны природы и естественных богатств (МСОП), а также государственных и частных органов и частных лиц»³⁵⁸.

Существенную роль для физической реализации всё возрастающего статуса «объектов культурного наследия» сыграло образование Конвенцией ЮНЕСКО 1972 г. «Фонда охраны Всемирного культурного и природного наследия»

Наряду с конвенциями ЮНЕСКО большую роль в определении статуса объекта культурного наследия имеют Рекомендации ЮНЕСКО по отдельным частным вопросам. Эти вопросы были подробно рассмотрены во втором разделе Главы 1. Здесь представляется логичным еще раз подчеркнуть, что статус объекта Всемирного культурного наследия определяется на основе «Руководства по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия» Комитета всемирного наследия, а вовсе не Конвенциями или Рекомендациями ЮНЕСКО.

Развивая международные правовые акты общемирового уровня, специалистами в данной сфере была сформирована региональная юрисдикция, определяющая особенности статуса и понятия «памятник истории и культуры» в рамках межнациональных объединений. Наиболее развитым является законодательство Европейского региона, на которое приходится более 40%

³⁵⁸Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. 1972. – С. 8.

зарегистрированного Всемирного культурного наследия. Такой высокий процент отражает не реальную картину количественного распределения «памятников истории и культуры» в мире, а трепетное отношение в Европе к сбережению и «охране культурного и природного наследия».

В настоящее время на европейском уровне нет ни одного списка «объектов культурного наследия» общеевропейской значимости, нет ни одной институциональной структуры, которая бы такой список составляла, ни в одном известном источнике европейского права не установлены качественные формально-юридические и материальные критерии отнесения той или иной культурной ценности к «объектам культурного наследия» Европы. Очевидно одно, что к общеевропейскому культурному наследию могут быть отнесены «памятники истории и культуры» не ниже национальной значимости.

Право Совета Европы в сфере культуры является научно-практическим фундаментом системы Европейского культурного права как целостной системы юридических принципов и норм, регулирующих международные связи правосубъектов в отношении культуры, «культурных ценностей» и культурной деятельности в Европе, и концептуально-методологической основой «охраны памятников культурного наследия»³⁵⁹. Под его эгидой принято более 400 правовых актов, регулирующих юридический статус «культурных ценностей», в том числе «объектов культурного наследия». Это: устав, конвенции, декларации, рекомендации, резолюции Комитета Министров, рекомендации, резолюции, и приказы Консультативной Парламентской Ассамблеи; декларации, резолюции, рекомендации и мнения Конгресса местных и региональных властей; резолюции и рекомендации конференций министров, ответственных за культурное наследие. Все эти акты образуют определенную иерархическую структуру, базирующуюся на принципах Европейского культурного права.

«Основные специальные принципы Европейского культурного права:

1. Принцип защиты и осуществления духовных и моральных ценностей (идеалов и принципов), составляющих общее культурное достояние (наследие) народов Европы (в системной связи пункты 3 и 4 Преамбулы, параграф а ст. 1 Устава Совета Европы³⁶⁰, Преамбула Хартии Европейского Союза об основных правах);

2. Принцип уважения и защиты единства общего наследия «культурных ценностей» государств Европы (в системной связи параграф а ст. 1, пункты 3 и 4 Преамбулы Устава Совета Европы);

3. Принцип защиты и уважения культурного разнообразия в Европе (в комплексной связи параграф 4 Преамбулы Европейской конвенции о совместном кинопроизводстве, параграф 1 ст. 151 Договора о Европейском

³⁵⁹ Молчанов С. Н. Сохранение и охрана памятников культурного наследия в рамках Совета Европы. [Электронный ресурс] URL: <http://smolchanov.narod.ru/CultLawCE.htm> (дата обращения 09.03.2011).

³⁶⁰ Устав Совета Европы, Лондон, 5.05.1949 г. (Серия Европейских договоров, №1)// Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия (Часть II)/ Сост. С.Н.Молчанов.– Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001, С. 45-61.

Сообществе, пункт 3 Преамбулы, ст. 22 Хартии Европейского Союза об основных правах, параграф 3 ст. 6 Маастрихтского договора);

4. Принцип защиты и поощрения развития национального вклада в общее культурное наследие (достояние) Европы (ст. 1 Европейской конвенции по культуре);

5. Принцип демократии (параграф 1 ст. 6 Маастрихтского договора, пункт 2 Преамбулы Хартии Европейского Союза об основных правах);

6. Принцип уважения и обеспечения прав человека и меньшинств в Европе (ст. 1 Европейской конвенции о защите прав человека, параграф 1 и 2 ст. 6 Маастрихтского договора, ст. 3 Устава Совета Европы, ст.ст. 1, 3, 4 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995 г.);

7. Принцип человеческого достоинства (пункт 2 Преамбулы, глава I Хартии Европейского Союза об основных правах);

8. Принцип свободы (параграф 1 ст. 6 Маастрихтского договора, пункт 2 Преамбулы, глава II Хартии Европейского Союза об основных правах);

9. Принцип правового государства (верховенства права и правосудия) (ст. 3 Устава Совета Европы, (параграф 1 ст. 6 Маастрихтского договора, пункт 2 Преамбулы, глава VI Хартии Европейского Союза об основных правах);

10. Принцип равенства (юридического равноправия) (пункт 2 Преамбулы, глава III Хартии Европейского Союза об основных правах);

11. Принцип солидарности (пункт 2 Преамбулы, глава IV Хартии Европейского Союза об основных правах);

12. Принцип сотрудничества европейских государств в сфере культуры и охраны культурного наследия (ст. 3 Устава Совета Европы, ст. 7 Европейской конвенции об охране археологического наследия 1969 г.);

13. Принцип уважения национальной, региональной и местной культурной самобытности государств Европы;

14. Принцип уважения культурной самобытности человека, национальных и этнических меньшинств в Европе»³⁶¹.

Все указанные выше отраслевые принципы должны осуществляться в свете главной цели Совета Европы и Европейского Союза – в свете сохранения и развития единства европейских народов, основанного на культурных ценностях, составляющих их общее культурное наследие. По мнению С.Н. Молчанова, право Совета Европы в области сохранения и «охраны культурного наследия» строится на нескольких базовых правовых принципах, которые составляют парадигму правового регулирования социальных отношений в рассматриваемой сфере. Они включают в себя: принцип европоцентризма; персонализм, правовое государство, демократию и устойчивое развитие; доктрину культурного единства и разнообразия Европы; концепцию общего культурного наследия народов Европы; принцип комплексного сохранения культурного наследия; включение аспектов сохранения культурного наследия в качестве составной части политики в сфере

³⁶¹Молчанов С. Н. Сохранение и охрана памятников культурного наследия в рамках Совета Европы.

культуры, устойчивого развития, планирования, благоустройства, градостроительства и экологии; основная, контролирующая и координирующая функции государства в процессе сохранения наследия; всестороннее развитие партнерских отношений, активное участие общественности и негосударственного сектора в целом в сохранении «памятников культурного наследия»³⁶².

Основа культурного права Европы заложена в «Уставе Совета Европы» от 5 мая 1949 г. Дальнейшее развитие базовых принципов реализованы, в первую очередь, через конвенции³⁶³, которые, являясь международными договорами, обладают обязательной силой для государств, являющихся их участниками. Государства-члены Совета Европы вправе свободно решать, становиться им или нет участниками той или иной конвенции, даже если они принимали участие в ее разработке.

Европейские конвенции отличаются от конвенций ЮНЕСКО тем, что в них не проводится четкого разделения на движимое и недвижимое наследие. В Конвенции об охране архитектурного наследия Европы от 3.10.1985 г., термин «архитектурное наследие», включает в себя недвижимость,³⁶⁴ однако, к «памятникам» относятся «все строения и конструкции, представляющие явный исторический, археологический, художественный, научный, социальный или технический интерес, включая приспособления и принадлежности для них»³⁶⁵. То есть наряду с недвижимым наследием включается и движимое.

Аналогично, согласно ст. 1 «Конвенции об охране археологического наследия 1969 г.», «памятниками археологии» «считаются все остатки и предметы или любые другие следы существования человека, являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, основным или одним из основных источников информации о которых являются раскопки или открытия»³⁶⁶. В ст. 1 «Конвенции об охране археологического наследия», пересмотренной в 1992 г., практически повторяется более раннее определение «объектов археологического наследия»³⁶⁷.

В рекомендательных актах Совета Европы, не носящих нормативный характер, происходит дальнейшее уточнение и развитие европейской терминологии, однако продолжает рассматриваться как недвижимое, так и движимое наследие. В приложении к Рекомендации Комитета министров № R (93)9 «Об охране архитектурного наследия от стихийных катастроф» от

³⁶² Молчанов С. Н. Сохранение и охрана памятников культурного наследия в рамках Совета Европы.

³⁶³ Среди Европейских конвенций можно выделить следующие: Европейская конвенция по культуре от 19.12.1954 г.; Европейская конвенция об охране археологического наследия от 6.05.1969 г.; Европейская конвенция по правонарушениям, связанным с культурными ценностями 1985 г., Конвенция об охране архитектурного наследия Европы от 3.10.1985 г., Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная 16.01.1992 г.), Европейская конвенция по ландшафтам от 20.10.2000.

³⁶⁴ «Конвенция об охране архитектурного наследия Европы от 3.10.1985 г.» (Серия Европейских договоров, №121)// Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия / Сост. С.Н.Молчанов.– Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. - С.57.

³⁶⁵ Конвенция об охране архитектурного наследия Европы от 3.10.1985 г. - С. 57.

³⁶⁶ Европейская конвенция об охране археологического наследия от 6.05.1969 г. – С. 31.

³⁶⁷ Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная, Валлетта, 16 января 1992 г. – С. 91-92.

23.11.1993 г. устанавливается, что «архитектурное наследие» включает памятники, группы строений и достопримечательности, как определено в ст. 1 «Конвенции об охране архитектурного наследия Европы», а также движимые объекты, имеющие особую историческую или эстетическую связь с охраняемыми строениями»³⁶⁸. Наиболее полное определение феномена «культурное наследие» дается в пункте 1 Раздела I Резолюции Комитета министров №(76)28 «О приведении законодательной и нормативной базы в соответствие с требованиями комплексного сохранения архитектурного наследия» от 14.04 1976 г.³⁶⁹. Согласно Статьи 1: «В целях данной резолюции рассматриваются как составные части недвижимого культурного наследия государства: - архитектурное наследие, состоящее из памятников и архитектурных ансамблей,- достопримечательные места. Под термином «памятник» следует понимать архитектурные творения, как значительные, так и скромные, в том числе движимые культурные ценности, недвижимые по назначению или по природе, а также произведения монументальной скульптуры, которые представляют собой исторический, археологический, художественный, научный, культурный или общественный интерес. Под термином «архитектурный ансамбль» следует понимать группу городских или сельских сооружений, которые отвечают следующим критериям: - представляют интерес либо своей исторической, археологической, художественной, научной, культурной или общественной ценностью либо своим типичным или живописным характером; - образуют связный ансамбль или замечательно вписываются в пейзаж; - достаточно сгруппированы, чтобы сооружения, структуры, их связывающие, и местность, в которой они расположены, можно было определить географически. Под термином «достопримечательное место» следует понимать зону с определёнными границами, творения природы или совместные творения человека и природы, замечательные своей красотой или своей исторической, археологической, художественной, научной, культурной или общественной ценностью»³⁷⁰.

Кроме того, в рамках создания нормативной базы Совета Европы в 1970 г. был разработан проект «Рамочного закона об активной охране недвижимого культурного наследия в Европе»³⁷¹, который носит рекомендательный характер для всех государств-членов Совета Европы. Таким образом, основы нормативной системы охраны и сохранения недвижимого культурного

³⁶⁸Рекомендация № R (93)9 «Об охране архитектурного наследия от природных катастроф// Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия / Научн.-производств. центр по охране памятников Свердлов. обл. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001 – С.274.

³⁶⁹Резолюция Комитета министров №(76)28 «О приведении законодательной и нормативной базы в соответствие с требованиями комплексного сохранения архитектурного наследия» от 14.04 1976 г.// Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия / Научн.-производств. центр по охране памятников Свердлов. обл. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001 – С.179.

³⁷⁰Там же.

³⁷¹Рекомендация Консультативной ассамблеи 612 (1970)Молчанов С.Н. Сохранение и охрана памятников культурного наследия в рамках Совета Европы. “О проекте рамочного закона об активной охране недвижимого культурного наследия в Европе” от 23.09.1970 г.// Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия / Сост. С.Н.Молчанов.– Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001, С.380-399.

наследия в рамках правовой базы Совета Европы построены на охране и сохранении архитектурного и археологического наследия.

Если Совет Европы создает нормативную базу, то Комитет культурного наследия (Cultural Heritage Committee – СС-РАТ) несет ответственность за мониторинг выполнения этих конвенций.

Не нормативный характер носят Рекомендации и резолюции Комитета Министров, хотя они и адресованы всем государствам-членам. По вопросам культурного наследия Комитетом Министров Совета Европы на начало XXI в. принято 40 деклараций, рекомендаций и резолюций.

Следующий уровень - это Резолюции ответственных министров. Это также документы не обязательного характера. Но Комитет Министров может использовать их в качестве модели для принятия рекомендаций и даже конвенций.

Одной из составляющих системы регуляции по вопросам культурного наследия в Европе являются акты Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Они включают в себя рекомендации Парламентской Ассамблеи, резолюции, мнения и приказы. По вопросам, связанным с культурным наследием, Парламентской Ассамблеей, и её предшественницей – Консультативной Ассамблеей выработано более 100 актов различного уровня.

И, наконец, наиболее низкий межгосударственный уровень представляет Конгресс местных и региональных властей Европы. Он является рабочим органом Совета Европы. И вносит большой вклад в сохранение «культурных ценностей». Им принято более 70 резолюций, рекомендаций, деклараций и мнений по вопросам их сохранения.

Далее можно рассматривать национальные законодательства, но это не является целью данного исследования.

Российское юридическое определение статуса «памятника» имеет в качестве своей основы целый ряд федеральных актов, представляющих иерархическую систему, которой присуща определенная внутренняя структура. Для неё характерен переход от наиболее общих понятий к всё большей их детализации при понижении уровня нормативных актов.

К законодательным актам, имеющим отношение к культурному наследию в Российской Федерации, относятся Конституция РФ, Гражданский кодекс, Уголовный кодекс³⁷², Земельный кодекс, Градостроительный кодекс, Основы законодательства РФ о культуре, Закон о недрах, Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»³⁷³, Закон о регистрации, Федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости»³⁷⁴, Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об

³⁷²Уголовный Кодекс Российской Федерации. С комментариями к последним изменениям. – М., Эксмо, 2011 – 272 с.

³⁷³Закон РФ от 14 марта 1995 г. №33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // СЗ РФ. 1995. №12. ст.1024.

³⁷⁴Закон РФ от 24 июля 2007 г. N 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» // СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 4017; 2008, № 30, ст. 3597, 3616; 2009, № 1, ст. 19; № 19, ст. 2283; № 29, ст. 3582; № 52, ст. 6410, 6419; 2011, № 1, ст. 47; № 23, ст. 3269; № 27, ст. 3880; № 30, ст. 4563, 4594.

охране окружающей среды»³⁷⁵, и основным и специализированным является Закон об объектах культурного наследия. Следующий уровень представляют Указы Президента РФ³⁷⁶. Ещё более низкий уровень представляют Постановления правительства. Наиболее существенным является Постановление Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 г. № 865 «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры» (далее – Положение об охране)³⁷⁷. Кроме того, имеется множество постановлений по частным вопросам³⁷⁸.

Следующим уровнем являются Инструкции Министерства культуры. К инструкциям по вопросам, связанным с культурным наследием, относятся:

- «Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры», утвержденная Приказом Министерства Культуры СССР от 13 мая 1986 г. № 203³⁷⁹; - «Инструкция по организации охраны объектов, хранящих культурные ценности, подразделениями вневедомственной охраны при органах внутренних дел РФ», утвержденная совместным Приказом Министерства Внутренних Дел, Министерства Культуры и Федеральной Архивной Службы от 25 мая 1998 г. №315/225/38³⁸⁰.

Как видно из данного обзора, в состав законодательства об «объектах культурного наследия» входят как нормативные акты, специально

³⁷⁵Закон РФ от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»// СЗ РФ от 14 января 2002 г. № 2 ст. 133.

³⁷⁶Указ Президента РФ от 30 ноября 1992 г. N 1487 «Об утверждении Положения об особо ценных объектах культурного наследия народов РФ» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. N 23. Ст. 1961; Указ Президента РФ №2121 от 26 ноября 1994 г. «О приватизации в Российской Федерации недвижимых памятников истории и культуры местного значения» // СЗ РФ. 1994. №32. ст. 3330; Указ Президента РФ «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения» от 20.02.1995 № 176 // СЗ РФ. 1995. N 9 ст. 734.

³⁷⁷Постановление Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 г. № 865 «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры» // СП СССР. 1982. № 26. ст. 133.

³⁷⁸Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» от 27 декабря 1991 г., № 3020-1 //Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 16 января 1992 г., N 3. ст.89; Постановление Правительства РФ от 5 июля 2001 г. № 504 «Об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов музейного фонда РФ, документов библиотечных фондов, архивного фонда РФ, а также кинофонда» // СЗ РФ. 2001. №29. ст. 3015; Постановление Правительства РФ от 03 ноября 1994 №1205 «Об утверждении Положения о государственном мемориальном и природном заповеднике «Музей усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» // СЗ РФ. 1994. №29. ст.3034; Постановление Правительства РФ от 16 декабря 2002 г. № 894 «Об утверждении Положения о порядке подготовки и выполнения охранных обязательств при приватизации объектов культурного наследия» // СЗ РФ. 2002. №51. ст. 5086; Постановление Правительства РФ от 17 июня 2004 г. N 301 «О Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия» // СЗ РФ. 2004. №25. ст. 2573; Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры». – С. 144-149.

³⁷⁹Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры, утвержденная Приказом Министерства Культуры СССР от 13 мая 1986 г. №203. Текст Инструкции не был официально опубликован.

³⁸⁰Инструкция по организации охраны объектов, хранящих культурные ценности, подразделениями вневедомственной охраны при органах внутренних дел РФ, утвержденная совместным Приказом Министерства Внутренних Дел, Министерства Культуры и Федеральной Архивной Службы от 25 мая 1998 г. №315/225/38 // Сборник законодательных и нормативных актов об архивном деле. М., 2002.

посвященные охране и использованию «памятников истории и культуры», так и отдельные статьи других нормативно-правовых актов, содержащие нормы, направленные на решение частных вопросов, связанных с «памятниками истории и культуры». В специальные нормативные акты, имеющие отношение к широкому кругу вопросов, связанных с «объектами культурного наследия», входят нормы различной отраслевой принадлежности. Это гражданско-правовые, административно-правовые нормы и даже нормы уголовного права.

По мнению М.А. Александровой³⁸¹, к административно-правовым нормам можно отнести нормы, регулирующие отношения по поводу выявления и учета «культурных ценностей», нормы, касающиеся отношений, складывающихся по поводу их государственной охраны и сохранения, нормы об административной ответственности за правонарушения, связанные с «памятниками истории и культуры», градостроительные нормы, нормы земельного законодательства и т.д. К гражданско-правовым нормам относятся нормы, отражающие гражданско-правовые особенности приобретения и прекращения права собственности на «объекты культурного наследия», нормы, устанавливающие ограничения права собственности на «памятники истории и культуры» и «культурные ценности»; нормы, посвященные особенностям оборота «объектов культурного наследия».

Современная рефлексия «памятника истории и культуры» в России

Что невыразимо в словах,
неистошимо в действии.
Чаньское изречение³⁸²

Проанализировав то, каким образом формируется юридический статус «объекта культурного наследия» на наднациональном уровне автор данного исследования полагает необходимым рассмотреть специфику определения феномена «памятник истории и культуры» на юридическом уровне в Российской Федерации.

Прежде чем перейти к исследованию правового статуса «памятника истории и культуры» в современной России, представляется важным рассмотреть преамбулу Закона об ОКН, которая даёт определение предмета, рассматриваемого законом: «Настоящий Федеральный закон регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического

³⁸¹Александрова М.А. Состав и отраслевая принадлежность российского законодательства о культурных ценностях в России // Культура: право, управление, экономика. 2006. №10. С.13.

³⁸²Избранные чаньские изречения. [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/library/asiatica/buddhica/chan.html> (дата обращения 07.12.2012). Китайское слово «Чань» происходит от санскритского термина дхьяна (по-китайски чаньна). Буквально это означает «созерцание», «медитация».

и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этнических общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия.

В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации»³⁸³.

Преамбула не даёт определения феномена «памятник истории и культуры», а только упоминает сам термин. Далее из текста следует, что «культурные ценности», культурное наследие и «памятники истории и культуры» являются не частями одного целого, а тремя разными не связанными феноменами. Вторая часть первого абзаца выглядит вполне логичной, но остается непонятной связь данной фразы, как с первой частью абзаца, так и с самим Законом об ОКН. Она больше выглядит как некая декларация о реализации прав народов на сохранение самобытной (локальной) культуры.

Второй абзац утверждает, что «объекты культурного наследия» являются «уникальной ценностью» без указания того, ценностью какого рода (отсутствует упоминание, что они являются «культурной ценностью», а если учесть, что далее в законе они упоминаются как недвижимое имущество, то вопрос о том, какого рода ценность имеется в виду, остается открытым). Далее говорится, что они являются частью всемирного культурного наследия, что следует и из самого названия феномена и понятия «культура». С другой стороны, в Пункте 13 Статьи 9 Закона об ОКН, посвященной полномочиям федеральных органов, говорится об установлении порядка формирования перечня «объектов культурного наследия», рекомендуемых Российской Федерацией для включения в Список всемирного наследия, что свидетельствует о том, что не все, а только часть «памятников» рассматривается Законом как «всемирное культурное наследие».

Третий абзац представляется автору данной работы наиболее значимым, так как он говорит о том, что феномен обладает свойством историчности и должен обеспечивать сохранение культурной традиции в будущем.

В настоящий момент статус «памятника» в России, как это следует из преамбулы, определяется Законом об ОКН. Следует обратиться к формулировкам закона, чтобы проанализировать, что же в настоящее время

³⁸³Закон РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. №26.

понимается под «памятником истории и культуры» в правовом пространстве России.

Согласно Закону об ОКН, к «объектам культурного наследия» («памятникам истории и культуры») народов Российской Федерации относятся: «объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры»³⁸⁴. Для анализа имеет смысл рассматривать каждый пункт, определяющий статус «памятника», по отдельности.

Вышеприведенное определение носит перечислительный характер и утверждает только то, что «памятники» являются объектами недвижимого имущества, но нигде не упоминаются критерии отделения данного вида недвижимого имущества от другого аналогичного и отсутствует даже упоминание о том, что «памятники» являются специфическим видом этого имущества.

Второй вопрос – это движимые ценности, которые относятся Законом к «объектам культурного наследия». Используемый термин «связанность» не имеет строгой определенности. По мнению автора данного исследования, все связанные с «памятником» «произведения живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства» должны являться музейными предметами, включенными в состав Музейного фонда РФ. Исключение должны составлять физически неотделимые элементы и предметы декора (здесь имеются в виду те предметы декора, которые при отделении от «объекта культурного наследия» теряют свою культурную ценность и не могут рассматриваться как отдельные музейные предметы), тем не менее, они должны быть учтены с точной идентификацией так же, как и музейные предметы.

Закон об ОКН подразделяет «памятники» на следующие виды (здесь можно повториться, но по другому поводу):

«памятники – отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе памятники религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни, костелы, кирхи, мечети, буддистские храмы, пагоды, синагоги, молельные дома и другие объекты, специально предназначенные для богослужений); мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных

³⁸⁴Статья 3. Закон РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (далее – объекты археологического наследия);

ансамбли – четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения (храмовые комплексы, дацаны, монастыри, подворья), в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, которые могут быть отнесены к градостроительным ансамблям; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары), некрополи;

достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов»³⁸⁵.

Данное деление на виды в целом соответствует делению, принятому ЮНЕСКО, в то же время вопрос о том, что же является признаком, отделяющим «памятники истории и культуры» от не «памятников», остается никоим образом не разрешенным. Кроме того, вводится отдельный термин «объекты археологического наследия», который означает, что данный тип «памятников» не является идентичным остальным. Этот вопрос был исчерпывающе рассмотрен в предыдущей главе. К тому же, в отличие от предыдущего пункта этой статьи, к «памятникам» относятся не только связанные с ним произведения «живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства», а «все движимые предметы, имеющие к ним отношение». Данные два пункта Статьи 3 Закона об ОКН находятся в значительном противоречии.

Законом об ОКН определяются следующие категории историко-культурного значения «памятников истории и культуры»: «объекты культурного наследия федерального значения – объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры Российской Федерации, а также объекты археологического наследия; объекты культурного наследия регионального значения – объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры субъекта Российской Федерации; объекты культурного наследия местного (муниципального)

³⁸⁵Статья 3. Закон РФ от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

значения – объекты, обладающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры муниципального образования»³⁸⁶. Статьей 24 Закона об ОКН вводится категория «особо ценных объектов культурного наследия» народов Российской Федерации. «1. Правительство Российской Федерации может принять решение о признании объекта культурного наследия федерального значения, включенного в реестр, особо ценным объектом культурного наследия народов Российской Федерации. 2. Объект культурного наследия, включенный в реестр и Список всемирного наследия, признается особо ценным объектом культурного наследия народов Российской Федерации в первоочередном порядке»³⁸⁷. А Статья 25 Закона об ОКН вводит категорию «объектов всемирного культурного и природного наследия». Согласно Закону, «объекты культурного наследия, представляющие собой выдающуюся универсальную историческую, археологическую, архитектурную, художественную, научную, эстетическую, этнологическую или антропологическую ценность, могут быть отнесены к объектам всемирного культурного и природного наследия в порядке, установленном Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия»³⁸⁸. Наконец, Статьей 18 Закона об ОКН вводится одна из самых важных категорий «памятников», а, именно, «выявленные объекты культурного наследия». «Объекты, которые представляют собой историко-культурную ценность и в отношении которых вынесено заключение государственной историко-культурной экспертизы о включении их в реестр как объектов культурного наследия, относятся к выявленным объектам культурного наследия со дня поступления в федеральный орган охраны объектов культурного наследия или в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный в области охраны объектов культурного наследия... документов...»³⁸⁹. Законом об ОКН предусматривается, что «в реестр могут быть включены выявленные объекты культурного наследия, с момента создания которых или с момента исторических событий, связанных с которыми, прошло не менее сорока лет, за исключением мемориальных квартир и мемориальных домов, которые связаны с жизнью и деятельностью выдающихся личностей, имеющих особые заслуги перед Россией, и которые считаются выявленными объектами культурного наследия непосредственно после смерти указанных лиц»³⁹⁰.

Такое большое количество категорий историко-культурного значения «памятников», по мнению автора данной книги, как уже упоминалось выше, является необоснованным. Разделение «памятников истории и культуры» на суперэлитные, элитные и простые отражает непонимание роли «памятников» как механизма сохранения традиций, обычаев и в целом бытия, как отдельного

³⁸⁶Статья 4. Закон РФ от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

³⁸⁷Там же. Статья 24.

³⁸⁸Там же. Статья 25.

³⁸⁹Там же. Пункт 2. Статья 18.

³⁹⁰Там же. Пункт 7. Статья 18.

человека, так и народов, и всей цивилизации. В большой степени это попытка навязывания официального традирования культуры и превращения наследия в тиражируемый и хорошо отрекламированный товар. Несомненно, необходима такая категория, как «выявленные объекты культурного наследия», которые являются первичной формой, когда некая ценность либо будет признана культурной (не в общем смысле, так как любое деяние индивида является «культурным»), либо нет. Не имеет смысла обсуждать, что, будучи созданной человеком, она уже является наследием, и в любом случае воспринимается как культурное наследие, так как не является природным наследием, ибо рукотворна. И даже мемориальная квартира, которая зачастую есть совершенно обычная квартира в смысле архитектуры и декора, является культурным наследием, так как является по сути своей «сложной»³⁹¹ движимой «культурной ценностью» или «коллекцией». Согласно Закону о музейном фонде: «Музейная коллекция – совокупность культурных ценностей, которые приобретают свойства музейного предмета, только будучи соединенными вместе в силу характера своего происхождения, либо видового родства, либо по иным признакам»³⁹². Остаётся только не ясным, с какой целью мемориальные квартиры относятся к «объектам культурного наследия», а не к Музейному фонду РФ, если всё, что в них имеется, представляет собой движимые «культурные ценности». В тоже время мемориальный дом может быть «объектом культурного наследия», если он имеет признаки «памятника истории и культуры», а может быть и простым домом, и тогда необходимо опять же его рассматривать не как дом, а как вместилище коллекции движимых ценностей, то есть музейной коллекции. Таким образом, необходимо произвести уточнение данного пункта Закона об ОКН.

По мнению автора данного исследования, разделение «памятников» на категории федеральных, региональных и местных памятников не имеет никакой научной обоснованности и противоречит идее сохранения и сбережения наследия. Система мер государственной «охраны памятников» также не зависит от категорий историко-культурного значения, и выделяется только особая система «охраны объектов археологического наследия», которые уже ранее нами предложено выделить в отдельный феномен.

Определение категории «памятника истории и культуры» является во многих случаях чистой условностью и сильно изменяется в зависимости от размеров поселений, количества объектов, которые могут быть признаны «памятниками», и т.д. Кроме того, всё время процесс построения иерархии относительно «объектов культурного наследия» носил и носит политический или идеологический характер. Это, в первую очередь, справедливо относительно выдающихся личностей, так как те, кого признают такими личностями в конкретный момент времени, полностью зависят от той идеологии и политики, которая находится в тот момент у вершин власти. В

³⁹¹Мазеин Д.В. Совершенствование системы охраны археологических памятников // Вестник молодых ученых. 2004. №3 Серия: Исторические науки. - С.147.

³⁹²Закон РФ от 26 мая 1996 г. №54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 27.05.1996. №22. ст. 2591.

этой связи представляется логичным использовать только одно понятие «памятник истории и культуры».

Также выделение «особо ценных объектов культурного наследия» носит более чем сомнительный характер. Согласно Постановлению Правительства РФ от 06.10.1994 № 1143³⁹³, утвердившим «Положение о Государственном своде особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации», и Указа Президента РФ от 30.11.1992 №1487³⁹⁴, утвердившим «Положение об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации», к этой группе относятся не «памятники» как таковые, а историко-культурные и природные комплексы, архитектурные ансамбли и сооружения, предприятия, организации и учреждения культуры, а также другие объекты, представляющие собой материальные, интеллектуальные и художественные ценности эталонного или уникального характера с точки зрения истории, археологии, культуры, архитектуры, науки и искусства. То есть в категорию «особо ценных объектов культурного наследия» включаются предприятия, организации и учреждения, которые никоим образом не могут являться «памятниками истории и культуры», а понятие эталонные вряд ли применимо к «культурным ценностям» в любом случае. Кроме того, система учета и регистрации этих объектов производится через свод, а не через реестр, как это установлено законом для «памятников истории и культуры», о чем речь пойдет дальше. В этой связи нельзя не согласиться с предложениями Комитета по государственному использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга, изложенных в 2005 г. в Проекте «Петербургская стратегия сохранения культурного наследия»³⁹⁵, об упразднении категорий и взамен выделении специальной группы памятников общенационального значения, отличающихся от других только тем, что они не подлежат отчуждению из государственной собственности. Представляется обоснованным мнение, что группа «памятников» не должна называться «памятником общенационального значения», так как исходя из сущности феномена «памятник истории и культуры», он всегда должен быть «памятником общемирового значения». А также то, что группа «памятников», носящая в настоящее время статус «памятника всемирного наследия», должна остаться, ибо она существует как результат ратификации Российской Федерацией международных договоров. Однако, с научной точки зрения, существование данной категории означает, что одни объекты принадлежат мировой культуре, а другие нет, что отрицает современную традицию рефлексии феномена «памятник истории и культуры».

Представляется также необъяснимым, почему необходим срок в сорок лет для рассмотрения вопроса о возможности признания объекта «памятником истории и культуры». К примеру, если известно, что здание оперного театра в Сиднее, или стадион Стад де Франс в Париже, или новые здания Российского

³⁹³Постановление Правительства РФ от 06.10.1994 № 1143 «Об утверждении Положения о Государственном своде особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации» // СЗ РФ №25, ст. 2710;

³⁹⁴Указ Президента РФ от 30 ноября 1992 г. № 1487 «Об утверждении Положения об особо ценных объектах культурного наследия народов РФ» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 23. Ст. 1961.

³⁹⁵Петербургская стратегия сохранения культурного наследия.

государственного исторического архива и Фондохранилища Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге являются абсолютно уникальными, не ясно, с какой целью надо ждать сорок лет, чтобы признать факт того, что они являются «объектами культурного наследия», если они являются таковыми с момента их создания.

Наряду с вышесказанным, специальный статус «памятника истории и культуры» определяется и тем, что на нем может проводиться только ограниченный круг работ, связанных с его сохранением. Статья 40 Закона об ОКН предусматривает только следующие их виды: «консервация объекта культурного наследия, ремонт памятника, реставрация памятника или ансамбля, приспособление объекта культурного наследия для современного использования, а также научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, научно-методическое руководство, технический и авторский надзор»³⁹⁶.

Другим специфическим элементом, подчеркивающим особый статус «памятника истории и культуры», является обременение, накладываемое на собственника или пользователя объектом культурного наследия, именуемое «охранным обязательством». Пункт 4 Статьи 48 требует, чтобы при государственной регистрации договора купли-продажи «объекта культурного наследия» новый собственник принимал на себя обязательства по его сохранению, которые являются ограничениями (обременениями) права собственности на данный объект и указываются в «охранном обязательстве» его собственника. В свою очередь, Пункт 5 Статьи 55 накладывает такие же обременения при заключении договора аренды «объекта культурного наследия».

Согласно Закону об ОКН, «охранное обязательство» пользователя «объектом культурного наследия» должно включать в себя требования к его содержанию, условиям доступа к нему граждан, порядку и срокам проведения реставрационных, ремонтных и иных работ по его сохранению, а также иные обеспечивающие сохранность объекта требования³⁹⁷.

Введя термины «обязательства по сохранению объекта культурного наследия» и «охранное обязательство», Закон об ОКН не дает определений используемым понятиям. Пункт 59 Положения об охране устанавливает, что «порядок и условия использования памятников истории и культуры устанавливаются государственными органами охраны памятников и определяются для каждого памятника, находящегося в пользовании или собственности предприятий, учреждений, организаций и граждан, соответствующим охранным документом»³⁹⁸. Этот порядок сохраняется до сих пор, то есть собственники и арендаторы «объектов культурного наследия» выдают органам охраны «охранные обязательства». Таким образом,

³⁹⁶Пункт 1. Статья 40. Закон РФ от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

³⁹⁷Там же. Пункт 5. Статья 55.

³⁹⁸Пункт 59. Постановление Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 г. № 865 «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры».

собственник, пользователь или арендатор принимает на себя обязательства по сохранению «объекта культурного наследия», под которыми понимается совокупность требований к его сохранению, включающих условия доступа к памятнику, порядок и сроки проведения консервационных, реставрационных, ремонтных работ по его сохранению и работ по приспособлению к использованию в современных условиях «объекта культурного наследия» и связанных с ним строений, сооружений и предметов, представляющих «культурную ценность», благоустройство территорий, садов, парков, природных ландшафтов, организация надлежащей «охраны памятника», а также иные требования, обязательные для собственника или арендатора «выявленного объекта культурного наследия» или «объекта культурного наследия», включенного в реестр. Эти обязательства он принимает в форме документа, именуемого «Охранное обязательство», наряду с требованиями по сохранению и охране объекта (обеспечение неизменности облика и интерьера «объекта культурного наследия» в соответствии с особенностями данного объекта, послужившими основанием для включения его в реестр и являющимися предметом охраны данного объекта, описанным в его Паспорте)³⁹⁹.

«Охранное обязательство» включает «Акт текущего технического состояния объекта» и содержит «Перечень предметов охраны», из-за наличия последних объект и номинируется «памятником истории и культуры». Манипуляции предметами охраны, включенными в Перечень, позволяют без нарушения законодательства получать желаемый результат историко-культурной экспертизы. То есть, включая или исключая те или иные предметы в «Перечень предметов охраны», можно из одного и того же объекта получить «объект культурного наследия» федерального значения, а можно добиться того, что объект будет вообще исключен из «реестра памятников». Особенно легко это сделать на той стадии, когда объект относится к категории ещё просто «выявленных объектов культурного наследия». Такая практика получила бы широкое распространение, если бы не было независимых общественных движений, борющихся за сохранение «памятников истории и культуры», таких как Всероссийское общество охраны памятников, «Живой город» и др. Возникновение этих организаций есть результат эволюции восприятия истории отдельными индивидами и группами людей, и, в первую очередь, отражает переход от созерцательного восприятия действительности к сопричастности к творению исторического и культурного процесса.

Касательно «охранных обязательств» необходимо сделать следующий вывод: практика подготовки обязательств собственниками, пользователями или арендаторами является порочной. «Охранные обязательства» должны готовиться соответствующим «государственным органом охраны памятников» и существовать для каждого «объекта культурного наследия», как и паспорт объекта, но в отличие от паспорта, «охранное обязательство» должно

³⁹⁹Пункт 3. Статья 52. Закон РФ от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

обновляться каждые 5 лет. Тогда будущий собственник или арендатор перед совершением сделки будет знать, какие реальные обременения он получает, что позволит резко снизить количество недобросовестных приобретателей, разорения собственников в связи с невозможностью исполнения требуемого объема работ и потерь «памятников» в связи с бесхозяйственным их использованием⁴⁰⁰.

Согласно абз.2 п.3 ст.8 «Закона о регистрации»⁴⁰¹ органы охраны должны направлять в учреждения, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, сведения о включении или не включении объектов в реестр «объектов культурного наследия», список «выявленных объектов культурного наследия», данные об особенностях «охраны памятников» и об обязательствах по их сохранению. Согласно ст.1 «Закона о регистрации», к перечню ограничений могут быть отнесены обременения государственных органов охраны памятников. Сведения об обязательствах по сохранению «объекта культурного наследия» абз.6 п.6. ст.12 Закона относятся к обременению прав на недвижимость и включаются в подраздел III ЕГРП. Эти обременения вносятся независимо от владельца, арендатора или пользователя и являются обязательными для выполнения. К сожалению, эта норма часто не выполняется, и в «Свидетельствах о регистрации» в графе «Существующие ограничения (обременения) права» пишется «не зарегистрировано», даже если «памятник», на самом деле, является «объектом культурного наследия» федерального значения. Данная ситуация является результатом того, что в Российской Федерации за последние двадцать лет множество раз за короткий срок реформировались как «органы охраны культурного наследия», так и органы государственной регистрации.

Заканчивая вопрос о сбережении, можно сделать вывод, что «Охранные обязательства», содержащие совокупность требований по сохранению «объекта культурного наследия», включая «Перечень предметов охраны», должны существовать независимо от того, имеются ли собственник, пользователь или арендатор, либо их нет, и должны являться неотъемлемой частью «Паспорта объекта культурного наследия». В случае появления арендатора, пользователя или собственника «Охранные обязательства» становятся неотъемлемой частью договора покупки, пользования или арендного договора, накладывающей безусловные ограничения на использование объекта для обеспечения его сохранности.

Особый статус «памятника истории и культуры» подчеркивается и тем, что «государственная охрана объектов культурного наследия» является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации,

⁴⁰⁰Остроту данного вопроса, в частности, демонстрируют следующие материалы: Климова Т. Культурное наследие вступает в ТСЖ // «Деловой Петербург. № 74. 2009. 27 апреля. С.6 -7; Вершинина Н. Ночь в городском музее // «Деловой Петербург. № 26. 2011. 24 февраля. С.6 -7.

⁴⁰¹Закон РФ от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // СЗ РФ. 1997. №30. ст.3594.

органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Согласно Статьям 6 и 33 Закона об ОКН, под «государственной охраной объектов культурного наследия» понимается система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных, принимаемых органами государственной власти и органами местного самоуправления мер, направленных на выявление, учет, изучение «объектов культурного наследия», предотвращения их повреждение, разрушение или уничтожение, изменение облика и интерьера, нарушение установленного порядка их использования, перемещения и предотвращения других действий, могущих причинить им вред, а также в целях их защиты от неблагоприятного воздействия окружающей среды и от иных негативных воздействий. «Государственная охрана объектов культурного наследия» включает в себя:

- государственный учет объектов, формирование и ведение реестра; проведение историко-культурной экспертизы;

- установление ответственности за повреждение, разрушение или уничтожение, перемещение, нанесение ущерба объекту культурного наследия, изменение его облика и интерьера, являющихся предметом охраны данного памятника;

- согласование проектов зон охраны «объектов культурного наследия», землеустроительной документации, градостроительных регламентов, а также решений о предоставлении земель и изменении их правового режима;

- контроль за разработкой градостроительных регламентов, в которых должны предусматриваться меры, обеспечивающие содержание и использование памятников;

- разработку проектов «зон охраны объектов культурного наследия»; выдачу разрешений на проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ; согласование проведения и проектов проведения, указанных выше работ;

- выдачу разрешений на проведение работ по сохранению памятника; установление границы территории «объекта культурного наследия» как объекта градостроительной деятельности особого регулирования;

- установку на памятниках информационных надписей и обозначений;

- контроль за их состоянием;

- иные мероприятия, проведение которых отнесено к полномочиям «органов охраны памятников».

Анализ целей «государственной охраны памятников истории и культуры» показывает объем тех ограничений и обременений, которые ложатся на пользователя «объекта культурного наследия», и то значительное внимание, которое общество уделяет вопросам сохранения и охраны своего исторического наследия во имя сбережения традиций для будущих поколений. Статья 61 Закона об ОКН устанавливает, что «за нарушение настоящего Федерального

закона должностные лица, физические и юридические лица несут уголовную⁴⁰², административную и иную юридическую ответственность»⁴⁰³.

Не только сам «памятник», но и окружающая культурная и природная среда определяют возможность передачи традиций и переноса прошлого в настоящее и будущее. В Законе об ОКН продолжается нормотворческая традиция по необходимости выделения «зон охраны объектов культурного наследия»⁴⁰⁴.

Люди воспринимают «памятники» совместно с окружающим ландшафтом, создавая «придуманый мир» вокруг себя, так же, как читатели текста создают во время чтения «придуманную вселенную» (Цветан Тодоров)⁴⁰⁵. Естественная среда, в той или иной степени подвергаясь окультуривающему воздействию человека, нуждается в поддержке не в меньшей степени, чем само жилище или рабочее место человека.

В целях обеспечения сохранности «объекта культурного наследия» в его исторической среде на сопряженной с ним территории устанавливаются зоны его охраны: охранный зона, зона регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта. В «зонах охраны памятника истории и культуры» устанавливаются особые режимы использования земель, ограничения хозяйственной деятельности, строительства и движения транспорта.

К развитию этой же тенденции необходимо отнести и создание историко-культурных заповедников и выявление исторических поселений. Согласно Статье 57 Закона об ОКН в отношении достопримечательного места, представляющего собой выдающийся целостный историко-культурный и природный комплекс, нуждающийся в особом режиме содержания, может быть принято решение об отнесении данного достопримечательного места к историко-культурным заповедникам, причем граница историко-культурного заповедника может не совпадать с границей достопримечательного места.

Ещё более полноценным подходом к «охране культурного наследия», позволяющим в наиболее полном виде традировать историческое бытие, является сохранение в целостности исторических поселений. Согласно Закону об ОКН, историческим поселением является городское или сельское поселение, в границах территории которого расположены «объекты культурного наследия»: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные «культурные ценности», созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов Российской Федерации, их

⁴⁰²Подробнее об уголовной ответственности см., в частности: Горбунова И. Разрушение старины – это уголовное дело // Metro Санкт-Петербург. 2010. 27 сентября. С. 13; Горбунова А. За дом ответят! // Петербургский дневник. № 7. 2011. 28 февраля. С. 10.

⁴⁰³Статья 61. Закон РФ от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

⁴⁰⁴Там же. Статья 34.

⁴⁰⁵Todorov Tzvetan. Reading as Construction. In: S.R. Suleiman and I. Crosman (eds). The Reader in the Text. – Princeton: Princeton University Press, 1980. – pp. 67-82.

вклада в мировую цивилизацию⁴⁰⁶. При этом в историческом поселении государственной охране подлежат все исторически ценные градоформирующие объекты: планировка, застройка, композиция, природный ландшафт, археологический слой, соотношение между различными городскими пространствами (свободными, застроенными, озелененными), объемно-пространственная структура, фрагментарное и руинированное градостроительное наследие, форма и облик зданий и сооружений, объединенных масштабом, объемом, структурой, стилем, материалами, цветом и декоративными элементами, соотношение с природным и созданным человеком окружением, различные функции исторического поселения, приобретенные им в процессе развития, а также другие ценные объекты. То есть в данном случае речь идёт о сложных ценностях, неоднородных по своим свойствам и происхождению, включающих как культурные, так и природные объекты наследия. Причем любая градостроительная и хозяйственная деятельность в историко-культурных заповедниках и исторических поселениях подвержена особому регулированию, направленному на сохранение «объектов культурного наследия». При этом речь в большой степени идёт не о восстановлении так называемого изначального, естественного состояния, но о минимизации катастрофического воздействия человека на окружающую его среду. К подобного рода практикам относятся и попытки удержания традиционализма в бытовом пространстве, и все усилия по консервации и сохранению архитектурного облика городов, прежде всего, через авторитарный государственный стиль маркировки объектов в качестве «памятников истории и культуры» и культурного наследия.

Важным для понимания статуса «объекта культурного наследия» является и ограничение на делимость сложной вещи, изложенное в Пункте 2 Статьи 56 Закона об ОКН: «памятники и ансамбли, находящиеся в общей собственности, включая памятники и ансамбли, относящиеся к жилищному фонду, а также земельные участки, в границах которых расположены указанные памятники и ансамбли, разделу не подлежат. Выдел собственникам их доли в натуре не осуществляется»⁴⁰⁷.

И наконец, ключевой вопрос, что же, всё-таки, определяет статус «памятника истории и культуры»? Из законодательства следует, что это его регистрация (учет) согласно процедуре, принятой в нормативных документах. Для «объектов культурного наследия» это внесение в реестр, для особо ценных «объектов культурного наследия» это внесение в свод, для «выявленного памятника истории и культуры» или «объекта археологического наследия» это внесение в список. Таким образом, не сам факт существования «памятника» как материального объекта и носителя культурной традиции, а запись в реестре является подтверждением того, что тот или иной объект является «памятником истории и культуры». Если «объект культурного наследия» уже не существует

⁴⁰⁶Статья 59. Закон РФ от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

⁴⁰⁷Там же. Пункт 2. Статья 56.

в силу пожара или уничтожения по другой причине, но он внесен в реестр, он всё равно будет числиться существующим. В то же время реально существующий «памятник», не внесенный в реестр или хотя бы в список «выявленных объектов культурного наследия», формально не является даже «культурной ценностью». Абсурдность данной ситуации понятна, но такова современная реальность и, в конечном счете, только факт внесения в реестр является подтверждением того, что объект является «культурной ценностью». Это положение справедливо для всех «объектов культурного наследия». Но даже «памятники археологии», которые, как уже указывалось, согласно закону изначально являются «объектами культурного наследия федерального значения», и с момента обнаружения до внесения в реестр, согласно Пункту б Статьи 18 Закона об ОКН, считаются «выявленными объектами культурного наследия», становятся таковыми тоже только после включения в список, а не в силу того, что они таковыми являются.

В связи с этим важно понять, каким же образом формируется Единый государственный реестр «объектов культурного наследия» («памятников истории и культуры») народов Российской Федерации, и кто же, в конечном счёте, номинирует объект в качестве «памятника истории и культуры»?

Федеральный орган и органы субъектов Российской Федерации, уполномоченные в области «охраны объектов культурного наследия», в соответствии с государственными целевыми программами охраны, а также на основании рекомендаций физических и юридических лиц осуществляют работы по выявлению и учету объектов, представляющих собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и рекомендуемых для включения в реестр. Для принятия решения о включении «объекта культурного наследия» в реестр в Правительство Российской Федерации либо в орган государственной власти субъекта Российской Федерации представляется ряд существенных документов, определяющих возможность отнесения объекта к «памятникам истории и культуры». Главным и определяющим из этих документов является «заключение государственной историко-культурной экспертизы»⁴⁰⁸. Согласно Постановлению Правительства РФ от 15.07.2009 № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе» (Далее – «Постановление об историко-культурной экспертизе»)⁴⁰⁹ эта экспертиза проводится в целях:

- обоснования включения «объекта культурного наследия» в реестр;
- определения категории историко-культурного значения памятника;
- обоснования изменения категории его историко-культурного значения;
- исключения «объекта культурного наследия» из реестра;

⁴⁰⁸Значение историко-культурной экспертизы продемонстрировано, к примеру, в статьях: Лиханова Т. «Чреву Петербурга» хирург не нужен // «Новая газета». № 39. 2010. 3 июня. С.12-13; Вишневецкий Б. Разрушение без нарушений // «Новая газета». № 58. 2010. 12 августа. С.22.

⁴⁰⁹Постановление Правительства РФ от 15.07.2009 № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе»//СЗ РФ. 2009. № 30, ст. 3812.

- отнесения «объекта культурного наследия» к особо ценным «объектам культурного наследия» народов Российской Федерации или к «объектам всемирного культурного наследия»;

- воссоздания утраченного «объекта культурного наследия» и об отнесении достопримечательного места к историко-культурным заповедникам федерального значения.

Историко-культурная экспертиза проводится на основе принципов: научной обоснованности, объективности и законности; презумпции сохранности «объекта культурного наследия» при любой намечаемой хозяйственной деятельности и соблюдения требований безопасности в отношении памятника. В то же время государственная экспертиза проводится и для изменения категории историко-культурного значения «объекта культурного наследия», которое осуществляется Правительством Российской Федерации⁴¹⁰. И, наконец, исключение из реестра «объекта культурного наследия» осуществляется также на основании акта Правительства Российской Федерации, основанного на заключении государственной историко-культурной экспертизы. При этом исключение «объекта культурного наследия» из реестра осуществляется в случае его полной физической утраты или утраты им историко-культурного значения⁴¹¹. В первом случае такое решение объективно свидетельствует об исчезновении «памятника», что реально возможно при полном уничтожении деревянного памятника в результате пожара или некоторых других достаточно редких случаях полной утраты «объекта культурного наследия» (лавина, сель, взрыв и т.д.), построенного из других материалов. Обычно имеет место только частичная его утрата. Второе может быть как реальным отражением ситуации, сложившейся за счёт неправильного использования «памятника», так и полем для всяческих махинаций идеологического, экономического, политического или социального характера. Ярким примером может служить изменение статуса такого уникального сооружения, как стадион им. С.М. Кирова в Санкт-Петербурге. Сначала в результате историко-культурной экспертизы федеральный статус «памятника» был изменён на региональный, а потом в результате следующей экспертизы он вообще потерял статус «памятника истории и культуры» в связи с утратой им историко-культурного значения. Дальше памятник был просто снесён. Очевидно, что за короткий срок, а это примерно один-два года, с «памятником» ничего экстраординарного не происходило. Но было принято политическое решение о строительстве нового стадиона, а другое место найти не додумались. Для нашей не особо озабоченной вопросами культуры элиты оказалось проще уничтожить существующий «памятник», даже не подумав, как можно будет доставлять посетителей к новому стадиону в короткий срок в количестве десятков тысяч человек и каким образом поддерживать на огромной территории общественный порядок. Даже в центральных частях крупных

⁴¹⁰Статья 22. Закон РФ от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

⁴¹¹Там же. Статья 23.

городов, к примеру, вокруг стадионов Лужники в г. Москва или Петровский в г. Санкт-Петербург периодически и всё чаще происходят послематчевые акты вандализма и хулиганства при том, что к этим объектам стягиваются целые полки ОМОН и полиции.

На основании сказанного выше можно сделать вывод, что государственная историко-культурная экспертиза является той самой главной реалией, которая и определяет, является ли объект «памятником истории и культуры» или нет, и по сути дела определяет статус «памятника». Что же представляет собой эта «загадочная и всемогущая» государственная историко-культурная экспертиза? Согласно Положению об историко-культурной экспертизе⁴¹², она проводится по инициативе заинтересованного органа государственной власти, органа местного самоуправления, юридического или физического лица (далее - заказчик) на основании договора между заказчиком и экспертом, причем при проведении экспертизы несколькими экспертами заказчик заключает договор с каждым из них. Смысл заключения договоров с каждым из экспертов не ясен и, видимо, должен иметь антикоррупционный характер, столь модный в коррумпированном обществе. Итак, «судьи» кто?

Экспертами могут быть:

а) физические лица, обладающие научными и практическими знаниями, необходимыми для проведения экспертизы, удовлетворяющие следующим требованиям: высшее и (или) послевузовское профессиональное образование по направлению экспертной деятельности (в исключительных случаях допускается профильное среднее профессиональное или дополнительное образование) при наличии: стажа практической работы по профилю не менее 10 лет; знания международных актов и законодательства Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны «объектов культурного наследия» и умения проводить необходимые исследования, оформлять по их результатам соответствующие документы и заключения экспертизы;

б) юридические лица, в трудовых отношениях с которыми состоят не менее 3 физических лиц экспертов.

При этом на экспертов, выбираемых для проведения экспертизы, накладывается ряд антикоррупционных ограничений, таких как:

- отсутствие родственных связей с заказчиком его должностным лицом или работником (при этом отсутствуют запреты на незарегистрированный брак);
- наличие трудовых отношений с заказчиком;
- наличие имущественных обязательств эксперта перед заказчиком (его должностным лицом или работником), а также в случае, если заказчик (его должностное лицо или работник) имеет имущественные обязательства перед экспертом;

⁴¹²Постановление Правительства РФ от 15.07.2009 № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе».

• владение ценными бумагами, акциями (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах) заказчика;

• наличие заинтересованности в результатах исследований либо решении, вытекающем из заключения экспертизы, с целью получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества, услуг имущественного характера или имущественных прав для себя или третьих лиц.

Все эти пункты могут быть свободно обойдены в преступных целях, а последний пункт просто абсурден, так как любое заключение (положительное или отрицательное) приводит к выгоде тех или иных третьих лиц. Таким образом, вольно или невольно эксперт, принимая решение, имеет заинтересованность в нём, чем бы это не диктовалось (его приверженностью к тем или иным идеалам, поклонению перед той или иной школой искусства, борьбой с той или иной идеологией, национальными интересами и т.д.). Эксперт в любом случае является членом общества, а не существует вне его и уж тем более не стоит над ним.

Положение об историко-культурной экспертизе изобилует различными декларативными пунктами об обязанностях эксперта и о том, что он должен отказаться от проведения экспертизы, если это нарушает принципы её проведения, но при этом отсутствуют любые конкретные меры наказания эксперта при невыполнении этих пунктов. Из истории известно, что даже верующие люди множество раз лжесвидетельствовали, поклявшись на Библии. Следовательно, эти декларации напоминают алогизм о «хищных овцах и добрых волках»⁴¹³. Более чем странно выглядит Пункт 10 Положения об историко-культурной экспертизе: «Заключение эксперта, в случае если указанные обстоятельства стали известны ему после оформления заключения экспертизы, считается ничтожным. В случае если вывод такого эксперта повлиял на результат экспертной комиссии, экспертиза проводится заново»⁴¹⁴. Под указанными обстоятельствами имеются в виду обстоятельства, препятствующие привлечению эксперта к проведению экспертизы, либо не позволяющие ему соблюдать принципы ее проведения. Необычность данной юридической нормы заключается в том, что она действует, если становится известна эксперту, а если кому-нибудь другому, она не действует.

Экспертиза может проводиться одним экспертом, но по всем важным вопросам – комиссией, состоящей из как минимум трёх экспертов. Эта норма, введенная для создания видимости большей объективности, на самом деле является нормой снятия персональной ответственности эксперта (созданием ему «алиби»), несмотря на то, что каждый из членов комиссии действует в личном качестве. Положение об историко-культурной экспертизе, никоим образом не определяет, кто и каким образом назначает экспертов для проведения конкретной экспертизы, а лишь Пунктом 5 отсылает в область

⁴¹³Аналогия со строкой из стихотворения С.Т. Игрицкого «Посвящение Даниилу Хармсу» «... Как хищные овцы грозили телятам, А добрые волки паслись на лугу». (С.Т. Игрицкий. Спб., 1972 г. – автограф. Личный архив А.Б. Шухободского).

⁴¹⁴Пункт 10. Постановление Правительства РФ от 15.07.2009 № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе».

«неведомого»: «Порядок организации проведения экспертизы определяется соответственно Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченными в области охраны объектов культурного наследия»⁴¹⁵.

Из Пункта 30 Положения следует, что «орган охраны объектов культурного наследия» может быть не согласен с заключением экспертизы, при этом приводится перечень оснований для несогласия:

- несоответствие заключения экспертизы законодательству Российской Федерации; несоответствие заключения экспертизы принципам ее проведения, установленным Законом об ОКН;

- наличие в заключении экспертизы, прилагаемых к нему документах и материалах недостоверных сведений, оказывающих влияние на вывод экспертизы;

- выявление в отношении эксперта, подписавшего заключение экспертизы, обстоятельств, запрещающих ему её проведение; нарушение установленного порядка проведения экспертизы;

- несоответствие заключения экспертизы требованиям по его оформлению;

- отсутствие прилагаемых к заключению экспертизы документов и материалов; истечение 2-летнего срока с момента оформления заключения экспертизы.

Все эти основания носят формальный характер и не имеют отношения к существу вопроса, по которому была проведена экспертиза, и являются лишь «фиговым листком» для исполнителей Закона об ОКН. Двухлетний срок действия экспертизы вообще является полным нонсенсом, так как он не может иметь никакого разумного объяснения по сравнению с длительностью «жизни памятника» и напоминает надпись на упаковке морской соли «возраст не менее 5 миллионов лет» и далее «срок годности 1 год». Но при этом необходимо учесть, что перед перечислением в Пункте 30 использована фраза «к причинам несогласия, в частности, относятся...»⁴¹⁶, и это означает, что данный список не является исчерпывающим.

Если «орган охраны объектов культурного наследия» не согласен с заключением экспертизы, то он вправе назначить повторную экспертизу⁴¹⁷. В данном случае возникает коллизия: не ясно, какие могут быть основания, кроме давления государственного органа на экспертов, для того, чтобы повторная экспертиза была другой и более правильной, чем первичная. Или всё как в «Ферме животных» («Animal Farm») Дж. Оруэлла «все животные равны, но некоторые животные равнее других»⁴¹⁸.

⁴¹⁵Пункт 5. Постановление Правительства РФ от 15.07.2009 N 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе».

⁴¹⁶Там же. Пункт 30.

⁴¹⁷Там же. Пункт 33.

⁴¹⁸Orwell George. Animal Farm (1945). - Signet Classics; 50th Anniversary edition, 1996. – 140 pp. Перевод автором фразы: «All animals are equal, but some animals are more equal than others».

Однако данное исследование не имеет целью исследовать правовые аспекты нормативной документации. Из анализа вопросов, связанных с государственной историко-культурной экспертизой, необходимо сделать несколько выводов:

△ Историко-культурная экспертиза не является государственной, так как эксперт или комиссия экспертов не являются государством и могут представлять себя в личном качестве или сотрудниками вовсе не государственной организации;

△ Судьба «объекта культурного наследия» по факту может зависеть от волеизъявления одного человека или небольшой группы лиц, мнение которых может не совпадать с мнением огромного количества других индивидов;

△ «Памятник» становится «памятником истории и культуры» не из-за того, что он является материальным проявлением культурного наследия и «культурной ценностью», а из-за того, что в реестре имеется соответствующая запись, внесенная на основании Постановления правительства РФ или Указа Президента Российской Федерации, хотя последнее и не предусмотрено Законом об ОКН;

△ Вопросы сохранения культурной традиции вообще не попадают в поле зрения историко-культурной экспертизы, то есть при рассмотрении вопросов, связанных с номинацией «памятников истории и культуры».

Подводя итог анализу того, чем же являются «памятники истории и культуры» в современной России, мы предлагаем следующую формулировку определения феномена, которая сглаживает противоречия, возникающие при описательном его определении:

«Памятником истории и культуры» («объектом культурного наследия») является специфический вид недвижимой «культурной ценности», зарегистрированной государством в списках, своде или реестре в установленном законом порядке. «Памятниками истории и культуры» («объектами культурного наследия») являются исключительно недвижимые объекты. Связанные с ними движимые предметы декоративно-прикладного искусства, живопись и скульптура обязательно музеефицируются и относятся к государственному музейному фонду независимо от того, в чей собственности находится «объект культурного наследия».

«Памятник истории и культуры» как хранитель и носитель национальной российской идеи

А у нас с вами, в России есть еще такая «старинная русская забава» - поиск национальной идеи. Это что-то вроде поиска смысла жизни. Занятие в целом

В заключительном разделе рассматриваются два вопроса: во-первых, в чём же заключается специфика российских «памятников истории и культуры», во-вторых, каковой является их роль в формировании российской национальной идеи.

Говоря о «памятнике истории и культуры» как носителе национальной российской идеи, приходится невольно вернуться к суждениям крупнейших российских мыслителей, идеи которых сильно контрастируют с западноевропейской традицией, хотя и являются её развитием.

Ещё в XIX в. российский философ Н.Ф. Федоров высказал мысль, которая может служить девизом не только для всех тех, кто сохраняет наследие, но и для всех членов социума: «Творить мы не можем, а воссоздавать сотворенное не нами, но разрушенное нами или разрушившееся по нашему неведению или по нашей вине – мы должны, иначе мы не будем подобием Творца, и все созданное должно погибнуть, разрушиться»⁴²⁰.

Рассматривая специфику феномена «памятник истории и культуры», можно в полной мере отнести и к нему выводы Б.Г. Соколова относительно сходного ему феномена «музей». «Только в этой области мы можем найти или, наоборот, упразднить то единое основание, позволяющее уже не в универсально-исторической перспективе соединить столь различные по культурному смыслу и значению феномены, но фундировать их на более глубинном уровне, уровне онтики и модусов экзистирования, уровне базового выстраивания культуры и культурно-исторического типа сознания»⁴²¹. При этом мы в полной мере разделяем понимание И.В. Михеевой, что «Россия в определенной степени является генотипом культуры, из которого вырастает духовное и материальное разнообразие национального и межнационального бытия»⁴²².

В условиях ускорения процессов глобализации, происходящих в современном мире, всё большее значение приобретает зависимость всемирного наследия от его локальных корней. Особо ценным представляются именно механизмы и формы, являясь тождественными у всех представителей одной культурной традиции, принадлежат к домену общего культурно-исторического типа сознания. «Памятники истории и культуры», являясь недвижимыми материальными «культурными ценностями», имеют четкую локализацию в пространстве и во времени, и в связи с этим создают основу местной идентичности, сохраняемой через традирование культуры. Это ещё раз подтверждает утверждение З. Фрейда о том, что «достоверно лишь то, что

⁴¹⁹Путин В.В. Президент Российской Федерации. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, Кремль, Мраморный зал. 26 апреля 2007 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zakon.kz/4444789-poslanie-prezidenta-rossii-v.v.-putina.html> (дата обращения 07.12.2012).

⁴²⁰Федоров Н.Ф. Творение и воссоздание. Сочинения в 4-четырёх книгах. Кн. 2., - М, Прогресс, 1995. – С. 77

⁴²¹Соколов Б.Г. Онтология культурного наследия: Музей в эпоху постмодерна. – С. 16.

⁴²²Михеева И.В. О понятии «культовые памятники» и их типология // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. 2001. – С.152.

идентификация стремится сформировать собственное «Я» по подобию другого, взятого за образец»⁴²³.

В связи с бурным экономическим развитием цивилизации, беспрецедентным ростом численности населения планеты, увеличением промышленного и аграрного использования территорий, повсеместным ростом городов, в том числе и внедрением нового строительства в их исторические центры, нарастанием локальных военных конфликтов и разрушительных революций, усилением эксплуатации природной среды, парниковым эффектом и ростом количества и мощности техногенных катастроф, современный мир создает всё возрастающую угрозу для сохранения культурного наследия. Нельзя не согласиться с тем, «что причина многих наших сегодняшних бед – в отрыве от истоков, от нравственных устоев, от веками накопленного народом умения сочетать хозяйственную деятельность с разумно организованным укладом жизни»⁴²⁴.

Очень точно, не ведая о тенденциях в ситуации постмодерна, более ста лет назад предвидел Н.Ф. Федоров: «Цивилизация, как культура промышленно-торговая, решительно не терпит памятников... Промышленная цивилизация, если она верна себе и последовательна, может ценить прошедшее лишь в смысле утилизации и эксплуатации его настоящим. Она готова не только не воздвигать памятников умершим, а даже утилизировать самих умерших для прихотей или выгод живущих... Варвары, скифы разрушали памятники чужие, берегли свои; варвары промышленной культуры не знают даже и этого различия»⁴²⁵.

Недостаточное внимание и остаточный принцип финансирования практик охраны культурных ресурсов приводят к хронической нехватке средств для обеспечения их сохранности. Неоднозначное влияние на феномен «памятник истории и культуры» оказывают: появление в области его охраны наднациональных структур; гармонизация понятийных и правовых норм в рамках различных традиций и культур; развитие крупных региональных неоднородных образований, таких как Европейский Союз, СНГ, страны БИК или АТР. Это вызывает необходимость разработки новых механизмов сопряжения местных, национальных, региональных и глобальных интересов, сохранения разнообразия культурного наследия, обеспечивающих его уникальность и самобытность, и эффективного противодействие любой унификации. Вновь обращаясь к Н.Ф. Федорову, необходимо ответить на им заданный вопрос «Если начало искусства было божественное, а в настоящее время искусство стало индустриально-милитарным, т.е. скотским и зверским, то возбуждается вопрос: как снова дать искусству такое направление, которое соответствовало бы его божественному началу?»⁴²⁶.

⁴²³Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – С. 55.

⁴²⁴Гридасов А. «Культура определяет состояние экономики» // Экономика и время. № 13-14. 2011. 18 апреля. С. 4-5.

⁴²⁵Федоров Н.Ф. Отношение торгово-промышленной «цивилизации» к памятникам прошлого. Сочинения в 4-четырёх книгах. Кн. 2., - М, Прогресс, 1995. – С. 207.

⁴²⁶Федоров Н.Ф. Как началось искусство, чем оно стало и чем должно оно быть? – С. 230.

Лавинообразный распад существовавшей долгие годы в Советском Союзе идеологии не позволил сформироваться базовому мировоззрению большей части населения Российской Федерации. В значительной степени последние десятилетия можно охарактеризовать как период поиска национальной идеи, период мучительный и сложный, в первую очередь, по причине тотального отсутствия доминирующих идеологий и преимущественного отторжения населением России глобальных схем воздействия на коллективное сознание. Появившиеся симулякры вспыхивают и, отработав заложенные в них «послания», отмирают, оставив вкус «мыльной» пены. Калейдоскоп индивидуальных образов и фантазийных псевдо-реалистичных картин ставит под угрозу само понятие истории как линейной хронологической шкалы развития человечества. «Россия – огромное многонациональное и многоконфессиональное государство с разнообразием историко-культурных традиций и природных особенностей»⁴²⁷. Монархия, коммунистическая идея, национализм, тоталитаризм, глобализм и православие – нет числа спекулятивным интеллигентным построениям пиар-технологов. И все же сохраняются и упорно сопротивляются попыткам внешнего деструктивного воздействия традиционные религиозные конфессии и плохо поддающееся рефлексии, но легко воспринимаемое на чувственном уровне представление, определяемое как «историческая память». Оба этих источника, а вполне возможно и генератора формирования социальной идеи, часто тесно взаимосвязаны, хотя и отражают два разновременных исторических пласта и две разных системы восприятия мира. Они являются не единственными, но важными факторами формирования национального самосознания и понимания как персональной, так и «коллективной идентичности». Современное обращение к религиозным основам является попыткой возрождения духовности через возврат к традиционным ценностям и морали далеких предков. В то же время, «историческая память», в основном, базируется на близком прошлом (отцы, деды), то есть истории двух-трех поколений. Но генетическая связь кровнородственных семейно-родовых отношений, посредством культурного взаимодействия и общего проживания в едином событийно-пространственном континууме, цементирует страну и составляющие ее народы в единый живой организм. Не только общий язык, единые законы, единые платежные эквиваленты соединяют автономных индивидов в общее целое, сходные ощущения, переживаемые в одно и то же время и по одним и тем же причинам боль и радость, сближают и роднят сильнее «зова крови». То есть происходит поднятие душевной жизни массы на более высокий уровень, нежели отдельного индивида, так как образуемая масса (коллектив) принципиально отличается от толпы (неорганизованной массы). З. Фрейд выделял у Уильяма Мак-Дугалла пять принципиальных условий, формирующих это отличие: «Первое основное условие – известная степень постоянства массы. Оно может быть материальным или формальным. Первый

⁴²⁷Малышева Диана. С чего начинается Родина? С книги, подвига, детства... Литературная газета. 20.04.2005 // [Электронный ресурс] URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=11278> (дата обращения 02.06.2011).

случай – если те же лица остаются в массе более продолжительное время, второй – если внутри самой массы создаются известные должности, на которые последовательно назначаются сменяющие друг друга лица. Второе условие в том, чтобы отдельный человек массы составил себе определенное представление о природе, функциях, достижениях и требованиях массы, чтобы таким образом у него создалось эмоциональное отношение к массе как целому. Третье – чтобы масса вступила в отношения с другими сходными, но во многих случаях и отличными от неё, массовыми образованиями, чтобы она даже соперничала с ними. Четвертое – наличие в массе традиций, обычаев и установлений, особенно таких, которые касаются отношений членов массы между собой. Пятое – наличие в массе подразделений, выражающихся в специализации и дифференциации работы каждого отдельного человека»⁴²⁸.

Постепенно, на основе ощущения сопричастности к близкому прошлому и множественных сетевых связей, все большее количество людей начинает одинаково переживать, а после идеологически направленной рефлексии понимать некую историческую сущность как «свою», медленно распространяя эту границу за пределы «чисто семейной» памяти «вглубь веков». Ярким примером является возрождение религиозной духовности в провинциальной России не на основе слепого исполнения канонов и обычаев, а через возрождение забытых ремёсел, традиций и промыслов.

Невозможно отрицать тот факт, что в значительной степени российская ментальность относится к новоевропейской. В связи с этим для российской ментальности также характерно то, что сущее стало бытийствовать исторически, и это не просто интерес к прошлому, а освоение нового, познанного через прошлое, ко всему сущему.

Практики культурного сбережения и наследования изменяются в соответствии с общим стилем культурного пространства и самой культуры. В то же время целостность и разнообразие мировой культуры является результирующей уникальности каждой национальной культуры человечества. При этом, чем более своеобразна локальная культура, тем больше её ценность в общемировой культуре. Будучи производной западного, восточного, южного и северных влияний, российская культура представляет неповторимый образец наследия, одним из механизмов трансляции традиций которого являются «памятники истории и культуры».

Однако, изменения, протекающие в последние два десятилетия, представляются настолько кардинальными, что можно говорить о возникновении новой культурной традиции, формирующей свою оптику и вид сознания и форматирующей реальность по своим, уже полностью отличным от породившей её новоевропейской культуры, лекалам. Поэтому практики сбережения и традирования не могут не претерпевать в этой ситуации довольно значительных изменений и трансформаций.

Несмотря на противоречивость процессов в ситуации постмодерна, сопереживание истории становится всё более массовым. Характерным является

⁴²⁸Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – С. 29-30.

то, что даже типичные средства массовой информации стали освещать эти вопросы. Так, рекламная газета «Metro С.-Петербург», подобно серьезным изданиям, освещает XI Лихачевские чтения «Диалог культур в условиях глобализации»: «Проблема эта с каждым годом становится всё актуальнее. Мир «уменьшается», рушатся национальные перегородки, границы становятся всё более условными. Однако смешения культур и выработки некоей единой «мегакультуры» не происходит, а различия менталитетов зачастую порождает острейшие социальные конфликты. Сегодня человечество приходит к очевидному выводу: надо искать общие точки соприкосновения»⁴²⁹. При этом нельзя упускать из виду то, что «культурные идеалы становятся поводом для расколов и враждебности между различными культурными кругами, и это особенно отчетливо проявляется в отношениях между собой отдельных наций»⁴³⁰.

Учитывая то, что «памятник», с одной стороны, формирует идентичность, а, с другой стороны, служит основой стабильности сущего через сохранение культурного многообразия, необходимо признать, что для локальных сообществ культурное наследие является той «нитью Ариадны», через которую воспринимаются изменения, происходящие во внешнем мире. Так, Герман Люббе считает, что прошлое стало более важным как источник придания уверенности и идентичности, так как наш мир меняется с всё большей скоростью, порождая отчуждение и поиск компенсирующих факторов⁴³¹.

Среди всего многообразия «объектов культурного наследия» большое значение в процессе традирования играют «военно-исторические памятники» как вещественные носители памяти, зачастую обличенные в совершенные формы, созданные великими ваятелями и зодчими. Можно сказать, что «культовые» и «военно-исторические памятники» играют наибольшую роль в сохранении культурной традиции, так как каждый человек в своей экзистенции раньше или позже непосредственно соприкасается с этими феноменами. На второе место можно поставить те образцы гражданских памятников, которые для миллионов становятся символами страны, городов, поселений, и через это понимание рождается не только «коллективная идентичность», но и национальная гордость, соперяживаемая несколькими поколениями. При этом их восприятие является различным, так как отражает разновременное бытие.

Через разрешение противоречия между единичным и множественным; прошлым, настоящим и будущим; мифологией некоего рода-племени и историей всего народа происходит трансформация «памятника» как материального объекта в носителя идеального образа – национальной идеи. В свою очередь, национальная идея, не приобретая ярко выраженной формы с четко описанными границами, постоянно видоизменяется в умах субъектов, сохраняя определенную направленность, позволяющую идентифицировать ее всеми участниками отношений как некий вектор в хронологическо-временном

⁴²⁹Егоров В. Сила – в единстве культур//Газета Metro С.-Петербург. 19 мая 2011 года.

⁴³⁰Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – С. 124.

⁴³¹Lubbe Hermann. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse: Analytic und Pragmatik der Historie. – Basel and Suttgart: Schwabe, 1977. – S. 145 – 154.

континууме, неразрывно связанном с историческим и культурным ландшафтом, служащим объективным базисом развития идеи. При этом особенностью российской национальной идеи является преобладание чувственного над рациональным и религиозного над мирским мироощущением. Причина этого коренится в повышенной способности нации к сопереживанию, возможности почувствовать боль или радость ближнего как свою собственную. Далеко не всегда при ощущениях боли требуется глубокая рефлексия разума, чаще всего необходимо волевое усилие для устранения источника негативных ощущений или стремления к источнику радости.

Эта особенность российского характера⁴³² имеет свои корни в том, что российское общество еще не достигло стадии «цивилизации»⁴³³, и у индивидов сохраняется определенная чистота, свойственная живому, то есть культуре и истории. И именно эти свойства позволяют на современном этапе исторического и культурного развития обеспечить формирование национальной идеи через особое восприятие субъектами «памятников истории и культуры» в их неразрывной связи с прошлым, настоящим и будущим, то опираясь на традиционные верования – религию (догматику и святоотеческие традиции), в том числе и на видения и чудотворные явления, то привнося чисто светское представление о славе российского оружия и русской истории. Выкристаллизовывающаяся при этом национальная идея не несет в себе характер агрессии и колонизаторства, и лишь является результатом синтеза славы народа как необходимого элемента будущности и страдания как условия памяти элемента прошедшего, материализованного в настоящем.

Характерным для русского восприятия истории является её мифологизация, что широко используется средствами массовой коммуникации. Она порождает популистское псевдознание об истории, которое превалирует над реальной историей. Но в то же самое время в деидеологизированном обществе «бумажных стаканчиков», где вещи тиражируются в своей безликости и насаждается система всеобщего потребления всего и, в первую очередь, ненужных и никчемных вещей, культура также становится товаром. И тут возникает противоречие между тем, что продаётся массово и называется массовой культурой, и тем, что продаётся для узкого круга лиц и должно являться наивысшим достижением культурного наследия. «Памятники истории и культуры» являются одним из элементов этого настоящего культурного наследия и, используемые как товар в туристическом бизнесе и в среде массовых коммуникаций, становятся достоянием намного более широких слоев общества, нежели целевая аудитория, для которой они предназначались. Аналогичного мнения придерживается и Корнелиус Холторф, который, говоря о мегалитических памятниках Германии, подчеркивает, что в настоящее время они нам являются в виде: «площадок для игр детей и молодежи; исторических источников и объектов изучения археологами и палеоастрономами; части нашего наследия, охраняемого законом; мест туристских экскурсий; объектом

⁴³²См. Соколов Б.Г. Онтология культурного наследия: Музей в эпоху постмодерна. – С. 81.

⁴³³Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гетшалт и действительность. - М., Эксмо, 2006. - С. 238.

вдохновения для людей искусства»⁴³⁴. Вышесказанное обобщает вывод о том, что культурно-исторический тип сознания определяет механизм и формы, постоянно воспроизводимые индивидом и предопределяющие стиль и горизонт индивидуальных действий.

Величие русской архитектуры и монументального искусства во многом связано с тем, что светское искусство в Российской империи появилось значительно позднее, чем на Западе и впитало в себя множество различных стилей и направлений, которые сменяли себя в Европе несколько сотен лет. Это породило совершенно уникальные усадьбы и дворцовые ансамбли, которые строились уже на основе новых технологий по сравнению с их западными предшественниками. Существовавшее ещё ранее культовое зодчество приобрело свою уникальность за счет того, что климатические условия России требовали иных строительных и архитектурных решений так же, как и использования других строительных материалов. Одним из результатов такого развития русского искусства явилось рождение совершенно уникального русского деревянного зодчества. Трудная политическая ситуация с постоянными войнами на западе, востоке и юге привело к строительству уникальных монастырей-крепостей, и в отличие от принятого на Западе строительства феодальных замков и отдельных крепостей, к созданию детинцев и кремлей. Все эти обстоятельства привели к тому, что российские «памятники истории и культуры» совершенно уникальны и являются одним из крупнейших и самобытных вкладов в мировую культуру. Очень точно эта особенность русской архитектуры раскрыта Н.Н. Ворониным: «...типологическое развитие древнерусской культовой архитектуры довольно точно совпадает с основными этапами истории русского феодализма. В период раннего феодализма X-XI вв. были созданы огромные и величественные Софийские соборы Киева, Новгорода, Полоцка, пышные и просторные храмы княжеских монастырей; единство стиля, характеризующее эти древнейшие памятники, отвечает единству культуры древнерусского государства. Для периода феодальной раздробленности XII-XV вв. характерно сокращение масштабов здания; в удельных столицах нет места и нужды в грандиозных храмах, - городской собор строится по типу монастырского; появляются небольшие четырехстолпные храмы, удовлетворяющие задачам придворной церкви феодала или городского прихода. Вместе с тем эти общие типы зданий находят своеобразное истолкование в строительстве каждого княжества; дробность процесса развития архитектуры, образование местных архитектурных школ – точно соответствует феодальному дроблению Руси. Если бы мы не знали о нем из письменных источников, о нем свидетельствовали бы архитектурные памятники. Период образования и развития Русского централизованного государства XV-XVI вв. ознаменовался крупным переломом в типологии культового здания – рядом с крестовокупольными храмами развивается шатровое зодчество – результат воздействия деревянной культовой архитектуры и крепостных сооружений на церковное каменное зодчество. Одновременно сама структура культового

⁴³⁴Перевод автора по: Holtorf Cornelius. (2000-2008) Monumental Past.

здания переживает существенные изменения: так, например, в крестовокупольном храме исчезают хоры – типическая принадлежность большинства храмов периода Киевской Руси и феодальной раздробленности, наиболее наглядно и резко выражавшая классовую противоположность феодалов и их подданных. Развивается каменное гражданское и оборонительное строительство. Вместе с тем исчезают областные архитектурные школы, уступая место единому развитию общерусской архитектуры. Мы пока не говорим здесь о неразрывно связанном с изменением типа здания изменении его художественного облика, архитектурного образа. Само размещение тех или иных монументальных сооружений внутри города дает возможность для весьма важных выводов о социальной топографии города. Так, например, раскопки стен Детинца во Владимире (1194-1196 гг.) показали, что к концу XII в. правительственная верхушка – князь и епископ – обособляется от остальной территории города в огражденном белокаменными стенами с боевыми воротами участке; кроме историко-топографического интереса, этот факт представляет новое свидетельство о росте политической активности горожан, от которых феодалы вынуждены прикрываться монументальными крепостными стенами. Столь же показательным открытием стен митрополичьего замка XI в. вокруг киевского Софийского собора, очень выразительно говорящих о напряженности положения главы церкви – митрополита-грека в русской столице. В размещении монументальных построек и крепостных сооружений в Новгороде и Пскове, с одной стороны, и в Москве XIV-XV вв., с другой, нашло яркое отражение различие политической структуры этих городов. В Новгороде и Пскове мы наблюдаем более или менее равномерное размещение каменных храмов – боярских и приходских – по всей территории города. Очень рано Новгород и Псков создают линию обороны своих посадских районов. В великокняжеской же Москве монументальное строительство концентрируется в хорошо укрепленном Кремле, а посады долгое время остаются не обеспеченными крепостными стенами»⁴³⁵.

Общая отсталость России позволила в значительной степени сохранить «объекты культурного наследия», в отличие от многих других стран, где огромное количество «памятников» было уничтожено ещё до того, как возникло понимание необходимости сохранения и «охраны культурного наследия».

В настоящее время «памятники истории и культуры» являются теми точками отсчета, которые дают возможность индивидам находить ориентиры в современном обществе, стремящемся к легкости восприятия и примитивизму в культурном отношении. Глобализация, виртуализация и кластеризация бытия в ситуации постмодерна стирают национальные традиции, заменив самобытную культуру телекоммуникационными суррогатами. Интернет-пространство способствует возникновению неиерархических сообществ, объединенных вокруг информационных идей, этаких «клубов по интересам»

⁴³⁵См. Воронин Н.Н. Архитектурный памятник как исторический источник (Заметки к постановке вопроса) // Советская археология. XIX. – М., 1954. Стр. 47-48.

вне политики и идеологии, которые часто используют мифологизацию прошлого, настоящего и будущего. Реальность и научность подменяются информацией, нередко имеющей достаточно сомнительную сущность. Как уже отмечалось, некоторые современные западные исследователи (Пьер Нора, Чарльз Майер, Одо Маркар)⁴³⁶ считают, что «памятные места» являются феноменом, присущим только новейшему времени. Что они заменяют «истинную» и «реальную» память, существовавшую тысячелетия, на сконструированную память, чтобы придать смысл бытованию в настоящем. К тому же всё в большей степени происходит утрата статуса самой вещи, переформатированной в современной культуре в функцию, где материальный субстрат является лишь неким неустранимым остатком, но который, в идеале, может быть сведен к «нулю».

Автор данного исследования придерживается мнения, что «памятники» своей подлинностью, идентичностью, уникальностью и индивидуальностью как раз противодействуют замене реальной памяти на сконструированную, сохраняя в обществе чувство национальной общности и сопричастности к историческому процессу. Сиюминутность, декларируемая современной поп-культурой, разбивается об эти «якоря истории и культуры», соединяющие прошлое, настоящее и будущее.

С другой стороны, необходимо признать, что развитие Интернета позволяет сделать легкодоступной почти в любой точке Земли подлинную информацию о «памятниках». То, что было совсем недавно достаточно скрытой областью бытия, которой могли пользоваться только специалисты, становится открытым и даёт совершенно новые возможности для ознакомления широких слоёв населения и даже других народов с достижениями российской культуры и, в особенности, с «памятниками истории и культуры», которые, как было сказано, являются в большой степени носителями национальной идеи. При этом постепенно исчезает то глобальное сословное противоречие, на которое обращал внимание З. Фрейд: «Совсем иного рода удовлетворение, получаемое участниками культурного круга от искусства, хотя оно, как правило, остается недоступным для масс, занятых истощающей работой и не получающих индивидуального воспитания. Искусство, как мы уже давно узнали, дает удовлетворение, служащее возмещением за древнейшие, всё ещё глубочайшим образом ощущаемые отречения, понесенные в связи с культурой, и поэтому, как ничто иное, примиряет с принесенными жертвами. С другой стороны, творения искусства повышают чувства отождествления, в которых так нуждается каждый культурный круг, открывая путь к совместным высокооцениваемым переживаниям»⁴³⁷.

Очевидно, что сама национальная идея меняется как во времени, так и в

⁴³⁶См. Maier Charles S. A Surfeit of Memory? Reflections of History, Melancholy and Denial. *History and Memory* 5, 1993. – pp. 136-151; Marquard Odo. Über die Unvermeidlichkeit der Geisteswissenschaften. In: O. Marquard. *Apologies des Zufalligen*. – Stuttgart: Reclam, 1986. – S. 98 -116; Nora Pierre. From Lieux de Memoire to Realms of Memory. In: Pierre Nora, and Lawrence D.Kritzman (eds). *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. Vol. 1: conflicts and divisions. – New York: Columbia University Press, 1996. – pp. XV – XXIV.

⁴³⁷Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – С. 125-126.

пространстве, так как изменялась и самоидентификация индивида, а «памятники истории и культуры» тоже являются отражением этих изменений. «Например, процедура идентификационной сборки, которая была и во многом продолжает действовать в России, задействует следующие «обязательные» параметры идентификации: национальная идентичность, социальный статус, выбранная работа, религиозная (в меньшей мере), конфессиональная определенность, идеологические ориентиры, ценности семьи и пр. Иными словами, индивид получает свое идентификационное алиби не от себя самого, но позиционируясь как, например, русский, инженер, атеист, либерал, отец семьи, обожающий проводить отпуск в путешествиях на байдарке, строящий дачу и т.п. В свою очередь, идентификационная модель, которая была задействована в Средние века, выстраивалась по несколько иным параметрам, в которых, например, национальная принадлежность вообще не имела никакого существенного значения. Средневековый «обыватель» мог позиционировать себя, например, как католика, находящегося «под защитой» своего святого заступника, подданного Людовика, потомственного мастера-кузнеца, отца (понятно, что модель семьи того времени выстраивала совершенно иной статус отца семейства, нежели это осуществляется в первом примере в России) семейства, мечтающего совершить паломничество в Святую землю и т.п.»⁴³⁸. Относительно «памятников истории и культуры» ярким примером подтверждения тезиса о непрерывности их изменений могут служить русские Православные церкви, которые были купольными, потом шатровыми, после церковного раскола стали снова купольными.

Особенно важным параметром в сохранении и трансляции культуры «памятниками истории и культуры» является их подлинность. Если рукопись или летопись можно переписать, фотографию преобразить до полной неузнаваемости (после Октябрьской революции работал целый отдел НКВД, который занимался изменением старых фотографий в соответствии с меняющимися идеологическими установками), то по экономическим соображениям «памятник» очень трудно изменить. На самом деле, его проще уничтожить. Иными словами, «объект культурного наследия» является носителем подлинности, это как бы слепок с того момента, когда он был создан или перестроен, и в этом является его уникальность как носителя аутентичности.

Именно благодаря многонациональности России появилось то неповторимо российское искусство, которое воплотилось в недвижимых «памятниках истории и культуры» и существует уже более тысячи лет. При этом мы должны крайне осторожно относиться к новым тенденциям и техническим возможностям. Так, сейчас, создав всего лишь новую подсветку памятника, можно полностью уничтожить ту сакральность, которую он нёс всю историю своего существования, и, несмотря на оставшуюся подлинность, это будет уже иной «памятник истории и культуры» не тождественный

⁴³⁸Соколов Б.Г. Онтология культурного наследия: Музей в эпоху постмодерна. – С. 81.

первоначальному. Таким же разрушительным образом влияет и изменение окружения «памятника» или изменение его исторического ландшафта⁴³⁹.

В современном мире история подменяется мифом, что происходит очень быстро и массово. И в сегодняшней действительности в восприятии прошлого одновременно уживаются научная история (археология, археография, эпиграфика и т.д.), религия и мифология. Если в первом разбираются тысячи людей, во втором миллионы, то мифы являются достоянием миллиардов. Можно проиллюстрировать это положение следующим примером. Благодаря средствам массовой информации, огромное количество людей имеет своё представление о том, где и как был распят Иисус Христос, в то же время несравнимо меньшее количество людей в действительности читало тексты Нового Завета и к своему удивлению может узнать что: «Бѣ же на мѣстѣ, идѣже распѣтся, вѣртѣ {вертоградѣ}, и въ вѣртѣ грѣбъ нѣвъ, въ нѣмже никѣмже никтѣже положѣнъ бѣ»⁴⁴⁰. Или же в Синодальном переводе на русский язык: «На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен»⁴⁴¹. Заканчивая на этом примере, мы вновь возвращаемся к тому, что «историческая культура» контекстуальна относительно настоящего, а не прошлого.

Подводя итог последнему разделу, ещё раз следует подчеркнуть, что новейшая тенденция подмены российского термина «памятник истории и культуры» на международный термин «объект культурного наследия» в современном обществе влечёт эрозию в понимании самого феномена и не способствует целям изучения, воспроизводства и сохранения культурной традиции, присущей российской культуре. И ещё одно важное замечание – «памятник истории и культуры» является специфическим маркером национальной и «культурной идентичности», несущим положительные эмоции. Это проявляется, в частности, в том, что, в отличие от «горячих новостей» скандального характера, все средства массовой информации передают в самое дорогое время («prime time») положительные новости об «объектах культурного наследия», так как эта информация чрезвычайно востребована в социуме.

Заключение

Как только я нашел все ответы,
изменились все вопросы

Пауло Коэльо⁴⁴²

⁴³⁹См., например: Попова Н. Шашлык в усадьбе Ганнибала // Аргументы недели. № 28 (269). 2011. 21 июля. С. 8-9.

⁴⁴⁰Евангелие от Иоанна. 19:41. Библия, - М.: Российское Библейское Общество, 2008 г.

⁴⁴¹Там же.

⁴⁴²Коэльо Пауло. Мактуб. – С.12. [Электронный ресурс] URL: http://www.modernlib.ru/books/koelo_paulo/maktub/ (дата обращения 15.07.2012). (Пауло Коэльо (Paulo Coelho, род. 24.08.1947, Рио-де-Жанейро, Бразилия) — бразильский писатель и поэт).

Представленное вниманию читателей исследование, конечно, многословное и скучное, как любая заумная книга, является лишь попыткой рассказать, то, что накопилось за эти годы и не претендует на истину или хотя бы приближение к ней. И, тем не менее, автор попытался охватить широкий круг известных проблем и взглянуть на них под несколько другим углом.

В книге были рассмотрены основные вопросы, связанные со статусом феномена «памятник истории и культуры» и была продемонстрирована абсурдность того, как этот статус бюрократически номинируется. Воспринимая феномен как специфический вид «культурной ценности», анализируя его признаки, свойства и категории автор данного исследования постарался уйти от монотонных перечислений очевидных фактов, которые не могут исчерпать тот «океан» наследия, который человечество создало за тысячелетия своего существования.

Предметом отдельного анализа является рассмотрение особенностей рецепции в западной культуре феномена «объект культурного наследия» и его не полная тождественность российскому феномену «памятник истории и культуры», явление, носящее не формальный характер, а позволяющий акцентировать внимание на особенностях российского восприятия феномена в связи с мультикультурностью народа, проживающего на просторах «Последней континентальной империи».

Автором была предпринята попытка определения места «памятника истории и культуры» в пространстве культурного наследия в ситуации постмодерна и его роль в сохранении традиционной культуры, которая позволяет активно противостоять напору негативных факторов присущих современности. Восприятие «памятников истории и культуры» как феноменов, символизирующих подлинную традицию и историю, имеет под собой более чем веские основания.

Сформулированные на основе изучения сущностных свойств рассмотренных феноменов определения «культурного наследия народов РФ», «культурной ценности» и «памятника истории и культуры», носящие «не перечислительный» характер, имеют право бытийствовать в роли другого понимания тех же известных явлений. Обособление недвижимых «культурных ценностей» позволило провести грань между «памятниками истории и культуры» и другими объектами культурного наследования. Это свидетельствует о необходимости различных подходов к сохранению и охране недвижимых памятников и движимых «культурных ценностей», неразрывно связанных с первыми. Множественные различия между феноменами «объект археологического наследия», с одной стороны, и «памятник истории и культуры», с другой, позволяют выделить их в два отдельных культурных явления.

Проделанное исследование показывает, что анализ феномена «памятник истории и культуры» с необходимостью носит междисциплинарный характер и только на основе изучения его сущности и роли в трансляции культурной традиции может быть достигнуто понимание его онтологического значения.

Такой подход позволяет переосмыслить роль «объекта культурного наследия» в пространстве прошлое-настоящее-будущее. Данная книга вносит лишь посильный вклад в рассмотрение этого интереснейшего вопроса.

Так как в современной культурной ситуации социальная значимость данной проблематики постоянно растёт, дальнейшая разработка онтологических аспектов феномена «памятник истории и культуры» в качестве одного из элементов, сохраняющих культурное наследие, представляется весьма важным.

Надо отметить, что в данном исследовании рассмотрен лишь один аспект многогранной проблемы и показана неправомерность отхода от ценностного подхода в изучении феномена «памятник истории и культуры». Кроме того, продемонстрирована опасность подмены сущности феномена «памятник истории и культуры», присущей русской традиции, на оболочку («объект культурного наследия»), характерную для новоевропейской культуры. Это в действительности заменяет русскую духовность обезличенным восприятием «культурных ценностей» в роли товара специфического рода⁴⁴³. Имеет смысл еще раз подчеркнуть, что только в результате всестороннего научного обсуждения в среде специалистов (философов, культурологов, юристов, историков и др.) может быть выработано правильное научное определение феномена «памятник истории и культуры». Оно должно служить основой как для разрешения правовых вопросов выявления, изучения и сохранения «объектов культурного наследия», так и для понимания их действительной роли среди практик охраны культуры. В этом смысле справедливо высказывание российской исследовательницы Л.В. Быкасовой о том, что «охрана историко-культурного наследия – это средство просвещения и демократизации общества»⁴⁴⁴.

Заканчивая эту работу, необходимо признать её несовершенство так как, по словам Фридриха Ницше «великие предметы требуют, чтобы о них молчали или говорили величественно: величественно, т.е. цинично и с непорочностью»⁴⁴⁵.

POST SCRIPTUM

И не будем заблуждаться и забывать кем-то сказанное: «когда на твой вопрос отвечает философ, перестаёшь понимать сам вопрос»...

⁴⁴³Возможный эффект подмены сущности демонстрирует, в частности, статья: Лиханова Т. Подводные камни исторического ландшафта: Предложенная чиновниками подмена терминов может оставить исторический Петербург без защиты // «Новая газета». № 75. 2010. 11 октября. С. 13.

⁴⁴⁴Быкасова Л.В. Проблемы использования историко-культурного наследия в курсе культурологии. [Электронный ресурс] URL: <http://aeli.altai.ru/nauka/sbornik/2002/bikasova> (дата обращения 31.05.2011).

⁴⁴⁵Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М., REFL-book, 1994 – С. 33.

Библиографический список

1. Абрамовичу отдали Новую Голландию // Metro С.-Петербург. 2010. 16 ноября. С. 5.
2. Августин Аврелий. Исповедь / Аврелий Августин - М.: Республика, 1992. – С. 8-224.
3. Августин Аврелий. О троице: пятнадцать книг против ариан / Аврелий Августин - Краснодар: Глагол, 2004. – 416 с.
4. Аверченко Н.Н. Гражданско-правовой режим сложных вещей: автореф. дисс. канд. юрид. наук / Н.Н. Аверченко; Санкт-Петербургский государственный университет. - СПб., 2005. – 24 с.
5. Азизян И.А. Мемориал: функция, концепция, композиция / И.А. Азизян // Декоративное искусство СССР. 1972. № 3. С. 10-13.
6. Александрова М.А. Гражданско-правовой режим культурных ценностей в российской федерации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / М.А. Александрова; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2007. – 189 с.
7. Александрова М.А. Состав и отраслевая принадлежность российского законодательства о культурных ценностях / М.А. Александрова // Культура: право, управление, экономика. 2006. №10. С. 24-27 .
8. Аполлон: изобразительное и декоративное искусство, архитектура: Терминологический словарь / Под. общей ред. А.М. Кантора / Российская академия художеств. НИИ теории и истории изобразительных искусств. - М.: Эллис Лак, 1997. - 735 с.
9. Аристотель. О памяти и припоминании / Аристотель // Вопросы философии, № 7. Том 2. Вып. 1. - М.: Наука, 2004. - С. 161-169.
10. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Аристотель – М.: Мысль, 1978. - 688 с.
11. Архитектурно-торговые комплексы // Петровский курьер. № 41. 2010. 17 ноября. С. 2
12. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности: пер. с нем. / Я. Ассман - М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
13. Афоризмер. Афоризмы об археологии. [Электронный ресурс] URL: <http://aforizmer.ru/aforizmi/ob-arkheologii> (дата обращения 06.12.2012).
14. Афоризмы. Памятники. [Электронный ресурс] URL: <http://metaforism.ru/theme/pamyatniki/> (дата обращения 01.12.2012).
15. Базанов В.Л. Проблемы сохранения историко-культурного наследия в условиях обновления общества (на примере материальных памятников истории и культуры РФ): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат философских наук / В.Л. Базанов; Академия общественных наук. - М.,1991. - 26 с.
16. Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии / М.А. Барг // Вопросы истории 1982. № 12. С. 49 – 66.
17. Барт Р. Мифологии / Р. Барт - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.- 312 с.
18. Беззубова О.В. Музей как инстанция художественного, научного и идеологического дискурсов: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.13 /О.В. Беззубова; Санкт-Петербургский государственный университет. - СПб., 2003. - 166 с.
19. Бельчиков Ю.А. Словарь паронимов современного русского языка / сост. Ю.А. Бельчиков, М.С. Панюшева – М.: Русский язык, 1994. - 455 с.
20. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства: пер. с англ. / И.Бентам. — М.: РОССПЭН, 1998. — 415 с. — (История полит. Мысли).
21. Бибишева Ю. Всё выше и выше... / Ю. Бибишева // Вечерний Петербург. 2010. 11 мая. С.4.
22. Библия - М.: Российское Библейское Общество, 2008 - 1328 с.
23. Бобрович А. Кирхи и замки передали православным / А. Бобрович // Metro С.-Петербург № 222. 2010. 24 ноября.
24. Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте. Правовые аспекты / М.М. Богуславский - М.: Юристъ, 2005. – 427 с.
25. Богуславский М.М. Пакт Рериха и защита культурных ценностей / М.М. Богуславский // Советское государство и право. 1974. №10. – С. 111-115.
26. Борисова Г. Деловой сити с восточным уклоном / Г. Борисова // «Деловой Петербург». № 203. 2010. 9 декабря. С. 11-12.
27. Боярский П.В. Введение в памятниковедение / П.В. Боярский – М.: Советский фонд культуры, 1990. – 249 с.
28. Боярский П.В. Перспективы развития памятниковедения / П.В. Боярский // Памятниковедение:

- теория, методика, практика // Сборник научных трудов – М.: Научно-исследовательский институт культуры 1986. – С. 124-142.
29. Будем оспаривать в суде!.. // Голос Санкт-Петербурга. 2010. Июль. С. 4-5.
 30. Бурден А. Культурное наследие и экономика / А. Бурден // Исторические города и села в период модернизации. (Междунар. коллект. монография). Ч. 2. – М.: РИК, 2000. – С. 192-197.
 31. Быкасова Л.В. Проблемы использования историко-культурного наследия в курсе культурологии. [Электронный ресурс] URL: <http://aeli.altai.ru/nauka/sbornik/2002/bikasova> (дата обращения 30.05.2011).
 32. Васин Б.Н. Современные методы управления объектами культурного наследия / Б.Н. Васин, И.С. Кудимов, А.А. Мушников, Д.М. Яцкин // Справочник руководителя учреждения культуры. 2005. №5. С.13-20.
 33. Васюков М. Петровский остров встает на рельсы / М. Васюков // «Деловой Петербург». № 216. 2009. 17 ноября. С. 6-7.
 34. Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия / Ю.А. Веденин, М.Е.Кулешова // Известия АН. Географическая серия. 2001. №1. – С. 7-14.
 35. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский – М.: Айрис-пресс, 2008. – 576 с.
 36. Вершинина Н. Ночь в городском музее / Н. Вершинина // «Деловой Петербург». № 26. 2011. 24 февраля. С.6 -7.
 37. Википедия. Признак. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Признак> (дата обращения 07.11.2012).
 38. Википедия. Свойство. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Свойство> (дата обращения 07.11.2012).
 39. Википедия. Функция (философия). [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Функция> (дата обращения 07.11.2012).
 40. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2 т. Том 2. От Канта до Ницше. - М.: Терра-Канон-Пресс-Ц, 2000. - 512с
 41. Вишневский Б. Высотки на месте «Зенита» не будет / Б. Вишневский // «Новая газета». № 74. 2010. 7 октября. С. 12.
 42. Вишневский Б. Башня накренилась / Б. Вишневский // «Новая газета». № 85. 2009. 16 ноября. С. 20.
 43. Вишневский Б. Вертать историю назад / Б. Вишневский // «Новая газета». № 19. 2011. 24 марта. С. 16.
 44. Вишневский Б. Держи карман / Б. Вишневский // «Новая газета». № 83. 2009. 9 ноября. С. 17.
 45. Вишневский Б. Зеленый геноцид / Б. Вишневский // «Новая газета». № 85. 2009. 16 ноября. С. 21.
 46. Вишневский Б. Нагою стать при море / Б. Вишневский // «Новая газета». № 16. 2011. 14 марта. С. 13.
 47. Вишневский Б. «Охта-центр» выше / Б. Вишневский // «Новая газета». № 56. 2010. 5 августа. С. 18.
 48. Вишневский Б. А «Охта-центр» - против! / Б. Вишневский // «Новая газета». № 86. 2009. 19 ноября. С. 21.
 49. Вишневский Б. Похороны небоскреба / Б. Вишневский // «Новая газета». № 88. 2009. 26 ноября. С. 21.
 50. Вишневский Б. Разрушение без нарушений / Б. Вишневский // «Новая газета». № 58. 2010. 12 августа. С.22.
 51. Вишневский Я.Л. Одиночество в сети. С. 99. 193 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.modernlib.ru/books/vishnevskiy_yanush/odinochestvo_v_seti/ (дата обращения 27.11.2012).
 52. Волкова Т. Каждый новый этап – это новый вызов / Т. Волкова // Петербургский дневник. № 29. 2 августа. С. 7.
 53. Воронин Н.Н. Архитектурный памятник как исторический источник (Заметки к постановке вопроса) / Н.Н. Воронин // Советская археология. XIX. – М., 1954. Стр. 41-76.
 54. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры / Г.П. Выжлецов. - СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. - 152с.
 55. Гаагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. - М.: Госюриздат, 1957. - 46 с.

56. Гак В.Г. Новый французско-русский словарь / сост. В.Г. Гак, К.А. Ганшина. - М.: «Русский язык», 1997. - 1196 с.
57. Галенская Л. Н. Музы и право. Правовые вопросы международного сотрудничества в области культуры / Л. Н. Галенская – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. - 220 с.
58. Гегель Ф. Философия духа. Сочинения в трех томах. Т. 3 / Ф. Гегель - М.: Мысль, 1977. – 472 с. (Энциклопедия философских наук)
59. Гегель Ф. Философия права / Ф. Гегель - М., Мысль, 1990. – 524 с.
60. Голубкова М. Башня пришла в движение / М. Голубкова // Российская газета. №224. 2009. 26 ноября. С. 7.
61. Голубкова М. Больница под снос / М. Голубкова // Российская газета. № 203. 2010. 9 сентября. С. 13.
62. Голубкова М. Изборск себя ещё покажет / М. Голубкова // Российская газета. № 261. 2010.18 ноября. С. 8.
63. Горбунова А. За дом ответят! / А. Горбунова // Петербургский дневник. № 7. 2011. 28 февраля. С. 10.
64. Горбунова И. Особняк на Невском, 68 сохранят по максимуму / И. Горбунова // Metro С.-Петербург. 2011. 17 января. С. 7.
65. Горбунова И. Разрушение старины – это уголовное дело / И. Горбунова // Metro С.-Петербург. 2010. 27 сентября. С. 13.
66. Градостроительный Кодекс РФ/ «Российская газета». № 290. 2004. 30 декабря.
67. Гражданский Кодекс РФ // «Собрание законодательства РФ». 1994. № 32. ст. 3301.
68. Гридасов А. «Культура определяет состояние экономики» / А. Гридасов // Экономика и время. № 13-14. 2011. 18 апреля. С. 4-5.
69. Даль В.И. Толковый словарь Живаго Великорусского языка. Ч. 3., П, - М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1865 – 508 с.
70. Даль В.И. Толковый словарь Живаго Великорусского языка. Ч. 2., И-О, - М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1865 - С. 629-1351.
71. Декреты советской власти. Т.2. 17 марта по 10 июля 1918 г. – М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1959. – 686 с.
72. Дембельский аккорд ЗакСа // Голос Санкт-Петербурга. 2010. Июль. С. 4-5.
73. Дементьева Ю.М. Материалы Археологических съездов (1869-1914) как источник по истории музейного дела России / Ю.М. Дементьева // Известия Российского Государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради № 37 (80). – СПб., 2008. – С. 71-83.
74. Дильтей В. Описательная психология: пер. с нем. // В. Дильтей. - СПб.: «Алетейя», 1996. - 160 с.
75. Домрин А.Н. Законодательство США об охране памятников национального значения / А.Н. Домрин // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М., 2005. - С. 26-44.
76. Домрин А.Н. Охрана памятников истории и культуры в Великобритании / А.Н. Домрин // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М., 2005. – С. 121-137.
77. Дубшан Ф. Смольный собор: загадка возрастом в 175 лет / Ф. Дубшан // Вечерний Петербург. № 185. 2010. 13 октября. С. 8.
78. Дылева Е. На крыше прорубить окно / Е. Дылева // «Новая газета». № 88. 2009. 26 ноября. С. 20.
79. Дьячков А.Н. Памятники в системе предметного мира культуры / А.Н. Дьячков // Памятник и современность: Вопросы освоения историко-культурного наследия: Сборник научных трудов. – М., 1987. – С. 41-60.
80. Европейская конвенция об охране археологического наследия от 6.05.1969 г. (Серия Европейских договоров, №66) //Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия / Научн.-производств. центр по охране памятников Свердл.обл. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001 – 520 с.
81. Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная, Валлетта, 16 января 1992 года) (Серия Европейских договоров №143)// Сборник правовых актов Совета

- Европы о сохранении культурного наследия / Научн.-производств. центр по охране памятников Свердлов. обл. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001 – 520 с.
82. Егоров В.Л. Развитие и становление понятия «памятник истории» / В.Л. Егоров // История СССР.1988. № 1. С. 100-107.
83. Егоров В. Сила – в единстве культур / В. Егоров //Газета Metro С.-Петербург. 2011. 19 мая.
84. Ерасов Б. С. Социальная культурология: учебник для студентов высших учебных заведений / Б.С. Ерасов. - Издание 3-е, доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 591 с.
85. Жуков Ю.Н. Роль права в охране культурно-исторического наследия в первый год Советской власти / Ю.Н. Жуков //Советское государство и право. – М. 1983. № 11. С.117-122.
86. Жуков Ю.Н. Сохраненные революцией / Ю.Н. Жуков – М.: Московский рабочий, 1985. – 207 с.
87. Загвоздина И. Авиакассы уступят место бутик-отелю / И. Загвоздина // Metro С.-Петербург. 2010. 15 сентября. С. 16.
88. Загвоздина И. Ещё один старый дом ждет гибель / И. Загвоздина // Metro С.-Петербург. 2011. 17 января. С. 7.
89. Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры»//Свод законов РСФСР. Т. 3. – М.: Советская Россия, 1983. – С. 498 – 526.
90. Закон РФ «О недрах» от 21 февраля 1992 №2395-1 // Российская газета. 1992. 5 мая.
91. Закон РФ от 9 октября 1992 года №3612-1 «Основы законодательства РФ о культуре» (ред. От 29.12.2006) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2008)//Российская газета, № 248.1992. 17 ноября, № 297. 1996. 31 декабря.
92. Закон РФ от 14 марта 1995г. №33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // СЗ РФ. 1995. №12. ст.1024.
93. Закон РФ от 26 мая 1996 года №54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 27.05.1996. №22. ст. 2591.
94. Закон РФ от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // СЗ РФ. 1997. №30. ст.3594.
95. Закон РФ от 24 июля 2007 г. N 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» // СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 4017; 2008, № 30, ст. 3597, 3616; 2009, № 1, ст. 19; № 19, ст. 2283; № 29, ст. 3582; № 52, ст. 6410, 6419; 2011, № 1, ст. 47; № 23, ст. 3269; № 27, ст. 3880; № 30, ст. 4563, 4594.
96. Закон РФ от 10 января 2002г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2.ст.133.
97. Закон РФ от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 26. ст.2519.
98. Закон РФ от 22 октября 2004 года №125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 43. ст. 4169.
99. Закон РФ от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» // Российская газета, № 5353 от 3 декабря 2010 г.
100. Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29 октября 1976 года №4692-IX // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. №44. ст. 628. (Утратил силу.).
101. Записки кота Заксика. Истории из моей жизни. История четвертая. Про кошачьи прогулки и зеленые насаждения // Голос Санкт-Петербурга. 2010. Июль. С. 4.
102. Захаров А. «Охта центр» построят в правовом поле / А. Захаров // Петербургский дневник. № 41. 2010. 18 октября. С. 10.
103. Земельный Кодекс Российской Федерации // Российская газета. № 211-212. 2001. 30 октября.
104. Иванов И. Движение на восток / И. Иванов // Российская газета. №207. 2010. 15 сентября. С. 27.
105. Избранные чаньские изречения. [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/library/asiatica/buddhica/chan.html> (дата обращения 07.12.2012).
106. Иконникова Г.И. Аксиология и философия права: методологические основания / Г.И. Иконникова // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 2. - С. 193-204.
107. Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры, утвержденная Приказом Министерства Культуры СССР от 13 мая 1986 г. № 203. Текст Инструкции не был официально

- опубликован. [Электронный ресурс] URL: <http://docs.kodeks.ru/document/9013052> (дата обращения 10.06.2011).
108. Иоффе О.С. Советское гражданское право / Иоффе О.С. - М.: Юридическая литература, 1967. - 494 с.
109. К чему приведут «благие намерения» // Голос Санкт-Петербурга. 2010. Июль. С. 5.
110. Капустина Л.Б. Взаимодействие философии и искусства как предмет теоретического осмысления в западной культуре : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук : 09.00.13 / Л.Б. Капустина; Санкт-Петербургский государственный университет - СПб., 2005. - 315 с.
111. Карманова А. Живой проект живому городу / А. Карманова // Петербургский дневник. № 34. 2010. 30 августа. С. 17.
112. Кастанеда Карлос. Второе кольцо силы. - 151 с. [Электронный ресурс] URL: http://royallib.ru/book/kastaneda_karlos/vtoroe_koltso_sili.html (дата обращения 20.09.2012).
113. Качалова В.Г. Проблемы охраны культурного достояния России как фактор формирования национального сознания народа / В.Г. Качалова // Credo New. - СПб, 2002. - № 3 - С. 1-13.
114. Кирман Д. Малоохтинское Сити / Д. Кирман // Коммерческая недвижимость. № 41. 2010. 20 сентября. С. 10.
115. Климова Т. Культурное наследие вступает в ТСЖ / Т. Климова // «Деловой Петербург». № 74. 2009. 27 апреля. С.6 -7.
116. Климова Т. Новый голландец Абрамович / Т. Климова // «Деловой Петербург». № 184. 2010. 12 ноября. С. 6-7.
117. Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. — М.: Академический Проект, 2012. —618 с.
118. Козлов А.А. Правовое регулирование охраны памятников истории и культуры в 1917-1941 гг.: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук / А.А. Козлов; МГУ им. М.В. Ломоносова - М., 1990. - 24 с.
119. Коллекция афоризмов. [Электронный ресурс] URL: <http://www.collection-aforizmov.ru/aforizmi-cat594.html> (дата обращения 01.12.2012).
120. Комментарий к Ч.1 ГК РФ / Под ред. Н.Д. Егорова, А.П. Сергеева. - М.: Проспект, 2005. - 896 с.
121. Конвенция об охране архитектурного наследия Европы от 3.10.1985 г. (Серия Европейских договоров, №121 // Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия / Сост. С.Н.Молчанов.- Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. - 520 с.
122. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия//Париж, 16 ноября 1972 года. - Париж: ЮНЕСКО, 1972. - 14 с.
123. Конвенция о законах и обычаях войны. Гаага, 18 октября 1907 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cneat.ru/konv.html> (дата обращения 13.06.2011).
124. Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 г. // Международное частное право: Сборник документов. — М.: БЕК, 1997. - 962 с.
125. Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 года // Международные нормативные акты ЮНЕСКО// Конвенции, соглашения, протоколы, рекомендации, декларации. / Сост. И.Д.Никулин. - М.: Логос, 1993. - 640 с.
126. Конституция Российской Федерации с комментариями Конституционного Суда РФ и вступительной статьей. - М.: Инфра-М, 2011. - 208 с.
127. Коробов П. Церковь наделяют от государства / П. Коробов // Коммерсантъ. № 206. 2010. 9 ноября.
128. Косовская Е. Отдавшим жизнь за Родину посвящается: Воинское кладбище «Дачное» / Е. Косовская // «С уважением к памяти». № 11. 2009. Ноябрь. С. 4.
129. Коэльо Пауло. Мактуб. - 39 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.modernlib.ru/books/koelo_paulo/maktub/ (дата обращения 15.07.2012).
130. Кузнецова Ю.С., Приватизация объектов культурного наследия федерального значения / Ю.С. Кузнецова, А.А. Лардугин, А.Б. Шухободский // Реставрационный ежегодник 2008. - СПб., 2008 - С. 63-64.
131. Кузнецова Ю.С. Экономика приватизации объектов культурного наследия федерального значения: выпускная квалификационная работа / Ю.С. Кузнецова; СПб. Гос. университет информационных технологий, механики и оптики. - СПб., 2008. - С. 129.
132. Кулемзин А.М. История охраны памятников в РСФСР: учебное пособие / А.М. Кулемзин. -

- Красноярск: Красноярский университет, 1992. – 106 с.
133. Кулемзин А.М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление / А.М. Кулемзин. – Кемерово: Изд-во обл. ИУУ, 2001. – 329 с.
134. Кулемзин А.М. Охрана памятников как социально-историческое явление//Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири / А.М. Кулемзин. – Кемерово, 1996. – С. 5-15.
135. Кулемзин А.М. Понятие «памятник истории и культуры» в современном отечественном законодательстве / А.М. Кулемзин // Материалы научно-практической конференции «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края». - Барнаул. 1996. – С. 43-45.
136. Кулемзин А.М. Правильное определение предмета памятникоохранительной деятельности – начало ее успеха / А.М. Кулемзин. – СПб: Клио, 1998. – С. 134-137.
137. Лебедева Г.В. Память и забвение как феномены культуры: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Г.В. Лебедева; Уральский государственный университет им А.М. Горького. - Екатеринбург, 2006. - 168 с.
138. Леонидов М. Петербургу нужен современный Сити / М. Леонидов // Петербургский дневник. № 47. 2010. 29 ноября. С. 10.
139. Лец С.Е. Непричесанные мысли. - 19 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.modernlib.ru/books/lec_stanislav/neprichesannie_misli/ (дата обращения 27.11.2012).
140. Лисицкий А.В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития: диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / А.В. Лисицкий; Российская академия Государственной службы при Президенте Российской Федерации – М., 2004. – 151 с.
141. Лисицкий А.В. ЮНЕСКО, Всемирный банк и основы политики в сфере наследия / А.В. Лисицкий. – СПб. Научно-практический журнал Северо-Западной Академии государственной службы (Управленческое консультирование). Вып. 4. 2005. – С.105-119.
142. Лиханова Т. Валентина Матвиенко – без бантика / Т. Лиханова // «Новая газета». № 72. 2009. 28 сентября. С. 16-17.
143. Лиханова Т. Главный архитектор поражен бактериями / Т. Лиханова // «Новая газета». № 58. 2010. 12 августа. С.18-19.
144. Лиханова Т. Десять человек на «сундук» RBI / Т. Лиханова // «Новая газета». № 32. 2010. 6 мая. С. 19.
145. Лиханова Т. Злые люди / Т. Лиханова // «Новая газета». № 26. 2010. 12 апреля. С. 18-19.
146. Лиханова Т. Коррупционный базис смольнинских новостроек / Т. Лиханова // «Новая газета». № 74. 2010. 7 октября. С. 13.
147. Лиханова Т. Лопухинский сад – зоны поражений и побед / Т. Лиханова // «Новая газета». № 18. 2010. 15 марта. С. 6.
148. Лиханова Т. Минотавр Миллера поселится в Александровском парке / Т. Лиханова // «Новая газета». № 16. 2010. 4 марта. С. 12.
149. Лиханова Т. Новые тайны Литературного дома / Т. Лиханова // «Новая газета». № 18 от 21.03.2011.
150. Лиханова Т. Петербург: хранить вечно / Т. Лиханова // «Новая газета». № 88. 2009. 26 ноября. С. 20.
151. Лиханова Т. Плюс пять для исторического центра / Т. Лиханова // «Новая газета». № 16. 2011. 14 марта. С. 15.
152. Лиханова Т. Подводные камни исторического ландшафта: Предложенная чиновниками подмена терминов может оставить исторический Петербург без защиты / Т. Лиханова // «Новая газета». № 75. 2010. 11 октября. С. 13.
153. Лиханова Т. Последний градостроитель / Т. Лиханова // «Новая газета». № 89. 2009. 30 ноября. С. 18.
154. Лиханова Т. Руины памятников удобряют всходы многоэтажек / Т. Лиханова // «Новая газета». № 83. 2009. 9 ноября. С. 18-19.
155. Лиханова Т. Тактика выжженной земли / Т. Лиханова // «Новая газета». № 21. 2011. 31 марта. С. 22.
156. Лиханова Т. «Чреву Петербурга» хирург не нужен / Т. Лиханова // «Новая газета». № 39. 2010. 3 июня. С.12-13.
157. Лихачёв Д.С. Декларация прав культуры / Д.С. Лихачёв //Раздумья о России. – СПб.: Logos, 1999. – С. 635-640.

158. Лучшие афоризмы. Афоризмы от Александра Циткина [Электронный ресурс] URL: <http://topaforizm.com/tag/Александр-Циткин/page/24> (дата обращения 15.07.2012).
159. Мазеин Д.В. Некоторые проблемы правового регулирования гражданского оборота движимых культурных ценностей / Д. В. Мазеин // Журнал российского права. № 9, 2004. - С. 43-55.
160. Мазеин Д.В. Совершенствование системы охраны археологических памятников // Вестник молодых ученых. 2004. №3 Серия: Исторические науки. – С. 72-77.
161. Мазо Б. Нужно больше имперского блеска / Б. Мазо // «Деловой Петербург». № 36. 2009. 3 марта. С. 14-15.
162. Макаров В. Плюсы «Охта центра» перевесят любые минусы / В. Макаров // Петербургский дневник. № 42. 2010. 25 октября. С. 8.
163. Максимова Т. Хранилище для Эрмитажа / Т. Максимова // Петербургский дневник. №7. 2010. 1 марта. С.9.
164. Малый энциклопедический словарь. Т. II, Изд. II. - СПб., Издание Брокгаузъ-Ефронъ, 1909. – 1056 с.
165. Малышева Д. С чего начинается Родина? С книги, подвига, детства... // Литературная газета. 20.04.2005 // [Электронный ресурс] URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=11278> (дата обращения 02.06.2011).
166. Мартынов А.И. О зарубежном опыте охраны и использования археологических памятников / А.И. Мартынов // Материалы научно-практической конференции «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края». - Барнаул. 1996. с. 12-19.
167. Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные императорским Московским археологическим обществом. - М., 1911. – 62 с.
168. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия // Париж 17 октября 2003 г. – Париж: ЮНЕСКО, 2003. – 17 с.
169. Миронова Т.Г. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества: диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологических наук / Т.Г. Миронова. - М., 2000. – 152 с.
170. Михаил (Мудьюгин), архиепископ. Введение в основное богословие / Архиепископ Михаил (Мудьюгин) – М.: Издательство Библиейско-Богословского института святого апостола Андрея, 1995. – 232 с.
171. Михеева И.В. О понятии «культовые памятники» и их типология / И.В. Михеева // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. 2001. – С.150-153.
172. Молчанов С.Н. К вопросу об использовании в законодательстве понятий «культурное наследие» и «культурное достояние» / С.Н. Молчанов // Юрист. – М., 1999. № 3. – С. 7-11.
173. Молчанов С.Н. Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие (достояние)» в международном праве (информационно-аналитический обзор) / С.Н. Молчанов // Московский журнал международного права. 2002. №2. С. 20-27.
174. Молчанов С.Н. Об определении понятий «недвижимые культурные ценности» и «недвижимое культурное наследие (достояние)» в правовых актах ЮНЕСКО / С.Н. Молчанов // Сборник текстов докладов Второй межрегиональной научно-практической конференции «ИРИТОП – 2000». ГУОП г. Москвы. – М., 2000, С. 15-17.
175. Молчанов С.Н. Право Совета Европы и Европейское культурное право // Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия / Сост. С.Н. Молчанов. - Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. - С. 19 – 45.
176. Молчанов С.Н. Современные термины и понятия охраны, реставрации и использования недвижимых памятников истории и культуры / С.Н. Молчанов // Научно-информационный сборник «Материальная база сферы культуры», Вып. 3, ЗГБ Инфокультура - М., 2000, С. 44-49.
177. Молчанов С. Н. Сохранение и охрана памятников культурного наследия в рамках Совета Европы. [Электронный ресурс] URL: <http://smolchanov.narod.ru/CultLawCE.htm>. (дата обращения 09.03.2011).
178. Музейная икона уйдёт в монастырь // Metro С.-Петербург. 2011. 17 января. С. 3.
179. Набоков В.В. Пнин. [Электронный ресурс] URL: http://www.modernlib.ru/books/nabokov_vladimip/pnin/ (дата обращения 30.11.2012). - 79 с.
180. Небедный Димьян. Талибы взорвали Будду. 2001. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ateism.ru/articles/demian010.htm>. (дата обращения 24.11.2010).
181. Неновски Н. Право и ценности: пер. с болг. / Н. Неновски. - М., 1987. – 245 с.

182. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей: пер. с нем. / Ф. Ницше. - М.: REFL-book, 1994. – 352 с.
183. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле: пер. с нем. / Ф. Ницше. - М.: Харвест, 2003. – 384 с.
184. Новый англо-русский словарь / сост. Мюллер В.К. – М.: «Русский язык», 2000. – 882 с.
185. Опять 500 // Мой район. Острова (Василеостровский и Петроградский районы). № 31. 2011. 19 августа. С.4.
186. Орешкина Д. Исчезающий Невский / Д. Орешкина // Невское время. 2011. 11 января. С. 3.
187. Оттенсон А. Памятники культуры во все времена были объектом охраны государства / А. Оттенсон // Советское право – Таллин, 1985. № 3. С. 192-198.
188. «Охта центр»: инновационные технологии проектирования и строительства: Специалисты «Охта центр» отвечают на вопросы петербуржцев // «Мой район» Василеостровский. № 41. 2010. 22 октября. С. 2.
189. Пакт Рериха: 70 лет. Материалы Международной научно-практической конференции 15 апреля 2005 г. - СПб., 2005. - 396 с.
190. Памятник архитектуры едва не снесли // Московский комсомолец в Питере. 2010. 24 февраля. С. 6.
191. Памятники истории и культуры как культурно-исторический феномен: методическая разработка к лекции по курсу «Памятники истории и культуры и их охрана» // сост. Базаржапов В. Б-М., Арьянов А.Д. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный технологический университет, 2005. – 24 с.
192. Перов Ю.В. К вопросу о «метафизических» предпосылках философии ценностей / Ю.В. Перов // Историчность и историческая реальность. - СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. - С. 117-131. (Серия «Мыслители». Выпуск 2).
193. Петрова Е. Александр Сокуров: «Снесённый памятник – стёртая память». Не будет культуры – не будет России / Е. Петрова // Аргументы и факты Санкт-Петербург.. № 33. 2010. 18 августа.
194. Петроний Арбитр. [Электронный ресурс] URL: http://ru.wikiquote.7val.com/wiki/Петроний_Арбитр (дата обращения 01.12.2012).
195. Платон. Сочинения: в трех томах / Платон.– М., Мысль. Т.3. Ч. 1. 1971. - 688 с.
196. Плотников С.А. Релятивистские и абсолютные ценности в светской педагогике // Социальная работа и сестринское дело в системе здравоохранения: проблемы профессиональной деятельности и инновации в подготовке кадров: Сборник статей и тезисов докладов участников второй Межрегиональной научно-практической конференции 17-19 ноября 2009 г. / Уральская государственная медицинская академия /Под ред. К.В.Кузьмина. - Екатеринбург, 2009. – С. 56-65.
197. Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах. Утверждено Ученым советом Института археологии РАН 23 февраля 2001 г. - М., 2001. URL: http://www.archaeology.ru/ONLINE/Documents/otkr_list.html#top (дата обращения 20.05.2011).
198. Полякова М.А. Роль мемориальных памятников культуры в изучении культуры края / М.А. Полякова // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культурного наследия РСФСР // Труды НИИ культуры. – М., 1980, - Вып. 93. – С. 5-13.
199. Попова Н. Шашлык в усадьбе Ганнибала / Н. Попова // Аргументы недели. № 28. 2011. 21 июля. С. 8-9.
200. Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» от 27 декабря 1991 года № 3020-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 16 января 1992 г., № 3. ст.89.
201. Постановление Правительства РФ от 06.10.1994 № 1143 «Об утверждении Положения о Государственном своде особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 25. ст. 2710.
202. Постановление Правительства РФ от 15.07.2009 № 569 "Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе"// СЗ РФ. 2009. № 30. ст. 3812.

203. Постановление Правительства РФ от 03 ноября 1994 №1205 «Об утверждении Положения о государственном мемориальном и природном заповеднике «Музей усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» // СЗ РФ. 1994. №29. ст. 3034.
204. Постановление Правительства РФ от 5 июля 2001 года №504 «Об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов музейного фонда РФ, документов библиотечных фондов, архивного фонда РФ, а также кинофонда» // СЗ РФ. 2001. №29. ст. 3015.
205. Постановление Правительства РФ от 16 декабря 2002 года № 894 «Об утверждении Положения о порядке подготовки и выполнения охранных обязательств при приватизации объектов культурного наследия» // СЗ РФ. 2002. №51. ст. 5086.
206. Постановление Правительства РФ от 17 июня 2004 г. № 301 «О Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия» // СЗ РФ. 2004. №25. ст. 2573.
207. Постановление Совмина СССР от 14.10.1948 № 3898 О мерах улучшения охраны памятников культуры [Электронный ресурс] URL: <http://art-con.ru/node/354> (дата обращения 03.10.2011).
208. Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» // Охрана памятников истории и культуры. – М., 1973. – С. 144-149.
209. Постановление Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 года № 865 «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры» // СП СССР. 1982. № 26. ст.133.
210. Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах // Сборник научных трудов // РАН. ИНИОН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М., 2005. – 175 с.
211. Петербургская стратегия сохранения культурного наследия [Электронный ресурс] URL: http://www.gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/c_govcontrol/proekt. (дата обращения 07.06.2011).
212. Путин В.В. Президент Российской Федерации. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, Кремль, Мраморный зал. 26 апреля 2007 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zakon.kz/4444789-poslanie-prezidenta-rossii-v.v.-putina.html> (дата обращения 07.12.2012).
213. Работникова В. Медвежья услуга / В. Работникова // «Мой район» Петроградский. № 40. 2010. 15 октября. С. 2-3.
214. Работнова В. Срочно требуем референдум / В. Работнова // «Новая газета». № 88. 2009. 26 ноября. С. 4.
215. Ратников Д. Нам говорят, что это хорошо / Д. Ратников // Санкт-Петербургские ведомости. № 48. 2010. 22 марта. С. 2.
216. Ратников Д. Озеро из пробирки застройщика / Д. Ратников // Санкт-Петербургские ведомости. № 147. 2010. 10 августа. С. 2.
217. Рекомендация № R (93)9 об охране архитектурного наследия от природных катастроф // Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия / Научн.-производств. центр по охране памятников Свердл.обл. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001 – С.274.
218. Рекомендация о защите культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ // ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Пятнадцатая сессия. Париж, 1968. – Париж: ЮНЕСКО, 1969. – С. 159-167.
219. Рекомендация о международном обмене культурными ценностями // ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Девятнадцатая сессия Найроби, 26 октября – 30 ноября 1976 г. // Том 1. Резолюции. – Париж: ЮНЕСКО, 1977. – С. 133-136.
220. Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей // ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Девятнадцатая сессия Найроби, 26 октября – 30 ноября 1976 г. // Том 1. Резолюции. – Париж: ЮНЕСКО, 1977. – С. 137-145.
221. Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей // ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Двенадцатая сессия, Париж, 1962 г. // Резолюции. – Париж: ЮНЕСКО, 1963. – С. 143-146.
222. Рекомендация о сохранении фольклора // ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. Двадцать пятая сессия, Париж, 17 октября – 16 ноября 1989 г. // Том 1. Резолюции. – Париж: ЮНЕСКО, 1990. – С. 176-180.

223. Репина А. Охранную зону в центре урежут? / А. Репина // Вечерний Петербург. № 185. 2010. 13 октября. С. 2.
224. Рерих Н.К. Листы дневника / Н.К. Рерих. - М., МЦР. Том 1. 1999. – 381 с.
225. Рикёр П. Память, история, забвение: пер. с франц. / П. Рикёр. - М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. - 728 с. (Французская философия XX века).
226. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. — М.: Республика, 1998. — С. 43-128. (Мыслители XX века).
227. Риккерт Г. О системе ценностей / Г. Риккерт. - М.: Республика, 1998. – 413 с. (Науки о природе и науки о культуре).
228. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н.С. Розов. - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1998. - 292с.
229. Рузавин Г.И. Логика и аргументация: учебное пособие для вузов / Г.И. Рузавин. - М.: Культура и спорт. Юнити, 1997. - 351 с.
230. Русско-английский словарь. - М.: «Советская энциклопедия», 1969. - 767 с.
231. Сабитов Т.Р. Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. канд. юрид. Наук / Т.Р. Сабитов; Челябинский государственный университет. - Омск. 2002 – С.24.
232. Сводная энциклопедия афоризмов [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/aphorism/1159/Дени> (дата обращения 30.11.2012).
233. Сводная энциклопедия афоризмов. Локк [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/aphorism/2725/Локк> (дата обращения 09.06.2012).
234. Семенова Д. Деловой район городу необходим / Д. Семенова // «Петровский курьер». № 40. 2010. 10 ноября. С. 3.
235. Семенова Д. Для «Охта центра» изобрели сверхпрочную марку стали / Д. Семенова // «Петровский курьер». № 33. 2010. 22 сентября. С. 3.
236. Семенова Д. За «Охта центром» видится будущее / Д. Семенова // «Петровский курьер». № 36. 2010. 13 октября. С. 3.
237. Семенова Д. Молодые архитекторы равняются на «Охта центр» / Д. Семенова // «Петровский курьер». № 35. 2010. 6 октября. С. 3.
238. Семенова Д. «Охта центр» построят по закону / Д. Семенова // «Петровский курьер». № 41. 2010. 17 ноября. С. 3.
239. Семенова Д. Строительство «Охта центра» не вызовет транспортных проблем / Д. Семенова // «Петровский курьер». № 42. 2010. 24 ноября. С. 3.
240. Семенова Д. Строительство Сити начнется с дорог / Д. Семенова // «Петровский курьер». № 43. 2010. 1 декабря. С. 3.
241. Сергеев А.П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР / А.П. Сергеев. - Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1990. - 192 с.
242. Словарь иностранных слов. Изд. 6 перераб. и доп. - М.: Советская энциклопедия, 1964 – 784 с.
243. Смирнова И. Деловой центр в Лахте может вырасти / И. Смирнова // Metro С.-Петербург. 2011. 8 июня. С. 4.
244. Смирнова И. На востоке города растет Сити / И. Смирнова // Metro С.-Петербург. 2010. 29 ноября. С. 4.
245. Смирнова И. Новую «Охту» показали / И. Смирнова // Metro С.-Петербург. 2011. 16 марта. С. 4.
246. Смирнова И. «Охта центр» спасет от пробок / И. Смирнова // Metro С.-Петербург. 2010. 24 ноября. С. 6.
247. Смирнова И. Петербургу необходим свой ориентир / И. Смирнова // Metro С.-Петербург. 2010. 23 сентября. С. 5.
248. Советское гражданское право: под ред. О.А. Красавчикова. Т.1. - М.: Высшая школа, 1985. – 544 с.
249. Соколов Б.Г. Онтология культурного наследия: Музей в эпоху постмодерна. Часть 1 // Б.Г. Соколов. – СПб.: СПбГУ, ВВМ, 2010. – 126 с.
250. Соколов Б.Г. Очки для Ницше / А.В. Дьяков., Соколов Б.Г. / Курск. гос. ун-т; С.-Петербург. филос. об-во. – Курск, СПб., 2011. – 242 с.
251. Сохранить наследие или лицо? // Невское время. 2010. 14 августа. С. 4.
252. Степанов С. Крепость и люди / С. Степанов // Музей и город. - СПб.: Искусство, 1993. – 104 с.

253. Сухов П.А. Археологические памятники, их охрана, учет и первичное изучение / П.А. Сухов. - М.-Л., АН СССР, 1941 – С. 124.
254. Телехов М. Какая связь между «Стокманном» и Карлом Буллой? / М. Телехов // Вечерний Петербург. 2010. 24 марта. С.2.
255. Толковый словарь русского языка: под ред. Д.Н. Ушакова // Том II. – М.: Астрель, Аст, 2000 – 1040 с.
256. Толковый словарь русского языка: под ред. Д.Н. Ушакова // Том III. – М.: Астрель, Аст, 2000 – 1424 с.
257. Топор как элемент правового государства // Голос Санкт-Петербурга. 2010. Июль. С. 1, 4, 5.
258. Торг открыт // Голос Санкт-Петербурга. 2010. Июль. С. 5.
259. Трояновский Сергей: За чем охотятся черные копатели. Новгородская интернет газета от 31 августа 2010 г. [Электронный ресурс] URL: <http://vnnews.ru/actual/chernokopateli>. (дата обращения 20.05.2011).
260. Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме / В.П. Тугаринов. - Л.: Издательство ЛГУ, 1968. – 124 с.
261. Уголовный Кодекс Российской Федерации. С комментариями к последним изменениям. – М., Эксмо, 2011 – 272 с.
262. Указ Президента РФ от 30 ноября 1992 г. № 1487 «Об утверждении Положения об особо ценных объектах культурного наследия народов РФ» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 23. Ст. 1961.
263. Указ Президента РФ №2121 от 26 ноября 1994 года «О приватизации в Российской Федерации недвижимых памятников истории и культуры местного значения» // СЗ РФ. 1994. №32. ст. 3330.
264. Указ Президента РФ «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения» от 20.02.1995 № 176 // СЗ РФ. 1995. № 9 ст. 734.
265. Устав Совета Европы, Лондон, 5.05.1949 г. (Серия Европейских договоров, №1)// Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия (Часть II): сост. С.Н.Молчанов. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. - С. 45-61.
266. Федоров Н.Ф. Как может быть разрешено противоречие между наукой и искусством? / Н.Ф. Федоров. - М.: Прогресс. Сочинения в 4-ех книгах. Кн. 2.1995. - С. 233 - 237.
267. Федоров Н.Ф. Как началось искусство, чем оно стало и чем должно оно быть? / Н.Ф. Федоров. - М.: Прогресс. Сочинения в 4-ех книгах. Кн. 2.1995. - С. 228 - 230.
268. Федоров Н.Ф. Отношение торгово-промышленной «цивилизации» к памятникам прошлого / Н.Ф. Федоров. - М.: Прогресс. Сочинения в 4-ех книгах. Кн. 2.1995. - С. 207.
269. Федоров Н.Ф. Творение и воссоздание Н.Ф. Федоров. - М.: Прогресс. Сочинения в 4-ех книгах. Кн. 2.1995. - С. 77.
270. Фрейд З. «Моисей» Микеланджело. – 5 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.litres.ru/zigmund-freyd/moisey-mikelandzhelo/> (дата обращения 02.03.2012).
271. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд. - СПб.: «Азбука-классика», 2009. - 192 с.
272. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. - М.: Республика, 1993. - 447 с.
273. Хаскельберг Б.Л. Индивидуальное и родовое в гражданском праве / Б.Л. Хаскельберг, В.В. Ровный. - М.: Стаут, 2004. - 236 с.
274. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти: пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина / М. Хальбвакс.- М.: Новое издательство, 2007. - 348 с.
275. Цыганов Н. Не для путеводителя / Н. Цыганов // Литературная газета. № 29. 2011. 20-26 июля. С. 8.
276. Шамакина К. Азербайджанская «дача со львами» / К. Шамакина // «Деловой Петербург». № 4. 2011. 19 января. С. 6-7.
277. Шаманаев А.В. Охрана культурного наследия в России (XVIII – конец XX века) / А.В. Шаманаев. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005 – 92 с.
278. Шелер М. Избранные произведения / Пер. с нем.;. - М.: Гнозис, 1994. – 490 с.
279. Шестаков В.А. Формирование понятия «культурные ценности» / В.А. Шестаков // Studia culturae. Выпуск 11: Опыт интерпретации культурного наследия в горизонте постмодерна.- СПб., 2008., - С. 83-92.

280. Шигарева Ю. Кнутом культуру не спасти! / Ю. Шигарева // Аргументы и факты. № 10. 2010. С. 54.
281. Ширшов М. Мыс для небоскреба / М. Ширшов // Российская газета. № 279. 2010. 9 декабря. С. 13.
282. Шкурунок Н. Парадные руины // «Новая газета». № 25. 2010. 8 апреля. С. 19.
283. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гетшалт и действительность: пер. с нем. / О. Шпенглер. - М.: Эксмо, 2006. – 800 с.
284. Шульгин П.М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития / П.М. Шульгин // Мир России № 2, 2004. - С. 115 - 133.
285. Шухободский А.Б. Статус памятника культуры / А.Б. Шухободский // Studia culturae. Выпуск 11: Опыты интерпретации культурного наследия в горизонте постмодерна.- СПб., 2008. - С. 121-127.
286. Эннекперус Л. Курс германского гражданского права: в 2 т.: пер. с нем. / Л. Эннекперус. - М.: Иностранная литература. Т.1: Полутом 2. 1950. – 483 с.
287. Энциклопедия афоризмов. Археология. [Электронный ресурс] URL: http://fictionbook.ru/author/ye_borohov/yenciklopediya_aforizmov/read_online.html?page=2 (дата обращения 06.12.2012).
288. Яблонский П. Не судить без разбора / П. Яблонский // Петербургский дневник. № 29. 2010. 2 августа. С. 8.
289. Ясперс К. Истоки истории и её цель: пер с нем. / К. Ясперс. – М.: Республика, 1994. – 360 с. (Мыслители XX в.).
290. Aquinas St. Thomas. Commentaries on Aristotle's On Sense and What Is Sensed and On Memory and Recollection.//Translated with introductions and notes by Kevin White and Edward M. Macierowski. - Washington, D.C., The Catholic University of America Press, 2005. – P. 169-235.
291. Artelius Tore. The Framework of Pagan Identity. "Time" in the Southern Scandinavian Late Iron Age. In: H. Karlsson (ed.) It's about Time. The Concept of Time in Archaeology. – Goteborg: Bricoleur Press, 2000. – P. 1-27.
292. Ashworth, Gregory J. and Peter J. Larkham (eds). Building a New Heritage: Tourism, Culture and Identity in the New Europe. – L. and N-Y.: Routledge, 1994. – 228 p.
293. Ashworth G.J. From History to Heritage - from Heritage to Identity. In Search of Concepts and Models. In: G.J. Ashworth and P.J. Larham (eds). Building a New Heritage. Tourism, Culture and Identity in the New Europe. – L.: Routledge, 1994 – P. 13-30.
294. Assmann Jan. Ägypten. Eine Sinnesgeschichte. – München: Hanser, 1996. – S. 26-31.
295. Assmann Jan. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität. In: J Assmann and T. Holscher (eds). Kultur und Gedächtnis. – Frankfurt/M.: Surkamp, 1988. – S. 9-19.
296. Assmann Jan. Moses the Egyptian. The Memory of Egypt in Western Monotheism. – Cambridge, Massachusetts and L.: Harward University Press, 1997. – 276 p.
297. Assmann Jan. Stein und Zeit. Das "monumentale" Gedächtnis der altägyptischen Kultur. In: J. Assmann and T. Holscher (eds) Kultur und Gedächtnis. – Frankfurt/M.: Surkamp, 1988. – S.87-114.
298. Atkinson John A., Banks Iain and O'Sullivan Jerry (eds). Nationalism and Archaeology. Scottish Archaeological Forum. – Glasgow: Cruithne Press, 1996. – P. 174–199.
299. Bakhurst David. Social Memory in Soviet Thought. In D. Middleton and D. Edwards (eds). Collective Remembering. – L.: Sage, 1990. – P. 203-226.
300. Berger Peter L. and Luckmann Thomas. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie (Engl. The Social Construction of Reality, 1966). – Frankfurt/M.: Fisher, 1980. – 240 S.
301. Blake Emma. Negotiating Nuraghi: Settlement and the Construction of Ethnicity in Roman Sardinia. In K. Meadows, C. Lemke and J. Heron (eds). TRAC 96. Proceeding of the Sixth Annual Theoretical Roman Archaeological Conference, Sheffield 1996. – Oxford: Oxbow, 1997. – P. 113-119.
302. Borofsky Robert. Making history. Pukkapukan and Anthropological Construction of Knowledge. - Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 201 p.
303. Bradley Richard. Ritual, Time and History. World Archaeology. 23 (2), 1991 - P. 209-219.
304. Burke Peter. History as Social Memory. In T. Butler (ed.) Memory: History, Culture and the Mind. – Oxford: Blackwell, 1989. - P. 97-113.
305. Butterfield Herbert. The Origin of History. – L.: Eyre Methuen, 1981. – 252 p.

306. Carman John. *Beating the Bounds: Archaeological Heritage Management as Archaeology, Archaeology as Social Science*. *Archaeological Review from Cambridge* 10:2 – Cambridge, 1991. – P. 175-184.
307. Clark David. *Analytical Archaeology*. – L.: Methuen & Co, 1968. – 684 p.
308. Clark Grahame. *Archaeology and Society*. Third revised edition (1957). – L.: Methuen & Co, 1960. – 272 p.
309. Cleery Henry (ed) *Archaeological Heritage Management in the Modern World. One World Archaeology*. Vol. 9. – L.: Unwin Hyman, 1989. – 332 p.
310. Connerton Paul. *How Societies Remember*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 121 p.
311. Convencion sobre la proteccion del patrimonio mundial, cultural y natural // Text Espanol. - P.: UNESCO, 1972. – 16 p.
312. Convention concernant la protection du patrimoine mondial culturel et naturel.// Adoptee par la Conference generale a sa dix-septieme session Paris, 16 novembre 1972.// Text francais. – P.: UNESCO, 1972. – 16 p.
313. Convention concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage adopted by the General Conference at its seventeenth session Paris, 16 november 1972, English Text, P.: UNESCO, 1972. – 16 p.
314. Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict.// Final Act of the Intergovernmental Conference on the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict, The Hague, 1954. (на четырех языках – английском, испанском, французском, русском). – Hague, UNESCO, 1954. - P. 6-67.
315. Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property 1970. - P.: UNESCO, 14 November 1970. – 14 p.
316. Dietler Michael. A Take of Three Sites: the Monumentalization of Celtic Oppida and the Politics of Collective Memory and Identity. *World Archaeology* 30, 1998. – P. 72-89.
317. Elsner John. From the Pyramids to Pausanias and Piglet: Monuments, Travel and Writing. In: S. Goldhill and R. Osborne (eds). *Art and Text in Ancient Greek Culture*. – Cambridge. Cambridge University Press, 1994. – P. 224-254.
318. European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage (Revised), Valetta, 16.I.1992. [Электронный ресурс] URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/html/143.htm> (дата обращения 17.07.2012).
319. Fentress James and Chris Wickham. *Social Memory*. – Oxford: Blackwell, 1992. – 229 p.
320. Fowler Peter. *The Past in Contemporary Society: then, now*. - L.: Routledge, 1992. – 192 p.
321. Friedman Jonathan. The Past in the Future: History and the Politics of Identity. *American Anthropologist* 94 (4), 1992. – P. 837-859.
322. Garwood Paul. Ritual Tradition and the Reconstitution of Society. In: P. Garwood, D. Jennings, R. Skeates and J. Toms (eds) *Sacred and Profane. Proceedings of a Conference on Archaeology. Ritual and Religion*, Oxford 1989. Oxford University Committee for Archaeology Monograph 32. – Oxford: Institute of Archaeology. – P.10-32.
323. Geary Patrick. *Phantoms of Remembrance. Memory and Oblivion at the End of the First Millennium*. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 248 p.
324. Goff Jacques Le. Past/Present (1977-1981). In: J.L. Goff, *Hystory and Memory*. – N-Y.: Columbia University Press, 1992. – P. 1-19.
325. Goody Jack. Time: Social Organization. In D.L. Sills (ed.) *International Encyclopedia of Social Sciences* 16. – N-Y.: Macmillan, 1991. – P. 30-42.
326. Gosden Chris and Lock Gary. Prehistorick Histories. *World Archaeology* 30, 1998 – P. 2-12.
327. Graves-Brown Paul, Jones Sian and Gamble Clive (eds). *Cultural Identity and Archaeology. The Construction of European Communities*. – L.: Routledge, 1996. – 302 p.
328. Halbwachs Maurice. *The Collective Memory (posthumous/prior to 1940)*. – N-Y. and L.: Harper and Row, 1980. – 186 p.
329. Halbwachs Maurice. *On Collective Memory*. Edited, translated and introduced by L.A. Coser. – Chicago and L.: University of Chicago Press, 1992 – 254 p.
330. Harvey David. Heritage Pasts and Heritage Presents: Temporality, Meaning and the Scope of Heritage Studies. *International Journal of Heritage Studies* 7, 2001. – P. 319-338.
331. Hodder Ian. *Theory and Practice in Archaeology*. – L. and N-Y.: Routledge, 1992. – 223 p.

332. Holtorf Cornelius. (2000-2008) Monumental Past: The Life-histories of Megalithic Monuments in Mecklenburg-Borpommern (Germany). Electronic monograph. University of Toronto: Centre for Instructional Technology Development. [Электронный ресурс] URL: <http://hdl.handle.net/1807/245> (дата обращения 30.05.2011).
333. Horne David. The Great Museum. The Re-Presentation of History. – L. and Sydney, Pluto, 1984. – 265 p.
334. Information Please Almanac. Atlas and Yearbook 1964. – N-Y., Simon and Schuster, 1963. – 928 p.
335. Jonker Gerdien. The Topography of Remembrance. The Dead, Tradition and Collective Memory in Mesopotamia. – Leiden, N-Y., Köln: Brill, 1995. – 284 p.
336. King James Bible (Cambridge edition). Genesis 1:1-3. [Электронный ресурс] URL: <http://bible.cc/genesis/1-1.htm> (дата обращения 25.11.2012).
337. Kirchner Horst. Über das Verhältnis des schriftlosen frühgeschichtlichen Menschen zu seiner Geschichte. Sociologus N.F. 4, 1954 – S. 9-22.
338. Kirchner Horst. Vorgeschichte als Geschichte. Die Welt als Geschichte 11, 1951 – S. 83-96.
339. Kohl Philip L. and Clare Fawcett (eds). Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 329 p.
340. Kohli-Kunz Alice. Erinnern und Vergessen. Das Gegenwartigsein des Vergangenen als Grundproblem historischer Wissenschaft. Erfahrung und Denken, Vol. 40. – Berlin: Duncker & Humboldt, 1973. – 117 S.
341. Kristiansen Kristian “The Strength of the Past and its Great Might”. An essay on the use of the past. Journal of European Archaeology 1. – Cruithne Press, 1993. – P. 3-32.
342. Layton Robert (ed.) Conflict in the Archaeology of Living Tradition. – L. and N-Y.: Routledge, 2005. – 243 p.
343. Leone Mark, Potter Parker and Shackel Paul. Toward a Critical Archaeology (with comments and reply)// Current Anthropology 28, 1987. – P. 283-302.
344. Libreria. Афоризмы. [Электронный ресурс] URL: <http://libreria.ru/aphorismes/85781.html> (дата обращения 30.11.2012).
345. Liberia. Афоризмы. Пословицы. [Электронный ресурс] URL: <http://www.libreria.ru/aphorismes/autors/2822/> (дата обращения 05.11.2012).
346. Longman A.W. Dictionary of English Language and Culture. – Harlow, Essex, England, “Longman”, 1998 – 1568 p.
347. Lowenthal David. The Past is a Foreign Country. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 516 p.
348. Lubbe Hermann. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse: Analytik und Pragmatik der Historie. – Basel and Stuttgart: Schwabe, 1977. – S. 145–154.
349. MacCannell, Dean. Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings. American Journal of Sociology 79 (3), 1973 - P. 589-603.
350. Maier Charles S. A Surfeit of Memory? Reflections of History, Melancholy and Denial. History and Memory 5, 1993. – P. 136-151.
351. Marcuse Harold, Reception History: Definition and Quotations. - University of California, Santa Barbara, Department of History. [Электронный ресурс] URL: <http://www.history.ucsb.edu/faculty/marcuse/receptionhist.htm> (дата обращения 30.05.2011).
352. Marquard Odo. Über die Unvermeidlichkeit der Geisteswissenschaften. In: O. Marquard. Apologies des Zufalligen. – Stuttgart: Reclam, 1986. – S. 98-116.
353. Mead George H. The Nature of the Past. In: J. Coss (ed.) Essays in Honor of John Dewey. – N-Y.: Henry Holt & Co, 1929. – P. 235-242.
354. Middleton David and Edwards Derek (eds). Collective Remembering. – L.: Sage, 1990. – 230 p.
355. Müller Klaus. Prähistorisches Geschichtsbewusstsein. Versuch einer ethnologischen Strukturbestimmung. In: J. Rusen, M. Gottlob, and A. Mittag (eds). Die Vielfalt der Kulturen (Erinnerung, Geschichte, Identität 4). – Frankfurt: Suhrkamp, 1998. – S. 269-295.
356. Müller-Karpe Herman. Zu Frühformen des Geschichtsbewusstseins. In: H. Müller-Karpe (ed.) Archäologie und Geschichtsbewusstseins. Kolloquien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 3. – München: Beck, 1982. – S. 5-11.
357. Nerone John, Professional History and Social Memory. Communication 11, 1989. – P. 89-104.
358. Neustupny Evzen. Otherness in Prehistoric Times. In: L. Larsen and B. Stjernquist (eds) The World-View of Prehistoric Man. Rjnferser 40. – Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1998. – P. 65-71.

359. Niethammer Lutz. Die posmoderne Herausforderung: Geschichte als Gedächtnis im Zeitalter der Wissenschaft. In W. Kuttler, J. Rusen and E. Schulin (eds) *Geschichtsdiskurs*, vol. 1: Grundlagen und Methoden der Historiographiegeschichte. – Frankfurt/M.: Fischer, 1993. – S. 31-49.
360. Nora Pierre. *Between Memory and History: Les Lieux de Memoire* (1984). *Representations* 26, Spring 1989. – P. 7-25.
361. Nora Pierre. *From Lieux de Memoire to Realms of Memory*. In: Pierre Nora, and Lawrence D. Kritzman (eds). *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. Vol. 1: Conflicts and Divisions. – N-Y.: Columbia University Press, 1996. – 642 p.
362. *Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention*. – P.: UNESCO, World Heritage Centre, January 2008, WHC. 08/01. – 163 p.
363. Orwell George. *Animal Farm* (1945). - Signet Classics; 50th Anniversary edition, 1996. – 140 p.
364. *The Oxford Minidictionary*. Third Edition. – Oxford, Clarendon Press, 1991. – 646 p.
365. Peterson Karen Ida. *The Heritage Resource as Seen by the Tourist: The Heritage Connection* [1990]. In: J.v.Harssel (ed.) *Tourism: An Exploration*. Third Edition. - Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1994. - P. 242-249.
366. *Petit Larousse illustre* 1974. – P.: Librairie Larousse, 1974. – 1816 p.
367. Piggott Stuart. *Approach to Archaeology* (1959). – Harmondsworth: Penguin, 1966. – 151 p.
368. Prott L. & O’Keefe P.J. *Law and Cultural Heritage*. 5 volumes. - Abingdon. 1984. – 1049 p.
369. Pryor Francis. *Seahenge. New Discoveries in Prehistoric Britain*. – L.: Harper Collins, 2001. – 337 p.
370. Radley Alan. *Artefacts, Memory and a Sense of the Past*. In: D. Middleton and D. Edwards (eds). *Collective Remembering*. – L.: Sage, 1990. – P. 46-59.
371. Randsborg Klavs. *Impressions of the Past. Early Material History in Scandinavia*. *Acta Archaeologica* 70, 1999 – P. 185-194.
372. *Recommendation concerning the International Exchange of Cultural Property*.// Nairobi, 26 November 1976.//UNESCO. *Records of the General Conference. Nineteenth Session Nairobi, 26 October to 30 November 1976. Volume 1. Resolutions. Annex 1*. – P.: UNESCO, 1977. – P. 16-19.
373. *Recommendation concerning the Preservation of Cultural Property Endangered by Public or Private Works* // Paris 19 November 1968.//UNESCO. *Records of General Conference. Fifteenth Session. Volume 1. Resolutions*. Paris, 1968. – P.: UNESCO, 1969. – P. 139-145.
374. *Recommendation concernant la sauvegarde des ensembles historiques ou traditionnels et leur role dans la vie contemporaine*.// Nairobi, 26 November 1976.//UNESCO. *Acts de la Conference generale. Dix-neuvieme session Nairobi, 26 octobre - 30 Novembre 1976. Volume 1. Resolutions. Annex 1*. – P.: UNESCO, 1977. – P. 21-29.
375. *Recommendation concerning the Safeguarding and Contemporary role of Historic Areas*.// Nairobi, 26 November 1976.//UNESCO. *Records of the General Conference. Nineteenth Session Nairobi, 26 October to 30 November 1976. Volume 1. Resolutions. Annex 1*. – P.: UNESCO, 1977. – P. 20-28.
376. *Réexamen de la Convention pour la protection des biens culturels en cas de conflit armé (Convention de La Haye de 1954)*, P.: UNESCO, 1993, 179 p.
377. Rusen Jorn. *Was ist Geschichtsbewusstsein? Theoretische Überlegungen und heuristische Hinweise* (1991). In: J. Rusen. *Historische Orientierung*. – Köln: Böhlau, 1994. – S. 3-24.
378. Samuel Raphael. *Theatres of Memory*. Vol. 1: Past and Present in Contemporary Culture. – L.: Verso, 1994. – 493 p.
379. Schorken Rolf. *Geschichte in der Alltagswelt: wie uns Geschichte begegnet und was wir mit ihr machen*. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. – 260 S.
380. Schott Rudiger. *Das Geshichtshewusstsein schriftloser Volker*. *Archiv für Begriffsgeschichte* 12, 1968. – S. 166-205;
381. Seters John van. *In Search of History. Historiography in the ancient world and the origins of Biblical history*. – New Haven and L.: Yale University Press, 1983. – 399 p.
382. Shanks Michael. *Classical Archaeology of Greece. Experiences of the discipline*. – L.: Routledge, 1996. – 199 p.
383. Shanks, Michael. *Experiencing the Past. On the Character of Archaeology*. –L.: Routledge, 1992. – 231 p.
384. Shanks Michael and Tilley Christopher. *Re-Constructing Archaeology. Chapters 1 and 4*. – L.: Routledge, 1992. – 70 p.
385. Shils Edward. *Tradition*. – L.: Faber and Faber, 1981. – 334 p.
386. Siegel Michael. *Denkmalpflege als öffentliche Aufgabe: eine ökonomische, institutionelle und historische Untersuchung*. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1985. – 320 S.

387. Tacon Paul S.C. Socialising Landscapes: the Long-term Implications of Signs, Symbols and Marks on the Land. *Archaeology in Oceania* 29, 1994 – P. 117-129.
388. Thelen David. Memory and American History. *The Journal of American History* 75, 1989. – P. 1117-1129.
389. Thomas Julian. *Time, Culture and Identity. An Interpretive Archaeology.* – L.: Routledge, 1996. – 267 p.
390. Thompson Paul. *The Voice of the Past. Oral History.* Second edition. – Oxford: Oxford University Press, 1988. – 368 p.
391. Tijen Tjebbe van. The Arts of Oneself. Twenty-six Short Tales on Personal Memoraphilia. In: Akiko Tobu: *Memoraphilia.* – Tokyo. Studio Parabolica, Inc., 2004. – 120 p.
392. Todorov Tzvetan. Reading as Construction. In: S.R. Suleiman and I. Crosman (eds). *The Reader in the Text.* – Princeton: Princeton University Press, 1980. – P. 67-82.
393. Toohey Sue. Isaac Newton & the Ocean of Truth. [Электронный ресурс] URL: <http://www.skyscript.co.uk/newton.html> (дата обращения 26.11.2012)
394. Toulmin Stephen and Goodfield June. *The Discovery of Time.* – L.: Hutchinson, 1965. – 280 p.
395. Trotzig Gustaf. Archaeology as Part of the Swedish Support to Developing Countries. *Current Swedish Archaeology* 3, 1995. – P. 139-144.
396. UNIDROIT Convention on Stolen or Illegally Exported Cultural Objects (Rome, 24 June 1995). – Rome, , 1995 – 15 p.
397. Urry John. *The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies.* – Newbury Park CA and L.: Sage Publications, 1990. – 176 p.
398. Veit Ulrich. Kollektivbestattung im nord-und westeuropäischen Neolithikum. *Bonner Jahrbücher* 193, 1993 – S. 1-44.
399. Vogt Joseph. Geschichte und Vorgeschichte. *Historisches Jahrbuch* 62/69, 1949. – S. 1-12.
400. Walsh Kevin. The post-modern Threat to the Past. In: I.Bapty and T.Yates (eds) *Archaeology after Structuralism: Post-structuralism and the Practice of Archaeology.* – L.: Routledge, 1990. - P. 278-293.
401. Walsh, Kevin. *The Representation of the Past. Museums and Heritage in the Post-modern World.* - L.: Routledge, - 1992. – 204 p.
402. Young James E. *The Texture of Memory. Holocaust, Memorials and Meanings.* – New Haven and L.: Yale University Press, 1993. – XVII + 398 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Глава 1. Генезис представления о памятнике	
<i>Понятие памятника</i>	6
<i>Феномены «памятник», «наследие», «ценность» и «имущество» в европейской культурной традиции</i>	31
<i>Эволюция понятия «памятник истории и культуры» в России</i>	47
Глава 2. Культурная топология «памятника истории и культуры»	
<i>Номинация «памятника истории и культуры»</i>	61
<i>Памятники «культового», «военно-исторического» и «гражданского» типов</i>	75
<i>«Памятник археологии» как отдельный феномен «культурных ценностей»</i>	86
Глава 3. Специфика восприятия «памятника истории и культуры» в России	
<i>Признаки, свойства и функции «памятников истории и культуры»</i>	96
<i>Юридический статус «памятника истории и культуры» в нормативно правовом пространстве</i>	105
<i>Современная рефлексия «памятника истории и культуры» в России</i>	118
<i>«Памятник истории и культуры» как носитель национальной российской идеи</i>	136
Заключение	147
Библиография	150

Научное издание

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СТАНДАРТИЗАЦИИ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шухободский Александр Борисович

Статус памятника истории и культуры (попытка проникнуть в
сакральное пространство нашего наследия)

ISBN 978-5-904849-06-1

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СТАНДАРТИЗАЦИИ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

194014, Санкт-Петербург, Басков пер., 13/15, оф. 28Н.
Тел./факс +7(812) 7172713, e-mail: iso-museum@ya.ru
Издательство НИИ стандартизации музейной деятельности
ответственный редактор Шестаков Д. В.

отпечатано

Тираж 100 экземпляров, заказ №